

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1888.

№ 7.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	453—478
Русская и нѣмецкая школа (продолженіе). Свяд. Т. Бутковича	479—494
Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству. Историческое изслѣдованіе (продолженіе). А. Вертедовскаго	495—508

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи Н. Линницкаго	297—319
О физиологическомъ методѣ въ психологіи (продолженіе). М. Остроумова	320—335
Моральная философія стоиковъ въ отношеніи къ христіанству (окончаніе). С. Говорова	336—352

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Отъ Харьковской духовной Консисторіи.— Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Училища. — Списокъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія Харьковской епархіи, коимъ за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству преподано благословеніе св. Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1888.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТЪ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Истѣ: вообѣен:

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI. 8.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Апрѣля 14 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

ВВЕДЕНІЕ

ГЛАВА I

(Продолженіе *).

VI.

Меттернихъ смотрѣлъ на открытіе мирнаго конгресса въ Шатильонѣ какъ на великій успѣхъ своего дипломатическаго искусства. Давно, можно сказать, съ самаго начала коалиціонной войны, онъ вовсе не раздѣлялъ крайнихъ стремленій Александра, далекъ былъ отъ всякой мысли о сверженіи Наполеона, и готовъ былъ заключить миръ съ нимъ при первомъ удобномъ случаѣ. Европа и ея общіе интересы вовсе не существовали для него; подобно повѣренному своему Генцу, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія одерживать новыя побѣды и мстить Наполеону. Въ своемъ неуклонномъ стремленіи къ миру австрійскій канцлеръ встрѣчалъ, однакоже, постоянно двѣ непреодолимыя преграды: непобѣдимое упорство самого Наполеона и страстное стремленіе Александра окончить войну не иначе, какъ взятіемъ Парижа и низложеніемъ Бонапарте и его династіи

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 5.

съ французскаго престола. Послѣ долгихъ тщетныхъ усилій, Меттернихъ началъ наконецъ, повидимому, приближаться къ завѣтной цѣли своихъ стремленій. Въ первыхъ числахъ февраля оба важнѣйшія препятствія къ мирному соглашенію были если и не совершенно устранены, то значительно ослаблены. Александръ далъ свое согласіе не только на открытіе конгресса въ Шатильонѣ, но даже и на программу будущаго мира. Наполеонъ съ своей стороны, потрясенный послѣдними неудачами и въ особенности поражениемъ при Ла-Ротьерѣ, послалъ своему уполномоченному въ Шатильонѣ предписаніе подписать немедленно миръ, „дабы спасти столицу и избѣжать сраженія, въ которомъ должны быть поставлены на карту послѣднія надежды націи“.

Само собою понятно, что Меттернихъ не могъ знать подлиннаго текста этого предписанія Наполеона, но уже весь образъ дѣйствій Коленкура ¹⁾ въ Шатильонѣ долженъ былъ привести его къ убѣжденію, что императоръ французовъ,

IV

¹⁾ Чтобы понять образъ дѣйствій Коленкура въ Шатильонѣ, необходимо имѣть въ виду то крайне затруднительное положеніе, въ которое ставилъ его Наполеонъ своими неопредѣленными и противорѣчивыми предписаніями, получивъ известное намъ повелѣніе Наполеона отъ 5 февраля заключить миръ во что-бы то ни стало. Коленкуръ отвѣчалъ слѣдующимъ характернымъ письмомъ: „я противостою здѣсь четыремъ переговорщикамъ, если считать трехъ англійскихъ уполномоченныхъ за одного. Эти четыре переговорщика имѣютъ тождественную инструкцію, составленную государственными министрами четырехъ дворовъ. Ихъ слова предписаны имъ напередъ. Заявленія, которыя они должны сдѣлать, доставлены имъ заранѣе. Они не дѣлаютъ шага, не произносятъ слова, не стоворившись между собою напередъ. Они желаютъ сами, чтобы вѣдѣнь былъ протоколъ, но когда я требую, чтобы въ него занесены были протѣйшія замѣчанія объ осязательнѣйшихъ фактахъ, то тотчасъ-же возникаютъ затрудненія по поводу самыхъ умѣренныхъ выраженій, и я бываю вынужденъ уступать, дабы не терять времени въ пустыхъ препирательствахъ. Я чувствую какъ дороги мгновенія, но съ другой стороны я сознаю, что поспѣшностью я могу погубить все. Я спѣшу, но съ осторожностью, необходимою, чтобы не повредить ввѣреннымъ мнѣ интересамъ; я спѣшу, но такъ чтобы не отдаться въ руки этихъ людей. При такомъ положеніи дѣлъ я получаю письмо самаго возбуждающаго содержанія. Когда я убѣждалъ, то руки мои были почти связаны, а теперь я получаю неограниченныя полномочія; тогда меня удерживали, теперь подстрекаютъ. И при этомъ меня оставляютъ въ неизвѣстности о при-

доведенный до крайности, дѣйствительно и искренно желаетъ мира. Первое засѣданіе конгресса состоялось 5 февраля. Послѣ обмена полномочій и исполненія обычныхъ формальностей, представители союзныхъ державъ заявили Коленкуру, что они являются здѣсь не только въ качествѣ пословъ четырехъ союзныхъ дворовъ, но и какъ носители порученія Европы, составляющей здѣсь одно неразрывное цѣлое, вести съ Франціею переговоры о мирѣ, при чемъ они берутъ на себя ручательство, что и остальные союзники примутъ заключенныя ими условія. Всякое разсужденіе о морскомъ правѣ, заявили далѣе послы, должно быть устранено изъ настоящихъ конференцій, какъ дѣло, не находящееся въ связи съ общими интересами и могущее лишь воспрепятствовать заключенію мира.

Коленкуръ выслушалъ спокойно эту декларацию союзныхъ министровъ. Повидимому, онъ былъ готовъ къ самому худшему. Онъ ничѣмъ не возразилъ противъ такого, небывалаго въ формальнѣйшій отношеніи заявленія и молча согласился, что уполномоченные четырехъ державъ выступаютъ въ ка-

чинахъ такой перемѣны; мы указываемъ на опасности, но не говоримъ, какъ велики онѣ, грозятъ-ли онѣ съ одной, или съ нѣсколькихъ сторонъ. Передъ моимъ умомъ подымаются то одновременно, то поочередно на первомъ планѣ В. В. и армія, предводимая Вами, Парижъ, Бреганъ, Испанія, Италія. Мое воображеніе переносится отъ одного предмета къ другому, но я не въ состояніи составить себѣ опредѣленнаго мнѣнія. Незнакомый съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, я не могу судить чего требуетъ оно, и что дозволяетъ оно: таково-ли оно, что я долженъ слѣпо согласиться на все безъ переговоровъ и замедленія, или же я располагаю для обсужденія, по крайней мѣрѣ важѣйшихъ пунктовъ, нѣсколькими днями, или однимъ днемъ, или наконецъ, ни однимъ мгновеніемъ. Меня могли бы освободить отъ такого стѣснительнаго положенія, сообщивъ мнѣ извѣстія, которыхъ не нахожу въ письмѣ герцога Бассанскаго. Въ невѣдѣніи, въ которомъ оставляютъ меня, я буду дѣйствовать осторожно, какъ и слѣдуетъ находясь между двумя утесами, но въ крайнемъ случаѣ я сдѣлаю все, что будетъ требовать, безопасность В. В. и благоденствіе моей страны. См. Оякенъ, *die Krisis der letzten Friedensverhandlungen mit Napoleon I, Historisches Taschenbuch*, за 1886 г., стр. 5—6.

Подлинный текстъ заявленій союзныхъ уполномоченныхъ помещенъ въ заголовкѣ инструкцій, данныхъ гр. Разумовскому въ Баръ-сюръ-Объ 15 февраля.—См. Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества, томъ XXXVII, стр. 367—368.

чествѣ представителей всей Европы. Онъ не только не протестовалъ противъ устраненія вопроса о морскомъ правѣ, но даже нашель, что такое устраненіе вполне цѣлесообразно и естественно. Выслушавъ отвѣтъ французскаго уполномоченнаго, союзные послы объявили, что первое засѣданіе конгресса должно считаться оконченнымъ. Коленкуръ былъ видимо недоволенъ такимъ заявленіемъ; онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы побудить уполномоченныхъ объяснить немедленно свои мирныя условія. Неужели, замѣтилъ онъ, союзники не имѣли времени обдумать свои условія въ теченіи того долгаго мѣсяца, который провелъ онъ на аванпостахъ въ ожиданіи открытія конгресса. „Его стремленіе“, доносилъ Разумовскій, „идти впередъ было такъ велико, что онъ готовъ былъ окончить переговоры въ теченіи одного дня, или по крайней мѣрѣ, ускорить ходъ ихъ по мѣрѣ возможности“. Союзные уполномоченные стояли, однако, упрямно на своемъ мнѣніи, а когда Коленкуръ продолжалъ развивать свои доводы и убѣжденія, то Разумовскій, желая положить предѣлъ такой настойчивости, объявилъ, что онъ не получилъ еще своихъ инструкцій, а потому и не можетъ продолжать переговоры ¹⁾.

Второе засѣданіе конференцій ²⁾ состоялось 7-го января. Графъ Стадіонъ прочелъ общее заявленіе союзныхъ державъ, заключавшее въ себѣ ихъ требованія. Этихъ требованій было два: Первое гласило, что Франція должна возвратиться въ свои дореволюціонныя границы и отречься отъ всякаго непо-

¹⁾ „Serpendant“, пишетъ Разумовскій въ своемъ первомъ донесеніи изъ Шатильона, „pour couper court aux instances de notre adversaire, j'ai cru devoir declarer que n'ayant point encore mes instructions, que S. M. L'Empereur, dans les circonstrances actuelles, n'avait pas eu le loisir de me faire expedier, je me trouvais hors de mesure de poursuivre la negociation, jusqu'a ce quelles me fussent parvenues“. Семейство Разумовскихъ, Васильчикова. Т. IV, стр. 467.

²⁾ Въ самомъ началѣ второго засѣданія, Коленкуръ, прочитывая полномочіе Разумовскаго, замѣтилъ, что въ немъ отсутствуетъ формальное полномочіе подписать миръ. Разумовскій возразилъ, что если Коленкуръ находитъ это необходимымъ, то пусть заявитъ формально свое требованіе, и онъ, Разумовскій, обратится въ такомъ случаѣ къ своему государю. Коленкуръ оставилъ, однако-же, этотъ вопросъ, опасаясь очевидно, новыхъ проволочекъ. См. семейство Разумовскихъ. Т. IV, стр. 468.

средственнаго вліянія внѣ своихъ будущихъ предѣловъ; второе, вытекавшее изъ перваго, заявляло, что императоръ Наполеонъ обязанъ сложить съ себя все титулы, вытекающіе изъ его владѣтельныхъ или протекторскихъ правъ въ Германіи, Итали и Швейцаріи¹⁾).

Колленкуръ выслушавъ снова это ровное для Франціи требованіе, лишившее ее не только всѣхъ завоеваній Наполеона, но и всѣхъ пріобрѣтеній республики. „Онъ казался, по словамъ Стадіона, человѣкомъ подавленнымъ несчастіемъ, готовымъ на все, только бы повѣнчать войну, согласнымъ подписать все, что отъ него ни потребуютъ. Онъ былъ крайне вѣжливъ и почителенъ во всѣхъ своихъ выраженіяхъ“²⁾.

„Колленкуръ“, говоритъ Разумовскій, „отвѣчалъ смиреннымъ и печальнымъ тономъ, что его рѣшь—принести жертвы, что онъ готовъ подписать всѣ наиболѣе требованія подъ единственнымъ условіемъ, чтобы онѣ были объявлены ему немедленно во всей должной обстоятельности“³⁾. Переходя затѣмъ въ извѣстостямъ, Колленкуръ замѣтилъ, что онъ не можетъ возразить ничего противъ отреченія Наполеона отъ титуловъ, что теряя свои владѣтельныя права, императоръ тѣмъ самымъ теряетъ и титулы, соединенныя съ ними. „Касаясь новаго порядка, который намъ вѣдали ввести союзники въ Европѣ, Колленкуръ замѣтилъ, что Франція должна имѣть право голоса лишь въ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ касаться непосредственно ея интересовъ. Наконецъ, французскій уполномоченный прямо заявилъ, что онъ не намѣренъ ссылаться на донесенія С. Энгельса и на декларацію 1 декабря 1813 г. и пользоваться ими какъ оружіемъ противъ союзныхъ уполномоченныхъ, ибо онъ хорошо понимаетъ, что военные успѣхи союзниковъ совершенно измѣнили съ тѣхъ поръ положеніе дѣлъ“⁴⁾. Послѣ долгой бесѣды Колленкуръ объявилъ, что онъ долженъ представить

1) Подлинный текстъ боюжныхъ требованій см. у Ойкена, гдѣ они взяты изъ протокола конгресса, напечатаннаго въ корреспонденціи Кестльри, Т. IX, стр. 541.

2) Ойкенъ, стр. 10.

3) См. семейство Разумовскихъ, Т. IV, стр. 468.

4) Донесеніе Стадіона у Ойкена, стр. 11.

письменный отвѣтъ на декларацію союзныхъ уполномоченныхъ, что ему необходимо для этой цѣли нѣсколько часовъ времени и что онъ проситъ поэтому прервать засѣданіе конгресса до восьми часовъ вечера. Само собою понятно, что эта просьба французскаго посла была уважена.

По возобновленіи засѣданія Коленкуръ прочелъ слѣдующее заявленіе: „уполномоченный Франціи повторяетъ еще разъ принятое его дворомъ обязательство принести величайшія жертвы для заключенія мира. Онъ повторяетъ это обязательство, хотя требованія, предъявленныя въ сегодняшнемъ засѣданіи отъ имени союзныхъ державъ, уклоняются очень далеко отъ основаній, заявленныхъ ими во Франкфуртѣ и признававшихъ естественныя границы Франціи; хотя требованія эти крайне далеки отъ тѣхъ заявленій, которыя неоднократно сдѣланы были союзными дворами передъ лицомъ всей Европы; хотя требованія эти далеко не оставляютъ для Франціи того территоріальнаго объема, который соответствовалъ-бы положенію, занимаемому ею искони въ политической системѣ государствъ; хотя, наконецъ, результатомъ этихъ требованій является примѣненіе къ одной Франціи принципа, подчиниться которому не согласятся союзныя державы и примѣненіе коего, не будучи обязательнымъ для всѣхъ и безпристрастнымъ, не можетъ быть, слѣдовательно, справедливо. Французскій уполномоченный, не колеблясь ни минуты, высказался бы опредѣленнымъ образомъ по всѣмъ этимъ требованіямъ, если-бы всякая отдѣльно взятая жертва и степень, въ которой она должна быть принесена, не находилась въ неизбѣжной зависимости отъ рода и числа всѣхъ требуемыхъ жертвъ; точно также какъ и сумма жертвъ необходимо должна зависѣть отъ суммы вознагражденій. Всѣ вопросы такъ тѣсно связаны и такъ зависятъ одинъ отъ другаго, что невозможно рѣшить ни одного изъ нихъ, не зная всѣхъ остальныхъ. Тому, отъ кого требуется жертва, далеко не безразлично знать, для чьей выгоды приноситъ онъ ее и для какой цѣли будетъ употреблена она, равно, какъ и не безразлично знать положить-ли конецъ бѣдствіямъ войны принесеніе таковой жертвы. Проектъ, который

развивалъ-бы во всей ихъ полнотѣ виды союзниковъ, удовлетворилъ-бы какъ нельзя болѣе такой цѣли. Уполномоченный Франціи возобновляетъ по сему настоятельнѣйше свою просьбу, чтобы уполномоченные союзныхъ дворовъ высказались положительно о всѣхъ вышеупомянутыхъ пунктахъ¹⁾.

Строго говоря, пропозиція Коленкура, какъ назвали ее союзные уполномоченные, не заключала въ себѣ ничего необыкновеннаго, а тѣмъ менѣе ждущаго въ разрѣзъ съ только что высказанными устными отзывами французскаго министра. Невозможно было оспаривать у Коленкура такого естественнаго права, какъ желанія ознакомиться вполне и во всѣхъ деталяхъ какъ съ требованіями союзниковъ, такъ и съ тѣмъ назначеніемъ, которое предполагали они дать уступаемымъ Франціею территоріямъ. Франція и ея представитель были крайне заинтересованы въ томъ, какія именно колоніи готова «возвратить Англія, какимъ державамъ предоставлены будутъ Бельгія и лѣвый берегъ Рейна. Еще важнѣе было для нихъ получить точный и опредѣленный отвѣтъ на такіе вопросы: какъ заключается ли въ деклараціи союзныхъ уполномоченныхъ послѣднее слово ихъ дворовъ и не послѣдуютъ ли за высказанными требованіями новыя, и будетъ ли дѣйствительно заключенъ миръ и прекращены военныя дѣйствія тотчасъ-же послѣ принятія союзной деклараціи?

Уполномоченные союзныхъ державъ отказались, однако-же, дать Коленкуру требуемыя имъ разьясненія. Они упорно стояли на своемъ требованіи, что Франція должна тотчасъ-же дать свое согласіе на возвращеніе въ свои старыя границы. Этого мало. Они заявили, что выраженіе *limites* вовсе не должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему Коленкуръ и что оно отнюдь не должно быть понимаемо какъ совокупность всѣхъ континентальныхъ и колониальныхъ владѣній Франціи. Но и Коленкуръ въ свою очередь обнаружилъ неожиданное упрямство. Онъ настаивалъ на необходимости требуемыхъ имъ разьясненій, онъ то и

¹⁾ Текстъ пропозиціи Коленкура у Ожкена стр. 9—10, гдѣ онъ заимствованъ изъ корреспонденціи Кельстри, т. IX, стр. 547—548.

дѣло возвращался къ противорѣчю между прежними и теперешними требованіями союзниковъ, ссылаясь на франкфуртскую декларацію и донесенія С. Эньяна, напоминалъ союзнымъ уполномоченнымъ, что ихъ кабинеты признавали недавно сами естественныя границы Франціи. Соглашались въ принципѣ на требуемыя земельныя уступки, онъ вдругъ началъ ставить эти уступки въ зависимость отъ согласія населенія уступаемыхъ территорій. Наконецъ, онъ прямо заявилъ, что союзные уполномоченные должны сообщить ему весь планъ того новаго порядка вещей, который думаютъ установить державы въ Европѣ. Безъ этого сообщенія, добавилъ Коленкуръ, я не могу идти далѣе моего общаго заявленія, что Франція готова принести для мира самыя великія жертвы ¹⁾.

Союзные уполномоченные объявили, что они принимаютъ къ свѣдѣнію какъ письменное заявленіе Коленкура, такъ и его устные разъясненія, но что они не могутъ опредѣлить дня слѣдующаго засѣданія конгресса ²⁾. Коленкуръ былъ крайне смущенъ такимъ оборотомъ дѣла. Его смущеніе перешло въ изумленіе и страхъ, когда союзные послы добавили, что они при такихъ условіяхъ принуждены отложить возобновленіе конгресса на неопредѣленное время.

Страхъ Коленкура однако же не вполне соответствовалъ положенію дѣла. Союзные уполномоченные сами не были согласны между собою относительно вопроса о продолженіи засѣданій. Австрійскій посоль, графъ Стадіонъ, полагалъ, что конференціи могутъ быть возобновлены по прошествіи нѣсколькихъ дней. Онъ доказывалъ, что выраженіе принять къ свѣдѣнію (*ad referendum*) вовсе не значитъ ожидать результатовъ донесеній кабинетамъ и новыхъ инструкцій. Графъ Разумовскій, хорошо помня наставленія, данныя ему

¹⁾ См. Оякенъ, стр. 11—14. Семейство Разумовскихъ, т. IV, стр. 470, депеша Разумовскаго отъ 26-го января ст. стила.

²⁾ La seance de ce soir a été terminée par la declaration que nous prendrions de ce qui s'est passé aujourd'hui, *ad referendum*, et par cette raison que nous ne pouvions fixer le jour d'une prochaine conference. Депеша Разумовскаго отъ 26-го января.

при отъѣздѣ императоромъ Александромъ, стоялъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія. Онъ объявилъ, что конференціи не могутъ быть возобновлены до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ новыхъ приказаній отъ своего государя¹⁾.

Приказанія эти получены были очень скоро уже 9 февраля. Императоръ Александръ, одобряя образъ дѣйствій своего уполномоченнаго, предписалъ ему поступать такимъ же образомъ и впредь. Вместе съ тѣмъ, онъ повелѣвалъ ему, въ виду разногласія мнѣній, обнаружившагося въ средѣ самихъ союзниковъ, прекратить переговоры впредь до получения новыхъ инструкцій. Въ тотъ же самый день Разумовскій сообщилъ своимъ товарищамъ полученные имъ приказанія. Уполномоченные постановили уведомить Коленкура общою нотою о прекращеніи конференціи²⁾.

Нота была отправлена Коленкуру 10 февраля. Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела она на французскаго уполномоченнаго. Непристрахъ и недовольство значительно смягчились тѣми наблюденіями, которыя успѣлъ онъ сдѣлать за послѣдніе дни. Отъ его вниманія не укрылось глубокое и принципиальное разногласіе между представителями державъ. Онъ пришелъ въ совершенно правильное убѣжденію, что одна только Россія стремится въ прекращенію переговоровъ, тогда какъ Англія и особенно Австрія охотно подписали бы миръ. Коленкуръ съ своей стороны рѣшился всячески усилить розни между союзниками.

¹⁾ On n'a point été d'accord sur l'expression: ad referendum, dont le sens me paraît positif et l'application consacrée par un usage constant. Il signifie référer l'objet à ses supérieurs et par conséquent mettant empêchement à la marche de la négociation jusqu'à ce que des ordres supérieurs la remettent en activité, sens particulièrement incontestable dans la circonstance actuelle à la proximité, ou nous nous trouvons de nos souverains et sous le rapport du principe adopté, que les opérations militaires ne seraient ni gênées, ni ralenties pendant qu'on négocierait. Le comte Stadion n'a pas admis cette explication et a prétendu, que nous pouvions, d'après notre délibération de demain, poursuivre les conférences et en fixer le jour, ajoutant qu'on ne pouvait les différer que de deux jours, et je pense que c'est dans ce sens qu'il écrira. Делегация Разумовскаго отъ 26 января ст. ст.

²⁾ Семейство Разумовскихъ, т. IV, стр. 471. Делегация отъ 28 января ст. ст.

ми и тайно дѣйствовать на ту державу, которая заинтересована была въ сохраненіи французскаго престола за Наполеономъ и его династіею. Уже 9 февраля онъ обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ Меттерниху: „Я намѣреваюсь запросить уполномоченныхъ союзныхъ державъ достигнеть ли Франція тотчасъ-же перемирія, если она согласится на предъявленное ей требованіе возврата въ прежнія границы. Если таковая жертва будетъ имѣть своимъ прямымъ послѣдствіемъ немедленное заключеніе перемирія, то я готовъ принести ее. Въ виду этого предположенія я готовъ сдать тотчасъ-же часть тѣхъ крѣпостей, потеря которыхъ должна быть прямымъ послѣдствіемъ вышеозначенной жертвы. Я не знаю, уполномочены-ли союзные послы дать утвердительный отвѣтъ на мой вопросъ и имѣютъ-ли они полномочіе заключить перемиріе. Если они не имѣютъ такового, то никто, кромѣ Вашей свѣтлости, не можетъ способствовать болѣе его полученію. Причины, побуждающія меня къ моей просьбѣ, имѣютъ *вопрочемъ большое значеніе не для одной Франціи*. Я прошу Вашу свѣтлость предложить мое письмо на усмотрѣніе отца императрицы. Пусть онъ обратитъ вниманіе на жертвы, которыя готовы принести мы и затѣмъ рѣшить самъ“¹⁾.

Письмо Коленкура прибыло въ Труа почти одновременно съ лордомъ Кестлери. Британскій министръ былъ крайне встревоженъ совершенно неожиданнымъ для него заявленіемъ Разумовскаго и послѣшно отправился въ главную квартиру союзниковъ, чтобы разъяснить свои недоумѣнія. Его первый визитъ, по прибытіи въ Труа, былъ, разумѣется, къ Меттерниху. Австрійскій канцлеръ тотчасъ-же сообщилъ лорду, что императоръ Александръ отправилъ приказаніе Разумовскому прекратить конференціи совершенно самостоятельно, не посоветовавшись даже съ остальными союзниками. Такой поступокъ русскаго государя, добавилъ Меттернихъ, ясно до-

¹⁾ Письмо Коленкура помѣщено въ Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества, т. XXXVII, стр. 375.

казываетъ, что Александръ намѣренъ покончить во что бы то ни стало съ Наполеономъ и осуществить свой извѣстный фантастическій планъ. Для Англіи и Австріи наступилъ теперь самый опасный моментъ, а для всей коалиціи рѣшительный кризисъ. Русскіе планы начинаютъ разоблачаться во всей своей полнотѣ. Бернадотъ, котораго думаютъ посадить Александръ на престолъ Франціи, уже готовится переправиться черезъ Рейнъ и стать во главѣ корпуса Винцингероде, проникшаго далѣе другихъ корпусовъ его арміи въ глубину Франціи. Лагарпъ, котораго думаютъ сдѣлать русскій императоръ руководителемъ французскаго національнаго собранія, находится уже въ Труа, въ ожиданіи призваній своего питомца. Все готово, такимъ образомъ, къ совершенію давно задуманнаго удара, и это въ ту самую минуту, когда Франція изъявила полное согласіе на всѣ требованія, предъявленныя союзниками. При этихъ словахъ Меттернихъ показалъ письмо Коленкура отъ 9-го февраля и прочелъ его все болѣе и болѣе изумляемому лорду. На вопросъ Кестльри, что онъ думаетъ предпринять, Меттернихъ замѣтилъ, что онъ счелъ своимъ долгомъ представить письмо Коленкура, съ разрѣшенія своего государя, на усмотрѣніе императора Александра. Онъ сдѣлалъ это потому, чтобы устранить всякія подозрѣнія на счетъ лояльности австрійской политики, чтобы доказать, что императоръ Францъ руководится во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ не личными и семейными побужденіями, какъ бы дороги ни были они для него, а единственно интересами Европы и своихъ народовъ. Меттернихъ добавилъ, что онъ не ограничился однимъ сообщеніемъ письма Коленкура, что онъ рѣшился установить общую точку зрѣнія союзныхъ кабинетовъ на все положеніе дѣлъ и составилъ съ этою цѣлью рядъ вопросовъ, на которые должны будутъ давать отвѣтъ представители державъ. Вопросы, замѣтилъ онъ, составлены такимъ образомъ, что исключаютъ всякую возможность уклончивыхъ отвѣтовъ, они должны повести къ полному разоблаченію намѣреній Александра. Въ заключеніе Меттернихъ совѣтовалъ Кестльри немедленно отправиться въ русскому императору и попы-

таться вывѣдать по возможности его намѣренія. Кестльри успѣвши послѣдовать этому послѣднему совѣту ¹⁾.

Императоръ Александръ былъ вполне подготовленъ къ визиту британскаго министра. За нѣсколько дней передъ этимъ онъ получилъ изъ рукъ Штейна чрезвычайно важный дипломатическій документъ, бросающій яркій свѣтъ на двусмысленное поведеніе лорда Кестльри. Русскій посолъ въ Лондонѣ, князь Ливень, обратился съ депешю на имя Штейна, намѣренно обходя Нессельроде ²⁾, находившагося всецѣло въ рукахъ Меттерниха. Депеша заключала въ себѣ чрезвычайно важныя сообщенія, шедшія отъ имени самого принца-регента. Верховный правитель Англій излагалъ въ ней свой взглядъ на цѣли коалиціонной войны. Онъ доказывалъ, что союзники должны стремиться всѣми силами къ низложенію Наполеона и къ восстановленію Бурбонской династіи ³⁾.

Императоръ Александръ не питалъ лично никакихъ симпатій къ Бурбонской династіи. Онъ полагалъ, что вопросъ восстановленія старой династіи есть вопросъ исключительно французскій, подлежащій рѣшенію самого французскаго народа. Не имѣя въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго повода сочувствовать взглядамъ принца-регента, онъ былъ, однакоже, вполне согласенъ съ нимъ, что союзники должны преслѣдовать неуклонно свою главную цѣль, сосредоточить всѣ свои силы на энергическомъ веденіи войны и добиться прежде всего низложенія Наполеона. Императоръ видѣлъ, что

¹⁾ Мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ объ этой бесѣдѣ Кестльри съ Меттернихомъ, но каждое наше слово въ текстѣ можетъ быть подтверждено документами. Наше изложеніе подтверждается кромѣ того всѣми дальнѣйшими дѣйствіями Кестльри и его полною зависимостью отъ Меттерниха.

²⁾ Какую роль игралъ въ это время русскій министръ (?) Нессельроде—видно изъ слѣдующихъ словъ Генца. „Лордъ Кестльри, Гарденбергъ и даже графъ Нессельроде лично вполне раздѣляютъ убѣжденія, видя и умѣренность князя Меттерниха, но опасаясь ссоры съ императоромъ Александромъ, держали себя болѣе нейтрально“. Prokesch-Osten, *Dépêches inédites du Chevalier de Genz*, т. 1, стр. 53—68.

³⁾ Депеша князя Ливена напечатана въ приложеніяхъ къ Церцу, *Stein's Leben*, т. III, стр. 721—722.

лордъ Кестльри, настаивая такъ упорно на мирныхъ переговорахъ съ Наполеономъ, шелъ въ разрѣзъ съ желаніемъ своего собственнаго правительства и служилъ тайнымъ щѣпкомъ австрійскаго кабинета. Это убѣжденіе утвердило его еще болѣе въ мысли, не придавать никакого значенія дипломатической комедіи въ Шатильонѣ и требовать энергическаго продолженія военныхъ дѣйствій.

Александръ принялъ Кестльри въ присутствіи Штейна. Какъ держалъ себя на этомъ свиданіи русскій императоръ видно изъ неподкупнаго свидѣтельства Штейна, человѣка неспособнаго ни къ лести, ни къ клеветѣ. „Образъ дѣйствій императора Александра“, писалъ Штейнъ въ эти мрачныя дни, „блестателевъ и прекрасенъ. Нельзя не изумляться до какой степени способенъ этотъ государь въ преданности, самоотверженію, одушевленію! Съ какимъ энтузіазмомъ служитъ онъ всему великому и благородному! Дай Богъ, чтобы ничто низкое и пошлое не успѣло унижить его высокаго паренія. Дай Богъ, чтобы Европа всецѣло вкусила то счастье, которое даруетъ ей Провидѣніе!“¹⁾

Кестльри началъ разговоръ выраженіемъ сожалѣнія, что предписаніе, посланное Разумовскому, не было результатомъ соглашенія между союзниками, и что оно не исполнило. Котляревская всякой надежды рассчитывала на разрывъ между державами. Императоръ замѣтилъ, что его приездъ имѣлъ въ виду лишь временное прекращеніе конференцій, но что онъ полагалъ воспользоваться этимъ перерывомъ переговоровъ для изложенія Бонапарту. „Пусть сама французская нація рѣшитъ вопросъ объ избраніи его пріемника“, добавилъ онъ, „пусть она оставитъ даже на троихъ Наполеона. Это не наше дѣло. Законодательный корпусъ въ связи съ другими верховными государственнымъ учрежденіями и выдающимися лицами могутъ считаться вполне законными представителями страны и воли націи. Кестльри возразилъ: „Всѣ названныя учрежденія могутъ оказаться не на мѣстѣ

¹⁾ См. письмо Штейна къ женѣ, отъ 16 февраля. Перetzъ, Stein's Leben, т. III, стр. 541.

въ рѣшительный моментъ. Если Наполеонъ уйдетъ съ своею арміею за Луару, то онъ заставитъ идти за собою и законодательный корпусъ и всѣ вышіе государственные чины: Союзникамъ придется долго ждать въ Парижѣ, пока удастся, наконецъ, собрать сколько нибудь приличное и соответствующее цѣли собраніе. Но допустимъ, что такое собраніе и состоится. Что произойдетъ изъ этого? Лишенное всякаго законнаго основанія, оно попадетъ въ руки враждующихъ претендентовъ... Назначенные Наполеономъ члены собранія или выскажутся за него изъ страха и преданности, или же они предложатъ корону человѣку своего выбора, обставивъ это извѣстными условіями, и тогда союзникамъ придется принять участіе въ чуждыхъ имъ конституціонныхъ спорахъ".

„Императоръ замѣтилъ, что это участіе будетъ зависетьъ отъ доброй воли союзниковъ, что онъ съ своей стороны не допуститъ никакихъ беспорядковъ и проволочекъ времени“.

„Но ваше Veto будетъ находиться въ противорѣчій съ свободою рѣшенія; гораздо удобнѣе избѣгнуть этой опасности, не созывая собранія“, возразилъ Кестльри ¹⁾.

Разговоръ перешелъ вслѣдъ затѣмъ къ притязаніямъ Людовика XVIII. Александръ замѣтилъ, что онъ считаетъ его неспособнымъ, что онъ готовъ-бы отдать преимущество кому-нибудь изъ младшихъ принцевъ старой династіи, что лучшимъ кандидатомъ былъ-бы, по его мнѣнію, герцогъ Орлеанскій. Кестльри возсталъ рѣшительно противъ этого мнѣнія. Онъ объявилъ, что союзники могутъ сдѣлать лишь одно изъ двухъ, или устранить себя вовсе отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи, или же высказаться прямо и безусловно за представителя наследственнаго права. Высказываясь такъ положительно за Бурбоновъ, Кестльри объявилъ вслѣдъ за тѣмъ, что не слѣдуетъ прерывать переговоровъ съ Наполеономъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ изъявляетъ согласіе на всѣ предложенныя ему условія. Поступать та-

¹⁾ „Wenn die Entscheidung eine freie sein sollte, dann könnte S. M. auch kein Veto haben, und der einzig Schutz gegen solche Uebel sei der, dass man ihre Quelle nicht entstehen lasse“. Изъ донесеній Кестльри у Онкена стр. 31.

кимъ образомъ; значить прямо сознаваться, что переговоры начаты были съ нечестными намѣреніями. Если національное движеніе не отрицаетъ авторитета Наполеона, то слѣдуетъ довести съ нимъ дѣло до конца. Можно, не подвергаясь опасности, заключить съ нимъ даже перемиріе, если оно будетъ обставлено такими-же военными ручательствами, какъ и самый миръ¹⁾.

Императоръ Александръ, отлично знавшій характеръ Наполеона, никоимъ образомъ не могъ согласиться съ подобными мнѣніями Кестльри. Съ свойственнымъ ему жаромъ и убѣдительностью началъ онъ доказывать своему собесѣднику всю бесплодность дипломатическихъ усилій и всю необходимость продолжать войну самымъ энергическимъ образомъ. Въ самый разгаръ спора дверь отворилась и князь Волконскій вошелъ въ кабинетъ съ донесеніемъ Блюхера о дѣлѣ при Шамноберѣ. Прочитавъ донесеніе, государь измѣнился въ лицѣ. „Вотъ“, сказалъ онъ, гнѣвно обращаясь къ Кестльри „слѣдствія бездѣйствія главной армии и вашихъ домогательствъ заключить миръ“²⁾. Кестльри, видя государя раздраженнымъ и разстроеннымъ, поспѣшилъ раскланяться. Упорствуя въ своихъ намѣреніяхъ, онъ не замедлилъ, однакоже, прислать письменное изложеніе своего мнѣнія. Государь приказалъ Нессельроде написать ему въ отвѣтъ, „что его величество душевно сожалеетъ, что лордъ Кестльри содѣйствуетъ видамъ австрійскаго кабинета и способствуетъ затрудненію хода военныхъ дѣйствій“³⁾.

Не теряя ни минуты времени, занятый одною мыслью о спасеніи Блюхера, государь поспѣшилъ въ Цонъ-сюръ-Сенъ, но тамъ уже видѣли, какъ бесплодны оказались всѣ его усилія вывести Шварценберга изъ преднамѣреннаго бездѣйствія. Интрига опутывала Александра со всѣхъ сторонъ; она тор-

1) Эти свои мысли Кестльри изложилъ въ особенномъ мемуарѣ, представленномъ императору Александру. См. Ойкенъ, стр. 32.

2) Михайловскій-Данилевскій, стр. 129; Богдановичъ, т. IV стр. 402, Перцъ, т. III, стр. 537.

3) Богдановичъ, т. IV, стр. 402, Перцъ, т. III, стр. 537.

мозга каждый его шагъ и не давала ему покоя ни на минуту. Одновременно продолжалъ онъ вести борьбу и съ военными и съ дипломатическими представителями коалиціи. Едва только прибылъ онъ въ Лонъ-сюръ-Сенъ, какъ Меттернихъ предложилъ уже на его благоусмотрѣніе вопросные пункты союзнымъ кабинетамъ, составленные имъ по поводу предложенія Коленкура. Пункты эти были слѣдующіе:

1) Какой отвѣтъ дадутъ герцогу Виченцскому?

2) Предположивъ, что ему откажутъ, либо замедлятъ отвѣчать, какъ поступать? Союзныя державы примутъ-ли сторону Людовика XVIII-го или, по прежнему, предоставятъ рѣшеніе этого вопроса французамъ?

3) Какими средствами союзныя державы надѣются удостовѣриться въ дѣйствительныхъ намѣреніяхъ французскаго народа на счетъ перемѣны династіи?

4) Какой срокъ постановятъ союзныя державы для обсуждения—желаетъ или нѣтъ французскій народъ такой перемѣны?

5) Въ случаѣ, если-бы Парижъ, принявъ сторону Бурбоновъ и Наполеонъ удалился, съ войсками, оставшимися ему вѣрными, союзники объявятъ себя въ пользу Бурбоновъ, или помирятся съ Наполеономъ?

6) Какимъ образомъ въ ожиданіи того будутъ поступать союзныя державы, въ отношеніи Людовика XVIII-го, и въ особенности въ отношеніи графа д'Артуа, его повѣреннаго при главной квартирѣ, а также эмигрантовъ и роялистовъ во Франціи?

7) Какія мѣры будутъ приняты для управленія Парижемъ? Введутъ-ли туда гарнизонъ? Кому будетъ поручено управленіе? ¹⁾

Александръ, прочитавъ вопросы Меттерниха, тотчасъ-же понялъ затаенную цѣль австрійскаго канцлера. Онъ видѣлъ, что эти вопросы должны были указать на то безвыходное положеніе, въ которое поставятъ себя союзники, отклоняя

¹⁾ Австрійскіе вопросные пункты напечатаны во многихъ сочиненіяхъ, между прочимъ у Богдановича, т. IV, стр. 402—403.

мирныя предложенія Наполеона и стремясь завладѣть Парижемъ безъ всякой опредѣленной политической программы. Государь понялъ также, что вопросы были рассчитаны вовсе не на него, а на слабыхъ и податливыхъ дипломатовъ, на людей, бывшихъ подобно Нессельроде, Гарденбергу и Кестльри, всецѣло въ рукахъ Меттерниха¹⁾. Имѣя въ виду все эти соображенія, Александръ написалъ собственноручно отвѣты на все вопросы, не совѣтуясь ни съ однимъ изъ своихъ министровъ.

Отвѣты его были слѣдующіе:

1) Уклонясь отъ перемирія, можно устранить прочія предложенія, какъ слѣдствія перваго.

2) Союзныя державы будутъ дѣйствовать по-прежнему, слѣдовательно не примутъ сторону Людовика XVIII, а представятъ французамъ рѣшеніе этого вопроса.

3) Расположеніе жителей столицы послужитъ руководствомъ союзникамъ. По мнѣнію его величества императора, слѣдуетъ, созвавъ членовъ различныхъ управленій, присоединить къ нимъ лицъ наиболѣе важныхъ по своимъ личнымъ качествамъ и званію, и пригласить сіе собраніе выразить свободно свое мнѣніе на счетъ того, кто оно считаетъ наиболѣе способнымъ занять мѣсто во главѣ управленія.

4) Прибытіе въ Парижъ.

5) Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только тогда, когда получимъ возможность судить о средствахъ, которыя дастъ Парижъ для поддержанія привятой имъ стороны и овліяніи этой столицы на Наполеонову армію. Если же Парижъ не возстанетъ противъ Наполеона, то лучше всего будетъ помириться съ нимъ.

6) Союзники въ отношеніи къ Людовику XVIII и къ Бурбонамъ будутъ дѣйствовать на тѣхъ-же основаніяхъ, которыми руководились до сего времени, и которыя столь со-

¹⁾ Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что вопросы пункты Меттерниха имѣли въ виду именно эти цѣли, что-бы ни возражалъ противъ этого новѣйшій апологетъ австрійскаго канцлера, Оккенъ.

образны съ видами Великобританскаго правительства: Они не станутъ ни мѣшать Бурбонамъ, ни помогать имъ, и будутъ избѣгать всякаго участія въ ихъ дѣйствіяхъ.

7) Въ Парижѣ будутъ сохранены по возможности всѣ мѣстныя и муниципальныя управленія и назначенъ губернаторъ для общаго надъ ними надзора. Его величество императоръ желаетъ, чтобы въ Парижѣ былъ русскій губернаторъ. Какъ Россія наиболее сражалась противъ общаго врага, то его величество полагаетъ, что она имѣетъ вполнѣ право на эту уступку.

Принявъ за неизмѣнное правило, чтобы не ставить солдатъ на квартирахъ у жителей, можно будетъ воспользоваться казармами и другими строеніями, находящимися въ Парижѣ¹⁾.

Отвѣты всѣхъ остальныхъ союзныхъ кабинетовъ, какъ и слѣдовало ожидать, расходились по самымъ существеннымъ пунктамъ съ возрѣніями императора Александра. Не только Австрія, но также Пруссія и Англія полагали, что не слѣдуетъ давать отрицательнаго, или уклончиваго отвѣта Коленкуру, что удобнѣе и выгоднѣе всего подписать миръ съ Наполеономъ и согласиться на предлагаемое имъ перемиріе, въ томъ случаѣ, если оно будетъ обставлено достаточными военными гарантіями²⁾. Опираясь на такое единодушіе своихъ дипломатическихъ коллегъ, зная отлично, что и Нессельроде раздѣляетъ въ душѣ общее мнѣніе, Меттернихъ сдѣлалъ новый шагъ впередъ. По его настоянію, составленъ былъ протоколъ, коимъ представители союзныхъ кабинетовъ опредѣлили просить императора Александра о повелѣніи графу Разумовскому возобновить переговоры, на основаніяхъ, заключавшихся въ письмѣ Коленкура отъ 9 февраля³⁾.

¹⁾ Отвѣты Александра I на австрійскіе вопросы, подлинный текстъ которыхъ хранится въ государственномъ архивѣ, напечатанъ въ переводѣ у Богдановича, т. IV, стр. 403—404.

²⁾ Отвѣты Пруссіи, Австріи и Англіи не напечатаны до сихъ поръ вполнѣ; мы пользуемся переводомъ и извлеченіемъ у Онкена, стр. 17—23.

³⁾ См. Онкенъ, стр. 32.

Императоръ Александръ, ознакомившись съ отвѣтами союзныхъ державъ на вопросныя пункты и съ содержаніемъ протокола, отвѣчалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Цѣль настоящей войны, предпринятой сперва на защиту моего государства, а потомъ для освобожденія Европы, измѣнилась сообразно одержаннымъ успѣхамъ. Настоящее положеніе дѣлъ требуетъ, чтобы мы продолжали войну, потому что всякое соглашеніе, неизбежно сопряженное съ потерю времени, дастъ непріятелю возможность усилиться подкрѣпленіями и возобновить военныя дѣйствія. Разрушеніе Наполеонова могущества не составляетъ главной цѣли нашихъ усилій, но если успѣхи нашего оружія, покореніе Парижа и общій голосъ жителей Франціи дадутъ союзникамъ возможность провозгласить низложеніе Наполеона, то это послужитъ въ довершенію, освобожденію Европы, благоденствію Франціи и спокойствію сосѣдей, и явится свѣту самый блистательный примѣръ справедливости. Никто болѣе меня не убѣжденъ въ нецѣлостности военнаго счастья, однакоже, многія обстоятельства подають надежду въ достиженію нашей цѣли. Искусство генераловъ, храбрость войскъ, превосходство въ конницѣ, подкрѣпленія, въ намъ идущія и вообще мнѣніе народовъ, не допустятъ насъ унижаться въ такой степени, какъ думаютъ. Такая опасность угрожаетъ намъ только въ томъ случаѣ, ежели боязнь, выраженная въ мнѣніяхъ мнѣ представленныхъ, распространится на войска, но постоянство и твердость, выказанныя союзными арміями, служатъ порукою въ томъ, что подобныя впечатлѣнія не могутъ имѣть на нихъ вліянія. Затрудненія, ожидаемыя отъ занятія Парижа, преувеличены и могутъ быть устранены мѣрами, принятыми для спокойствія столицы Франціи.

Я отнюдь не противлюсь продолженію переговоровъ въ Шатильонѣ и сообщенію отвѣта Коленкуру на послѣдній запросъ его о будущемъ жребіи Европы, согласно постановленію нами принятому въ Лангрѣ; что же касается до перемирія, то согласиться на переговоры о столь важномъ предметѣ значило бы потворствовать видамъ непріятеля. Я увѣренъ въ счастливомъ окончаніи войны, ежели союзники

останутся единодушны въ своихъ видахъ и по прежнему будутъ руководиться главною ихъ цѣлью: сокрушеніемъ непріятельской арміи“¹⁾).

Новыя извѣстія о пораженіи силезской арміи, пришедшія какъ-разъ въ это время; были какъ нельзя кстати для австрійскаго канцлера. Онъ ликовалъ въ душѣ о хорошемъ урокъ, данномъ Наполеономъ сумасшедшему Блюхеру, романтикамъ его главной квартиры, надменнымъ русскимъ и экальтированнымъ пруссакамъ. Въстѣ съ Кестляри и Гарденбергомъ Меттернихъ вновь приступилъ къ императору Александру съ настоятельными просьбами дать свое согласіе на предложеніе Коленкура. Лордъ Кестляри, отличавшійся при подобныхъ случаяхъ, особенною словоохотливостію и страшно боявшійся, чтобы поворотъ въ военномъ счастіи не побудилъ Наполеона взять назадъ свои мирныя предложенія, высказалъ императору Александру мнѣніе, что слѣдуетъ лучше рѣшиться на миръ, пока не пришлось еще отступать за Рейнъ. „Мнѣ приказано, добавилъ онъ, воспользоваться случаемъ для заключенія мира, который необходимъ тѣмъ болѣе, что, по всей вѣроятности, союзъ готовъ разрушиться“²⁾. Государь отвѣчалъ, возвыся голосъ: „Это будетъ не миръ, а перемиріе, которое дозволитъ разоружиться намъ лишь на минуту. Я не могу поспѣвать вамъ каждый разъ на помощь за 400 мль. Не заключу мира, пока Наполеонъ будетъ оставаться на престолѣ“³⁾. Настоянія и просьбы дипломатовъ, однако-же, не прекратились и послѣ этихъ рѣшительныхъ словъ Александра. Опасаясь, что дальнѣйшее сопротивленіе можетъ повести къ распаденію союза, государь, скрѣпя сердце, изъявилъ подъ конецъ согласіе на предписаніе мира, на условіяхъ, заявленныхъ союзниками при открытіи Шатильонскаго конгресса. Онъ послалъ новыя инструкціи въ

¹⁾ Мнѣніе императора Александра о необходимости продолжать войну, (подлинникъ, когото хранится въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ) напечатано у Богдановича, т. IV, стр. 405—406.

²⁾ Слова эти были сказаны въ присутствіи Толя. См. Богдановичъ, т. IV, стр. 49 (приложеніе). См. также Бернгарди, т. IV, стр. 58, гдѣ приведены полныя слова государя и Кестляри, на основаніи записокъ К. Ф. Толя.

этомъ смыслѣ князю Разумовскому, но ничего не говорилъ въ нихъ о заключеніи перемирія.

Меттернихъ шиковаль. Его близорукость обнаруживалась тутъ во всемъ своемъ блескѣ. Совершенно не понимая характеръ Наполеона, онъ считаетъ дѣло мира упроченнымъ и писалъ Коленкуру: „Намъ удалось опять пустить въ ходъ ваши переговоры. Скажу вашей свѣтлости, что право не легко быть министромъ коалиціи“. Меттернихъ обнадеживалъ французскаго министра, что ему удастся довести до конца начатое дѣло. На сожалѣніе Коленкура, что онъ не можетъ вести переговоры съ нимъ лично, канцлеръ отвѣчалъ, въ дружескомъ тонѣ: „Вѣрьте мнѣ, что здѣсь, въ главной квартирѣ императора Александра, я гораздо нужнѣе и полезнѣе, нежели у васъ“¹⁾.

Меттернихъ увѣдомилъ о своихъ успѣхахъ князя Шварценберга и посоветовалъ ему попытаться заключить перемиріе съ Наполеономъ²⁾. Австрійскій генералиссимусъ полу-

1) Беригарди, т. IV, п. I, стр. 443. Достаточно одного этого письма, чтобы доказать насколько основательны доводы Онкена, ссылающагося доказать, что Меттернихъ, а никто либо другой свергъ Наполеона (?).

2) Мы основываемъ это заключеніе на слѣдующихъ двухъ письмахъ Меттерниха, опубликованныхъ въ самое послѣднее время. Меттернихъ Шварценбергу: „Я только что отъ Императора Александра. Я почти убѣжденъ, что мы уладимъ всѣ вопросы, т. е. что Императоръ Александръ вынужденъ будетъ согласиться съ нашими рѣшеніями. Онъ склоненъ болѣе къ предварительному миру, нежели къ перемирію и всѣ согласенъ съ нимъ. Все должно рѣшиться въ теченіи нѣсколькихъ часовъ; предупреждаю васъ объ этомъ, дабы вы могли принять соотвѣтственныя мѣры, т. е. не вызывать ничего рѣшительнаго и не упускать изъ виду ничего полезнаго. Какъ только дѣло уяснится, я пришлю вамъ другаго курьера. Это навѣрное рѣшится въ нѣсколькихъ часовъ, быть можетъ даже сегодня. Императоръ Александръ неоднократно спрашивалъ меня, не получили вы приказанія отъ нашего Государя: не давать сраженія. Я отвѣчалъ, что Императоръ, отпуская васъ, повелѣлъ вамъ стать во главѣ арміи, не пренебрегать ничѣмъ, дабы занять возможно выгодное военное положеніе, не обращая вниманія на вопросъ политическій, что въ случаѣ надобности онъ пришлетъ вамъ приказъ отступить, но что до полученія этого приказа вы должны идти впередъ безъ всякой задней мысли“. (Письмо изъ Труа отъ 14-го февраля).

Второе письмо отъ того-же чина ясно доказываетъ, что Меттернихъ избѣгалъ излагать свои секретныя порученія на бумагѣ.

„Отнеситесь, мой другъ, съ полнымъ довѣріемъ ко всему, что скажетъ вамъ Павелъ Эстергази; ему извѣстно все случившееся. Императоръ (Францъ) жела-

чилъ этотъ совѣтъ въ тотъ самый моментъ, когда наступленіе Наполеона и успѣхи, одержанные имъ надъ передовыми войсками союзниковъ, повергли его въ крайнее уныніе. Мысль, брошенная канцлеромъ при такихъ обстоятельствахъ, показалась ему какъ нельзя болѣе счастливою и онъ ухватился за нее какъ за якорь спасенія ¹⁾). Шварценбергъ отправилъ своего адъютанта графа Паара съ письмомъ на имя Бертье, въ которомъ увѣдомлялъ его, что вслѣдствіе полученнаго наканунѣ извѣстія о согласіи союзныхъ уполномоченныхъ заключить перемиріе, на условіяхъ, предложенныхъ Франціею и принятыхъ союзными монархами, отданы приказанія прекратить наступательныя движенія противъ французскихъ войскъ. Принимая такимъ образомъ на себя видъ, что онъ вѣритъ въ заключенное уже перемиріе, Шварценбергъ продолжалъ: „Не смотря, однако-же, на то, дошло до моего свѣдѣнія, что съ вашей стороны военныя дѣйствія продолжаются, а потому прошу равномерно прекратить ихъ; въ противномъ случаѣ, буду принужденъ возобновить наступленіе, прерванное въ чаяніи перемирія“ ²⁾).

Двуличное и трусливое предложеніе Шварценберга не могло имѣть успѣха. Графъ Пааръ прибылъ въ главную квар-

теръ, чтобы вы употребили всѣ усилія, дабы получить какъ можно скорѣе согласіе Императора (Александра) на перемиріе). Отошлите Поля какъ можно скорѣе, ибо наши курьеры отправляются въ Шатильонъ“.

Предоставляя себѣ право разобрать отношенія Императора Александра къ Меттерниху и коварную роль этого послѣдняго, въ особой критической статьѣ, ограничимся пока слѣдующими замѣчаніями. Приведенныя письма, особенно, если сопоставить ихъ съ отвѣтомъ Шварценберга, который мы приведемъ въ слѣдующей выноскѣ, рѣшаютъ окончательно вопросъ, кто былъ виновникомъ постыднаго предложенія 17-го февраля. Текстъ приведенныхъ писемъ см. въ Oesterreich's Theilnahme etc. стр. 809—810.

¹⁾ Шварценбергъ писалъ Меттерниху: „J'ai proposé a L'Empereur Alexandre d'envoyer au Prince de Neufchatel une lettre pour lui annoncer que les Souverains, avaient autorisé leurs ministres à signer les preliminaires sur les bases convenues avec le duc de Vicence. L'empereur a approuve la proposition, et j'ai expédié dans la minute le colonel Paar que j'ai bien endoctrine. La lettre dont vous recevez une copie a été arrangée sous les yeux de L'Empereur, avec le consentement du roi“. И такъ Шварценбергъ исполнилъ порученіе Меттерниха. Онъ добился согласія Александра.—См. Oesterreich's Theilnahme etc. Стр. 811.

²⁾ Богдановичъ, Т. IV, стр. 407.

тиру Наполеона въ тотъ самый моментъ, когда императоръ французовъ, окончательно ослѣпленный своими послѣдними успѣхами, отмѣнилъ только что полномочіе данное имъ Коленкуру заключить миръ на какихъ-бы то ни было условіяхъ. Такое рѣшеніе Наполеонъ мотивировалъ своими громадными, небывалыми даже въ его собственной двадцатилѣтней блестящей военной карьерѣ успѣхами.

„Я удержалъ успѣхи необъятные“, писалъ онъ герцогу. „Я взялъ отъ 30 до 40,000 плѣнныхъ. Я взялъ 200 пушекъ и множество генераловъ и истребилъ почти безъ сопротивленія нѣсколько армій. Вчера я напалъ на армію князя Шварценберга и надѣюсь истребить ее прежде, нежели она уйдетъ изъ нашихъ предѣловъ“. Несмотря на свои славные успѣхи, Наполеонъ готовъ и теперь заключить миръ, по не иначе какъ на условіяхъ, предложенныхъ Меттернихомъ во Франкфуртѣ. Строго говоря, союзники не имѣютъ права рассчитывать теперь даже на эти условія; военное счастье слишкомъ измѣнилось не въ ихъ пользу, — но онъ, Наполеонъ, хочетъ быть великодушнъ, онъ готовъ прекратить военныя дѣйствія и дать союзникамъ возможность отступить споконно за Рейнъ, если они подпишутъ миръ на франкфуртскихъ условіяхъ. Въ заключеніе Наполеонъ присовокупилъ слѣдующее оригинальное наставленіе своему уполномоченному: „Вообще вы должны дѣйствовать по прежнему и стремиться къ миру, но не подписывать ничего безъ моего вѣдома и разрѣшенія, ибо я одинъ знаю положеніе моихъ дѣлъ“¹⁾. Эти слова ясно указываютъ, что Наполеонъ ставитъ свое послѣднее слово въ зависимость отъ обстоятельствъ, что въ случаѣ возможности онъ не намѣренъ былъ даже довольствоваться франкфуртскими условіями.

Появленіе графа Паара при подобномъ настроеніи могло вызвать въ Наполеонѣ только чувства злорадства и пренебреженія. Онъ не пожелалъ даже видѣть австрійскаго посланца и только пробѣжалъ вскользь письмо Шварценберга: „Князь

¹⁾ Correspondance de Napoleon. T. 27. стр. 216—217.

Шварценбергъ“, писалъ онъ на другой день королю Іосифу, „подавъ намъ наконецъ признакъ жизни. Онъ прислалъ парламентаря съ просьбою о перемиріи. Трудно быть подлымъ до такой степени. До сихъ поръ онъ упорно отвергалъ, и притомъ въ выраженіяхъ самыхъ оскорбительныхъ, всякое перемиріе, на какихъ-бы то ни было условіяхъ. Онъ не хотѣлъ даже принимать моихъ парламентаревъ до сдачи Дрездена и Данцига, — дѣло безпримѣрное во всей всемирной исторіи. А теперь, послѣ первой неудачи эти презрѣнные надаютъ на колѣни. Я не допустилъ въ мой лагерь адъютанта Шварценберга, я только получилъ письмо, на которое буду отвѣчать по усмотрѣнію. Я не дамъ имъ перемирія до тѣхъ поръ, пока они не очистятъ моей территоріи“ ¹⁾.

Самонадѣянность Наполеона возросла въ этотъ день до невѣроятной степени. Уже онъ мечталъ о восстановленіи своего разрушеннаго владычества въ Европѣ. На франкфуртскія условія онъ смотрѣлъ лишь какъ на минимумъ своихъ требованій, въ случаѣ дальнѣйшихъ успѣховъ онъ готовъ былъ требовать гораздо большаго ²⁾. Если нѣсколько дней тому назадъ, онъ приказывалъ Евгенію Богарне очистить Италію и поспѣшить съ своими войсками на театръ войны во Францію; то теперь, наоборотъ, онъ предписалъ ему оставаться въ Италіи и защищать эту страну до послѣдней возможности. „Передай Евгенію“, сказалъ онъ адъютанту вице-короля, отпуская его изъ своей главной квартиры, „что я остался побѣдителемъ при Шампоберѣ и Монмиралѣ надъ лучшими войсками коалиціи, что князь Шварценбергъ просилъ у меня въ эту ночь перемирія, но что я не позволилъ надувать себя и выигрывать время. Передай ему, что если бы приказанія, отданныя мною маршалу Виктору, были ис-

¹⁾ Correspondance de Napoleon t. 27, стр. 222—223.

²⁾ „Я надѣюсь, что я достигну мира, основаннаго на франкфуртскихъ условіяхъ; это минимумъ мира, который я могу заключить съ честью“. Если-бы я подписалъ миръ на условіи старыхъ границъ, то уже черезъ два года я бы взялся за оружіе, и я сказалъ-бы націи, что я подписалъ не миръ, а капитуляцію“. Отрывки изъ того-же письма къ Іосифу. Correspondance, т. 27, стр. 222—223.

должны въ точности, что я истребилъ-бы баварскія и виртембергскія войска. Тогда противъ меня остались-бы только одни австрійцы, плохіе солдаты сволочы, которыхъ-бы я разогналъ плетью (1). Наполеонъ горѣлъ нетерпѣніемъ дополнить свой успѣхъ и исправить свои ошибки, сдѣланныя по его мнѣнію Викторомъ. Шварценбергъ съ своей стороны дѣлалъ все возможное, чтобы облегчить побѣды Наполеону. Онъ отдалъ приказъ кронпринцу виртембергскому защищать мостъ черезъ Сену у Монтеро, несмотря на то, что въ распоряженіи кронпринца находилось всего лишь 15,000 ч., а условия мѣстности вовсе не благоприятствовали защитѣ. Городъ Монтеро построенъ на лѣвомъ берегу Сены, у слиянія ея съ Ланью, въ мѣстности совершенно ровной и открытой. Правый берегъ образуетъ значительную возвышенность, круто опускающуюся въ рѣкѣ. Защищать мостъ возможно, лишь занявъ войсками эту возвышенность. Въ случаѣ пораженія войска, они могли подвергнуться совершенному истребленію при отступленіи по узкому, крутому спуску къ мосту. Кронпринцъ, горѣвшій желаніемъ отличиться и обратитъ на себя вниманіе, принялъ возложенное на него опасное порученіе, но опытные офицеры, бывшіе при немъ, напередъ предвидѣли самыя дѣурныя послѣдствія (2). Ихъ предостереженія не замедлили осуществиться. Кронпринцъ занялъ лѣвою массою своихъ войскъ, около 10,000 ч., возвышенность праваго берега, а остальные войска, около 5,000 ч., расположилъ въ городѣ на лѣвомъ берегу въ видѣ резерва. Наступленіе французовъ началось въ девять часовъ утра. Сначала въ бою участвовалъ только одинъ отрядъ Виктора и все дѣло ограничивалось канонадою. Но около полудня прибылъ

1) Изъ рапорта Ташера вице-королю Correspondance, T. 27 стр. 225. Тамъ же письмо къ Евгению, гдѣ Наполеонъ повторяетъ басню о 40,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 20 генераловъ, 600 офицеровъ, 200 орудій, взятыхъ имъ у союзниковъ.

2) Австрійскій полковникъ, Графъ Латуръ сказалъ одному русскому офицеру генеральнаго штаба, передававшему ему о неудачахъ подъ Морманомъ и Нанси: „останьтесь только до завтра у насъ и вы будете и здѣсь свидѣтелемъ катастрофы“. Бернгарди, т. IV, стр. 56.

самъ Наполеонъ и устремилъ на кронпринца двадцать тысячъ отборныхъ войскъ, въ томъ числѣ старую гвардію. Виртембергцы оборонялись отчаянно, но подавленные превосходнымъ числомъ, были вскорѣ приведены въ разстройство. Кронпринцъ приказалъ отступать. Виртембергская конница и артиллерія на рысяхъ перешли черезъ мостъ и благополучно достигли противоположнаго берега. Пѣхота поспѣшно слѣдовала за ними, но Наполеонъ двинулъ на нее свою конницу и гвардію. Виртембергеры были совершенно разбиты и въ дикомъ безпорядкѣ бросились на мостъ. Наполеонъ самъ управлялъ преслѣдованіемъ, онъ самъ наводилъ орудія на бѣгущихъ. Французскіе конные егеря проскакали мостъ, преслѣдуя и рубя неприятелей и не дали союзникамъ времени взорвать мостъ на воздухъ. Осыпавые картечью, союзники не въ состояніи были привести въ порядокъ свои ряды и удержаться въ городѣ. Они отступили сначала къ Маролію, а потомъ къ Бре и Базошу. Наполеонъ могъ похвалиться еще одною блестящею побѣдою. Онъ обратилъ въ бѣгство цѣлый корпусъ союзниковъ, причинилъ имъ уронъ въ 5,000 человекъ, отнял у нихъ одно знамя и два орудія. Впрочемъ, эта побѣда досталась и ему не дешево. Войска его потеряли въ этотъ день до 2,500 человекъ; въ числѣ убитыхъ былъ дивизионный генералъ Шато, зять маршала Виктора ¹⁾.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Подробности о сраженіи при Монтеро, см. Бернгарди, т. IV, стр. 36—17.

РУССКАЯ И НѢМЕЦКАЯ ШКОЛА.

(Продолженіе *).

Но ревностные нѣмцы не умѣютъ падать духомъ предъ первой неудачей. Хотя палата депутатовъ и высказала свое несочувствіе къ „христіанской гимназій“, но оказалось, что среди нѣмцевъ было еще много лицъ не расположенныхъ вмѣстѣ съ либералами кричать: „велика Діана Ефесская!“ На помощь гимназій пришли прежде всего ея бывшіе ученики. Всѣ они, выпущенные въ теченіи 16-ти лѣтъ, услышавъ о рѣшеніи палаты депутатовъ, съѣхались въ Гютерсло и сдѣлали единогласное постановленіе—дѣлать взносъ въ пользу гимназій ежегодно по пяти талеровъ отъ каждаго; ихъ примѣру послѣдовали многіе и не изъ учениковъ гимназій, доказавъ ясно, что рѣшеніе палаты депутатовъ не всегда можетъ быть признано рѣшеніемъ народнымъ. Средства гимназій унятерились: въ то время какъ съ 1851 до 1868 года чрезвычайныхъ пожертвованій поступало въ годъ среднимъ числомъ только 1853 талера, въ 1869 году сумма эта достигла 5608 талеровъ. Къ гимназій въ Гютерсло спѣшили выразить пожертвованіями свое сочувствіе не только государственные сановники, пасторы и проповѣдники, состоятельные граждане и купцы, но и простые крестьяне, отъ которыхъ пожертвованія поступали даже въ количествѣ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 5.

100 талеровъ. Въ настоящее время „христіанская гимназія“ въ Гютерсло, можно сказать, достигла своего полного процвѣтанія. Въ 18^{83/84} учебномъ году въ ней числилось 336 учениковъ, въ числѣ которыхъ—97 нѣмецкихъ дѣтей и 239—иностранцевъ (изъ Эстляндіи, Африки, Азіи и Сѣверной Америки). Что „христіанская гимназія“ въ Гютерсло по преимуществу служить протестантской церкви, это доказываетъ тѣмъ, что въ числѣ 1447 гимназистовъ, принятыхъ въ заведеніе съ 1853 по 1876 годъ, было 356 сыновей пасторовъ и 125 сыновей протестантскихъ миссіонеровъ, а изъ 502 учениковъ, окончившихъ курсъ въ этой гимназіи до пасхи 1884 года, 305 посвятили себя спеціальному изученію богословскихъ наукъ въ университетахъ.¹⁾

Мы остановили свое вниманіе на этой гимназіи, такъ какъ она, по нашему мнѣнію представляетъ ясное свидѣтельство того, „чѣмъ нѣмцы живы“. Но не одно только благоразуміе частныхъ лицъ оказываетъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ противодѣйствіе антихристіанскому и противуобщественному направленію педагоги и либеральнымъ, чтобы не сказать—неразумнымъ, мѣропріятіямъ, въ отношеніи гимназическаго образованія. Въ этомъ случаѣ весьма важное значеніе слѣдуетъ приписать и конфирмаціоннымъ требованіямъ самого протестанства. Кто не усвоилъ себѣ догматовъ протестанства (катохизиса Лютера) и св. исторіи, тотъ не можетъ быть допущенъ къ конфирмаціи, „до общенія съ своею церковію“, какъ говорятъ пасторы. Ясно, что какъ ни либеральничай, а учить Лютеровъ катохизисъ и св. исторію, употребляемая при богослуженіи пѣснопѣнія, гимны и молитвы нужно!

Вотъ почему какъ составители прусскаго „нормальнаго плана“ 1837-го и 1856 годовъ, такъ и Бисмаркъ, заигрывавшій съ національ-либералами при вступленіи въ ожесточенную борьбу съ Ватиканомъ, не могли сдѣлать анти-

¹⁾ Подробнѣе объ этой гимназіи можно читать въ Die ersten fünf und zwanzig Jahre des Evangelischen Gymnasiums zu Gütersloh. Gütersloh. C. Bertelsmann 1876; у Dr. E. Weber Die deutsche Schule, стр. 29—33.

христіанской педагогикѣ большей уступки, какъ сокративъ въ гимназіяхъ число недѣльныхъ уроковъ по Закону Божію. Въ нѣмецкихъ гимназіяхъ настоящаго времени на Законъ Божій полагается *два урока въ недѣлю* въ каждомъ классѣ (вмѣсто прежнихъ *трехъ*).

Право на преподаваніе Закона Божія въ нѣмецкихъ гимназіяхъ присвоится только тѣмъ кандидатамъ университета, которые постояннымъ занятіемъ въ точности ознакомились съ содержаніемъ и истинами Священнаго Писанія и освоились со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ предметъ богословскихъ наукъ, апостолетической Ветхаго и Новаго завѣтовъ, библейскою географіею и археологію. Такъ какъ этому требованію могутъ удовлетворять только пасторы, то и понятно, почему въ большинствѣ случаевъ они состоятъ законоучителями нѣмецкихъ гимназій. Впрочемъ, болѣе благоразумные педагоги даже настоятельно требуютъ, чтобы законоучителями гимназій были только одни пасторы. Такого мнѣнія придерживаются напр., Гейландъ и К. Шмидтъ. „Преподавателемъ Закона Божія въ гимназіи, — говоритъ послѣдній ¹⁾, — долженъ быть священникъ, но такой, который принадлежалъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ въ коллегіи преподавателей и являлся бы предъ своими учениками во всеоружіи силы и авторитета учителя, который, зная индивидуальную жизнь учениковъ, ихъ потребности, ихъ душевныя слабости и силы, могъ бы воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы истинны религіи провести въ жизни и сдѣлать ихъ живыми и плодотворными, знаніе котораго въ тоже время достигало бы такой высоты и глубины, чтобы онъ обзрѣвалъ весь умственный горизонтъ воспитанниковъ и все находящееся въ предѣлахъ послѣдняго привлекалъ для подъема своего преподаванія“. Д—ръ Веберъ идетъ еще дальше: „Желательно, говоритъ онъ ²⁾, чтобы законоучителю, именно въ высшихъ классахъ, кромѣ ея главнаго дѣла, было поручаемо обученіе другимъ отдѣльнымъ учебнымъ предметамъ, какъ, напр.,

¹⁾ Ист. Педаг. 1881. т. IV. ч. I. стр. 130.

²⁾ Die deutsche Schule, стр. 36.

гражданской исторіи, литературѣ, или истолкованію какого-либо важнаго классика“.

„Вообще-же нужно сказать, что въ послѣднее время среди нѣмцевъ замѣчается особое стремленіе къ поднятію и усиленію религіозно-нравственнаго воспитанія и обученія. Требуя: 1) чтобы Законъ Божій въ гимназіяхъ былъ *главнымъ* учебнымъ предметомъ не на однихъ только словахъ, а и на дѣлѣ, и 2) чтобы съ религіознымъ обученіемъ рука объ руку шло и религіозное воспитаніе; а для этого считаютъ крайне необходимымъ ввести въ гимназіяхъ свое собственное „школьное богослуженіе“ (Schulgottesdienste), имѣть свою домашнюю кирку, а пока внимательно слѣдить, чтобы гимназисты неопустительно посѣщали богослуженія общественныя.

Послѣ сказаннаго ясно, что наши гимназіи являются *болѣе нѣмецкими*, чѣмъ самыя нѣмецкія гимназіи. Во всякомъ случаѣ, что касается религіозно-нравственнаго воспитанія и обученія, то нѣмецкія *протестантскія* гимназіи стоятъ выше нашихъ гимназій; *православныхъ*. Отсюда понятно, почему нѣмцы, получившіе образованіе въ своихъ гимназіяхъ, нерѣдко бываютъ весьма преданы, иногда даже до слѣпото фанатизма, своей протестантской церкви; напротивъ, русскіе, въ большинствѣ случаевъ, выносятъ изъ своихъ гимназій не только полнѣйшее невѣдѣніе основнхъ догматовъ своего вѣроисповѣданія, но и равнодушіе къ вскормившей ихъ Церкви; въ нихъ часто замѣчается даже только одна наклонность—критиковать ученіе своей Церкви и желаніе видѣть реформированнымъ ея устройство по образцу, конечно, протестантскихъ конфессій...

О недостаткахъ нашей гимназической программы по Закону Божію и учебниковъ мы уже говорили. Теперь намъ остается только сдѣлать нѣкоторое сравненіе нашихъ гимназій съ нѣмецкими со стороны, впрочемъ, лишь постановки дѣла религіозно-нравственнаго воспитанія и обученія, дабы представить доказательство высказаннаго нами положенія,—что въ либеральномъ, но не одобрительномъ отношеніи къ религіозному обученію, мы превзошли даже и самыхъ просвѣтителей своихъ.

Какъ мы видѣли, въ нѣмецкихъ гимназіяхъ на преподаваніе Закона Божія назначено *два урока* въ недѣлю въ каждомъ классѣ. Наши педагоги нашли такое количество уроковъ слишкомъ большимъ: „на Законъ Божій—два урока въ недѣлю! Зачѣмъ дѣти будутъ тратить *непроизводительно* столь дорогое для нихъ время?“ думали они. И вотъ было рѣшено въ старшихъ классахъ русской гимназіи (начиная съ 5-го) ограничить число уроковъ по Закону Божію *однимъ* урокомъ въ недѣлю! Остановились на этомъ, очевидно, потому, что вести еще дальше ограниченіе уроковъ по Закону Божію было уже невозможно. И такъ, любезнѣйшіе наши прусскіе просвѣтители, мы превзошли васъ! Хотя наши предметы по Закону Божію (катихизисъ, объясненіе богослуженія и исторія Церкви) гораздо обширнѣе протестантскихъ, но въ нашихъ гимназіяхъ они *проходятся* и въ одинъ часъ въ недѣлю или около 28 часовъ *въ годъ!* Очевидно, что въ число нашихъ учебныхъ гимназическихъ предметовъ Законъ Божій введенъ лишь *для одного приличія*,—чтобы *святую Русь* нельзя было на основаніи оффиціальныхъ давнихъ названій назвать *страною* совершенно атеистическою. Это, видите-ли, было-бы или нѣсколько неприлично, или, по крайней мѣрѣ, преждевременно. Въ самомъ дѣлѣ, что законоучитель можетъ сдѣлать за одинъ часъ въ недѣлю? Но, благодаря настоящей постановкѣ дѣла въ нашихъ гимназіяхъ, на его долю иногда приходится и *одинъ или два часа въ мѣсяцъ!* Такъ это случилось въ одной извѣстной намъ гимназіи въ прошломъ году въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Въ этой гимназіи уроки по Закону Божію въ старшихъ классахъ были назначены по субботамъ. Законоучитель далъ урокъ только 7-го и 28 ноября, такъ какъ въ другія двѣ субботы пришлись неучебные дни (14-го и 21-го ноября). Нельзя-ли послѣ этого отнести прямо къ числу насмѣшечъ разсужденія нѣкоторыхъ изъ нашихъ школьныхъ дѣятелей о томъ, что законоучители должны приобрести вліяніе на учениковъ гимназіи и не преподавать только, а проводить въ самую жизнь своихъ слушателей глубокія истины христіанства?

Далѣе,—въ нѣмецкихъ гимназіяхъ Законъ Божій принадле-

жить въ числу *главныхъ* учебныхъ предметовъ, и нѣмцы хлопчутъ теперь о томъ, чтобы онъ *не считался* только главнымъ учебнымъ предметомъ, а и *былъ* бы таковымъ на самомъ дѣлѣ. Въ нашихъ гимназіяхъ Законъ Божій не главный предметъ обученія и даже *вовсе не считается* таковымъ. Главные учебные предметы у насъ—языки и математика. Если ученикъ получить по этимъ предметамъ баллъ ниже 5-ти, онъ лишается права на первый разрядъ; уменьшенная-же отмѣтка по Закону Божію нисколько не уменьшаетъ у него этого права. Отсюда вытекаютъ крайне прискорбныя явленія. Даже лучшіе ученики все свое вниманіе обращаютъ только на языки и математику; къ требованіямъ-же законоучителя относятся съ подвѣйшимъ хладнокровіемъ, ставя его предметъ наравнѣ съ какимъ-нибудь черченіемъ или рисованіемъ. Быть оставленнымъ на повторительный курсъ за незнаніе Закона Божія—это дѣло неслыханное! Правда, въ классныхъ журналахъ по Закону Божію обыкновенно ставятся однѣ *пятерки* да *четверки*, но это дѣлается лишь для того, чтобы законоучителю не пришлось отъ начальства получить выговора за дурное преподаваніе или вообще за небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Недавно на дѣлѣхъ четырехъ засѣданій комиссіи, разрабатывающей вопросъ о болѣе правильной постановкѣ дѣла обученія въ нашихъ гимназіяхъ, протоіерей Титовъ „и молилъ, и просилъ“ обратить серьезное вниманіе на неестественную постановку преподаванія Закона Божія; но его просьба, какъ видно изъ его собственныхъ словъ ¹⁾, не была принята во вниманіе. Ему указали на *католическія* школы... Но если намъ подражать еще католикамъ,—такъ нужно и библію у мірянъ отнять... Не лучше-ли было бы намъ послѣдовать совѣту православныхъ отцовъ и учителей Церкви—Василія Великаго, Іоанна Златоуста?...

Наконецъ, нѣмцы, какъ мы видѣли, въ послѣднее время энергично хлопчутъ о томъ, чтобы въ гимназіяхъ было собственное „школьное богослуженіе“. При нѣкоторыхъ изъ нашихъ гимназій издавна существуютъ „домовыя“ церкви; но

¹⁾ Прав. Обзор. 1886, т. II, стр. 720—777.

мы не особенно расположены пользоваться ими, какъ однимъ изъ лучшихъ средствъ религіознаго воспитанія. Церкви есть; но онѣ часто „стоятъ безъ цѣннѣ“, какъ выразались нѣкогда русскіе люди, жалуясь на отсутствіе въ церквахъ православнаго богослуженія. Мы знаемъ гимназію въ одномъ губерньскомъ городѣ, при которой есть своя домовая церковь, но съ очень ограниченнымъ числомъ богослуженій. Всенощнаго бдѣнія не бываетъ, потому что въ это время ученики занимаются приготовленіемъ уроковъ. Литургія начинается въ 10 часовъ утра, но совершается не въ каждый воскресный день. Если, напр. въ четвергъ былъ праздникъ и была совершена литургія, то въ слѣдующій воскресный день совершеніе ея отмѣняется. Въ праздники Рождества Христова богослуженіе также не совершается, потому что въ это время въ пансіонѣ гимназіи учениковъ остается *немного*, большинство убѣгаетъ въ дома родныхъ. Судя по всему, въ этой *православной* гимназіи очень много заботятся о томъ, чтобы не обременять учениковъ частными богослуженіями. Хотѣлось-бы думать, чтобы гимназія, о которой мы ведемъ рѣчь, была только прискорбнымъ исключеніемъ. Но такъ-ли это? Объ совершенномъ отсутствіи надзора за правильнымъ посѣщеніемъ учениками гимназій приходскихъ церквей, конечно, нѣтъ надобности и говорить.

Итакъ, что касается религіознаго воспитанія въ нашихъ гимназіяхъ, то въ этомъ отношеніи мы, безъ сомнѣнія, пошли дальше своихъ нѣмецкихъ просвѣтителей. Остается только подумать, куда насъ приведетъ этотъ путь.

Начало *національности* и *патріотизма* на ряду и нераздѣльно съ началами протестантизма, составляютъ главный предметъ заботъ и попеченій каждой нѣмецкой гимназіи. Ученикъ нашей гимназіи, напротивъ, слышитъ почти всегда лишь о превосходствѣ Запада и его культуры, о невѣжествѣ и отсталости Россіи, и такимъ образомъ, волей-неволей приучается только критически относиться ко всему, его окружающему, не исключая и преподаванія своихъ учителей; въ нѣмецкихъ гимназіяхъ систематически внушается лишь одно безграничное уваженіе къ національнымъ началамъ во всѣхъ ихъ проявленіяхъ и уже изъ школы нѣмцы выносятъ убѣжденіе, что нѣтъ ничего въ мірѣ выше

и лучше Германіи, ея жизни и культуры, ибо еще гимназическіе наставники научаютъ—легкомысленную и безпокойную Францію ненавидѣть, невѣжественную и варварскую Россію—презирать, а о злосчастной Австріи говорить съ улыбкою. Вся постановка воспитанія въ нѣмецкихъ гимназіяхъ обуславливается главнымъ образомъ цѣлями государственными. Гимназіи, говорятъ нѣмцы, суть учрежденія государственныя, а потому онѣ и должны служить государственнымъ цѣлямъ. Главныя предметы обученія: протестантство, гарантирующее нѣмецъ отъ папскихъ притязаній, нѣмецкій языкъ, исторія нѣмецкаго народа, географія Германіи, ознакомливающіе дѣтей съ ихъ отечествомъ, классическіе языки и чтеніе классиковъ, охраняющіе ихъ отъ увлеченія новѣйшими либеральными вѣяніями,—все направлено, очевидно, къ одной и той-же цѣли. Гимнастика всецѣло должна служить цѣлямъ военнымъ, въ виду которыхъ нѣкоторые изъ нѣмецкихъ педагоговъ встаютъ и противъ обремененія учениковъ умственными работами. „Вмѣстѣ съ образованіемъ ума и воли, говоритъ, на примѣръ, Вихардъ Ланге ¹⁾, на первый планъ должно выступить также образованіе чувства, а прежде всего тѣлесной силы и ловкости и притомъ такъ, чтобы это тѣлесное образованіе явилось цѣлесообразной, всесторонней и достаточной подготовкой, удовлетворяющей требованіямъ предстоящей впереди военной службы. Между теперешними научными требованіями отъ служащаго одинъ годъ волонтера и предстоящими боевыми дѣлами существуетъ лишь посредственная, слабая связь; мало того, преувеличенное умственное образованіе расширилось нынѣ поистинѣ въ такой степени, что, угрожая тѣлесному развитію, оно выходитъ прямымъ противодѣйствіемъ боевой способности. Ибо воинъ нуждается не только въ интеллигенціи, но также въ окрѣпшемъ и сильномъ, закаленномъ и ловкомъ тѣлѣ, а прежде всего онъ необходимо долженъ исполниться горячей любви къ отечеству и ревностной преданности ему. До какой степени ухудшилось тѣлесное развитіе въ нашихъ высшихъ школахъ, это видно изъ статистическихъ указаній д-ра Энгеля,

¹⁾ К. Шмидтъ, Ист. Пед., т. IV, ч. I, стр. 457.

по, которымъ изъ 130,000 молодыхъ людей, получившихъ въ Пруссiи право одногодовой службы, годными на послѣднюю оказались всего только 35 процентовъ. Такіе выводы вопіють къ небу! „О чемъ, читатель, идетъ здѣсь рѣчь, — о юнкерскомъ училищѣ или о классической гимназiи? У нѣмцевъ, какъ видите, по существу нѣтъ рѣзкаго разграниченія между этими двумя учебными заведеніями: солдатчиной отдаютъ и отъ того, и отъ другаго.

Для возбужденія чувства патриотизма нѣмецкіе педагоги иногда прибѣгаютъ даже къ весьма страннымъ и эксцентричнымъ средствамъ. Дурной примѣръ въ этомъ отношеніи подалъ еще *Зальцманъ* въ эпоху наполеоновскихъ завоеваній. Желая возбудить въ ученикахъ гимназій чувство патриотизма, онъ издалъ съ этою цѣлю даже особый патриотическій календарь или карманную книжку, — *Taschenbuch zur Beförderung der Vaterlandsliebe* „въ которой на мѣсто святыхъ онъ вставилъ „славныя имена нѣмецкихъ героев“. Но такъ какъ нѣмцы не особенно богаты „славными именами героев“ и потому пришлось возводить въ герои такихъ лицъ, о которыхъ изъ нѣмцевъ мало кто и слышалъ, то Зальцманъ упротерилъ своихъ ученыхъ друзей составить біографіи этихъ „новоиспеченныхъ героев“ и издалъ ихъ въ видѣ приложенія къ своему патриотическому календарю подъ заглавіемъ *Denkwürdigkeiten aus dem Leben ausgezeichneten Deutschen*, предпославъ имъ весьма бойкое предисловіе, въ которомъ энергично возстаетъ противъ страсти къ подражанію иностранцамъ и противъ недостатка самоуваженія, сознанія собственныхъ достоинствъ у нѣмецкаго народа. „Календарная“ система воспитанія и теперь еще въ Германіи не потеряла совершенно своего кредита, хотя, правда, въ настоящее время, для возбужденія чувства патриотизма, нѣмецкіе воспитатели предпочитаютъ употреблять уже инныя болѣе цѣлесообразныя и болѣе разумныя средства. Въ этомъ отношеніи мы, впрочемъ, наотрѣзъ отказались слѣдовать за своими просвѣтителями...

Нѣмецкія прогимназiи, подобно нашимъ, существеннаго отличія отъ гимназій не представляютъ, — а потому и нѣтъ никакой нужды говорить о нихъ подробно.

Къ мысли о необходимости учрежденія такъ называемыхъ *реальныхъ училищъ* или *гимназій* первымъ пришелъ извѣстный уже намъ педагогъ-пѣтистъ *Франкъ*. Его очень озабочивало положеніе дѣтей, выключенныхъ изъ классическихъ гимназій, съ которыми положительно не знали что дѣлать. Такимъ образомъ, тѣ учебныя заведенія, которыя въ наше время призываются наиболѣе удобными проводниками матеріалистическаго и утилитарнаго направленія, обязаны своимъ происхожденіемъ безкорыстному идеалисту, проповѣднику самыхъ гуманыхъ началъ. Такъ не далеки крайности одна отъ другой. Мысль Франка подробнѣе разработана его ученикомъ и инспекторомъ его нѣмецкихъ школъ, *пасторомъ* Христофоромъ *Землеромъ*. Педагогическимъ правиломъ Землера было— „Non Scholae, sed vitae discendum“, т. е.,—что учиться слѣдуетъ не для школы, а для жизни. Но для жизни древніе классическіе языки особой надобности не представляютъ; для жизни необходимы лишь свѣдѣнія о вѣсѣ и мѣрѣ, о металлахъ, минералахъ, простыхъ и драгоценныхъ камняхъ, о деревѣ и краскахъ, объ употребленіи циркуля и линейки, о земледѣліи, садоводствѣ, пчеловодствѣ, о календарѣ, астрономіи и географіи, объ анатоміи и діетѣ, полицейскомъ уставѣ, исторіи и географіи отечества и т. п. Берлинское общество наукъ одобрило такую программу Землера; городское управленіе Магдебурга выразило желаніе выдавать ежегодное пособіе на учрежденіе такого рода школы. И Землеръ первый открылъ у себя въ домѣ реальное училище для двѣнадцати бѣдныхъ мальчиковъ, поручивъ обученіе ихъ „весьма опытному въ математическихъ, механическихъ и экономическихъ наукахъ ученому“.

Далѣе Землера по тому-же направленію пошелъ другой нѣмецкій *пасторъ* *Юлій Геккеръ*, также ученикъ Франка, ясно доказавшій, подобно своему учителю, что можетъ сдѣлать духовное лицо, при ревностномъ и безкорыстномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ. Онъ также всегда былъ озабоченъ судьбою дѣтей, выключенныхъ изъ классическихъ гимназій или-же по бѣдности не имѣвшихъ возможности получить школьное образованіе. Приобрѣвъ популяриность среди прихожанъ своими утренними проповѣдями и катихизическими наставленіями, ко-

торья онъ велъ каждый воскресный день, онъ рѣшился употребить на школьное дѣло всѣ деньги, получаемыя имъ за исповѣдь. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ такое рѣшеніе Геккера, со всѣхъ сторонъ начали поступать богатыя пожертвованія. Такимъ образомъ въ самое непродолжительное время Геккеру удалось устроить въ Берлинѣ зданіе для училища съ шестью учителями и открыть такъ много *даровыхъ* школъ, что чуть-ли не на каждой улицѣ находилось по даровой школѣ, и болѣе 400 дѣтей пользовались даровымъ обученіемъ. Въ этихъ заведеніяхъ Геккера дѣтямъ преподавали не только ариѳметику, геометрію, механику, архитектуру, рисованіе, естествовѣдѣніе и т. п., но обучали также разведенію тутовыхъ деревьевъ и уходу за шелковичными червями, водили учениковъ въ различныя мастерскія и пр. Изъ этихъ школъ въ послѣдствіи развилось два типа школъ—реальныя училища и высшія мѣщанскія школы. Первые отличаются отъ послѣднихъ лишь большимъ количествомъ классовъ (VI—I).

Цѣль этихъ учебныхъ заведеній школьнымъ уставомъ Пруссіи опредѣлена такъ: „Реальныя и мѣщанскія училища должны научно образовать къ высшимъ призваніямъ, для которыхъ не требуется академическихъ факультетныхъ наукъ; поэтому устройство ихъ обуславливается не ближайшими потребностями практической жизни, а напротивъ — цѣлью довести умственныя способности ввѣренныхъ этимъ школамъ молодыхъ людей до той степени развитія, какая составляетъ необходимое условіе для свободнаго и самостоятельнаго постиженія будущаго призванія въ жизни“ ¹⁾. Сообразно съ этою цѣлію въ реальныхъ гимназіяхъ введено преподаваніе слѣдующихъ учебныхъ предметовъ: Закона Божія (14 уроковъ въ недѣлю), нѣмецкаго языка (24 урока), французскаго языка (31 урокъ), англійскаго языка (14 уроковъ), исторіи и географіи (21 урокъ), математики (36 уроковъ), естественныхъ наукъ (24 урока), чистописанія (10 уроковъ), черченія и рисованія (16 уроковъ); во всѣхъ шести классахъ полагается 189 уроковъ въ недѣлю, болѣе пяти уроковъ ежедневно въ каждомъ классѣ. Что ка-

¹⁾ К. Шмидтъ, Ист. Педаг. 1881, т. IV, ч. 1, стр. 500.

сается преподаванія Закона Божія въ реальныхъ гимназіяхъ, то въ объяснительной запискѣ къ прусскому школьному уставу сказано слѣдующее: „Относительно преподаванія *евангелической религіи* слѣдуетъ замѣтить: два старшихъ класса отнюдь не задаются высшею цѣлію изучать теологію вмѣсто религіи. Изученіе евангелическаго вѣроученія свое начало и свою основу должно постоянно держать въ связи съ Священнымъ Писаніемъ и имѣть въ виду то, чтобы сдѣлать плодотворнымъ этическое содержаніе ученія относительно церковной общины и внутренней жизни единичнаго лица. Необходимо объяснять различныя вѣроисповѣданія, но исходя отъ того сознанія, что въ нихъ не исчерпывается ни основное ученіе Церкви, ни понятіе о протестантской вѣрѣ, ни содержаніе Слова Божія. Отрывочныя замѣтки изъ такъ называемаго введенія Ветхаго и Новаго Заветовъ не имѣютъ (?) большого значенія для пониманія Св. Писанія въ его внутренней связи, что составляетъ главную задачу школы; а потому ихъ слѣдуетъ ограничить лишь крайне необходимымъ. Также нужно поступать, сообщая свѣдѣнія о сектахъ и религіозныхъ распрахъ, потому что церковно-историческое преподаваніе имѣетъ здѣсь свою задачу: представить только въ крупныхъ чертахъ и библейски обосновать исторію царствія Божія на землѣ“. — Это наставленіе показываетъ, что само прусское министерство имѣло самое смутное представленіе о томъ, чего оно требовало отъ преподавателя Закона Божія въ реальныхъ гимназіяхъ.

Съ 70-хъ годовъ реальныя гимназіи стали предметомъ спора и раздѣлили нѣмецкихъ педагоговъ на два противоположныхъ лагеря: защитниковъ и противниковъ. Это время спора о классицизмѣ и реализмѣ, которымъ такъ живо интересовалось тогда и наше русское общество. Кто читалъ тогда „Московскія Вѣдомости“ и „Голосъ“, „Русскій Вѣстникъ“ и „Отечественныя Записки“, тотъ, конечно, помнитъ всѣ доводы обоихъ лагерей. Намъ нѣтъ нужды повторять ихъ; но не лишнимъ считаемъ отмѣтить, что противники реализма были не правы въ двухъ пунктахъ, доведенныхъ ими до крайности: 1) они придавали *слишкомъ* большое значеніе *въ дѣлѣ воспитанія* изученію мертвыхъ языковъ. Они были убѣждены (и убѣжденіе это было

честное, и искреннее!), — что классицизмъ только можетъ привязать молодежь исключительно къ школьнымъ занятіямъ и сдѣлаетъ ее недоступною увлеченіямъ современными сумасбродными вѣяніями. По нашему мнѣнію, слѣдовало-бы думать какъ-разъ наоборотъ: голова забитая филологіею мертвыхъ языковъ безъ ознакомленія съ умственнымъ богатствомъ классическаго міра легче всего можетъ быть увлекаема всякимъ вѣтромъ новыхъ сумасбродныхъ идей; она не въ состояніи сама обдумать, увидѣть всей нелѣпости проповѣдуемыхъ ей учений, не въ состояніи отличить истины отъ лжи, правды отъ искаженія.

2) Несправедливы были противники реальныхъ гимназій и въ томъ отношеніи, что естествознаніе, изученіе жизни природы ставили въ причинную связь съ атеизмомъ и невѣріемъ. Намъ кажется, что все дѣло зависитъ отъ того, какъ изучаются естественныя науки. Не природа-ли, одна, вела къ понятію о Богѣ, къ необходимости признанія Его бытія и промышленія весь древній міръ язычества? Правда, астрономъ *Лапласъ* говоритъ, что глазомъ, вооруженнымъ зрительною трубою, онъ искалъ Бога во всѣхъ небесныхъ сферахъ, но не нашелъ Его нигдѣ, — и отсюда вывелъ заключеніе, что Бога нѣтъ совсѣмъ; правда, что *Дарвинъ*, *Фогтъ* и въ особенности *Геккель* признали человѣческими родоначальниками шампанзе и гориллу, а „слѣпой коцовской вѣрѣ“ (*pfäffischen Köhlerglauben*) противопоставили свою „науку“. Но, что значать эти ученые съ ихъ жалкою мудростію, при сравненіи съ дѣлмыя облакомъ такихъ свидѣтелей, какъ *Коперникъ*, *Г. Нютонъ*, *Паскаль*, *Медлеръ*, *Агассизъ* и др.? Эти послѣдніе были корифеями естествознанія и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоковѣрующими христіанами. И изъ устъ этихъ-то именно мужей учащаяся молодежь можетъ услышать свидѣтельство личнаго опыта, — что разумное изученіе жизни природы не только не удаляетъ человѣка отъ Бога, а напротивъ — даже ведетъ къ Нему. „Никто, говоритъ, напримѣръ, *Медлеръ*, — не имѣетъ меньше причинъ сомнѣваться въ чудесахъ Св. Писанія, какъ естествоиспытатель. Предъ его очами каждое твореніе является величайшимъ изъ чудесъ: все взятое даже отдѣльно, великое и малое, достойно удивленія, и чѣмъ болѣе мы изучаемъ при-

роду, тѣмъ болѣе чудеснымъ и возвышеннымъ является все предъ нашими глазами. Наука доставляетъ намъ убѣжденіе, что весь міръ есть дѣло цѣлесообразно устроенное, по мудрымъ замысламъ организованное и вышедшее совершеннымъ изъ рукъ Творца“. Съ этимъ вполне согласно и прекрасное изреченіе *Мат. Клавдія*: „Его, Невидимаго, проповѣдуютъ небо и земля. Всѣ тѣла и явленія въ видимомъ мірѣ суть звонки въ Его первосвященническомъ облаченіи, возвѣщающіе Его хожденіе“. Даже Ж. Ж. Руссо, который не хотѣлъ слышать о положительномъ христіанствѣ, говоритъ: „Только одна книга раскрыта предъ глазами всѣхъ, это — книга природы. По этой величественной книгѣ я научился служить своему Божественному Первобытнику и молиться Ему. Никто не можетъ получить извиненія, если онъ не читаетъ ее, потому что ко всѣмъ людямъ она говоритъ языкомъ понятнымъ для всѣхъ умовъ“. Неужели только христіанская школа должна скрыть эту книгу отъ своихъ питомцевъ, чтобы они не видели славы своего Творца?...

Изъ нѣмецкихъ противниковъ реальныхъ гимназій того времени слѣдуетъ упомянуть извѣстнаго профессора д-ра *Дюбуа Реймонда*, который, какъ ректоръ берлинскаго университета, въ своемъ оффиціальномъ мнѣніи отъ 5-го января 1870 года, несочувственно отозвался о постановкѣ воспитанія въ реальныхъ гимназіяхъ, — при чемъ онъ указалъ на то, что окончившихъ курсъ въ реальныхъ гимназіяхъ характеризуетъ вообще недостатокъ идеальныхъ стремленій, ремесленная ограниченность, заносчивость достигнутымъ полужнаниемъ, невосприимчивость къ прекрасному въ природѣ и т. п. Споръ о реальныхъ гимназіяхъ у нѣмцевъ не закончился еще и въ настоящее время. Такъ въ „Frankfurter Journal“ отъ 27-го апрѣля 1886 года была напечатана статья, требующая совершеннаго уничтоженія этого типа учебныхъ заведеній. „Такія заведенія, какъ реальные школы перваго разряда, называемыя также реальными гимназіями, — ни рыба, ни мясо“, — говоритъ авторъ этой статьи; „онѣ гоняются за всѣми цѣлями и находятся въ опасности не достигнуть ни одной, а потому онѣ и не имѣютъ права на существованіе“. Систематическое изложеніе всѣхъ возраженій противъ реальныхъ гимназій и самыхъ рѣзкихъ

нападковъ на нихъ представляетъ собою сочиненіе неизвѣстнаго намъ автора, изданное подъ заглавіемъ „Videant consules!“¹⁾ Это сочиненіе имѣеть въ виду главный и наиболѣе разумный защитникъ реальныхъ гимназій, ректоръ Дильманъ, который требуетъ уничтоженія рѣзкой противоположности между классическимъ или гуманистическимъ образованіемъ и образованіемъ, получаемымъ въ реальныхъ гимназіяхъ. Гуманистическимъ гимназіямъ онъ дѣлаетъ упрекъ за разрывъ съ жизнью, реальнымъ — за крайне утилитарное направленіе.

Подъ вліяніемъ этихъ споровъ уставъ реальныхъ гимназій въ Германіи нѣсколько измѣненъ къ лучшему: Лучше другихъ поставлены реальные гимназіи въ Дрезденѣ и Штутгартѣ. Въ первомъ реальная гимназія называется Анненскою въ честь находящейся близъ нея кирки св. Анны. Она состоитъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ ректора или директора. Дѣло обученія ведутъ 19 учителей старшихъ и 5 учителей-спеціалистовъ, обучающіе пѣнію и гимнастикѣ. Въ прошломъ году всѣхъ учениковъ было 382, изъ нихъ около 20 иностранцевъ — изъ Америки, Франціи, Италіи, Россіи, Англіи и Венгріи. Кромѣ общихъ предметовъ обученія въ реальныхъ гимназіяхъ, въ ней читается уже и латинскій языкъ и притомъ — въ такомъ-же точно объемѣ, какъ и въ гимназіяхъ классическихъ. Относительно преподаванія Закона Божія въ уставѣ этой гимназіи сказано слѣдующее: „Религіозное воспитаніе и обученіе должно быть направлено прежде всего на возбужденіе и оживленіе христіански-религіознаго чувства и на твердое обоснованіе евангелическаго вѣроисповѣданія. Вообще же религіозное обученіе должно имѣть своею цѣлю, надлежащимъ образомъ, ознакомить учениковъ съ главнымъ содержаніемъ Священнаго Писанія съ исторіею распространенія христіанской Церкви, съ лютеранскими символическими произведеніями и въ особенности съ Confessio Augustana“. При этомъ ученики дрезденской реальной гимназіи, по требованію устава, съ буквальною точностію должны усвоить наизусть всѣ евангелическія богослужебныя пѣснопѣвія и изучить всѣ ихъ напѣвы или мелодіи для богослужебнаго употребленія¹⁾.

¹⁾ Чему мы русскіе можемъ только позавидовать.

Затѣмъ,—достойно вниманія и примѣчаніе, прибавленіе къ этому параграфу устава: „первый часъ учебныхъ занятій утромъ каждаго дня во всѣхъ классахъ начинается молитвою“. Наконецъ, уставъ вмѣняетъ ученикамъ дрезденской реальной гимназіи въ обязанность неопустительно участвовать въ общественныхъ богослуженіяхъ каждый воскресный и праздничный день.—Такъ-же поставлено въ дѣло обученія реальной гимназіи и въ Штутгартѣ. Изъ прошлогодняго отчета этой гимназіи видно, что всѣ ученики неопустительно посѣщаютъ проповѣди прелата *Геррока*, равно какъ и проповѣди своего законоучителя, состоящаго діакономъ: тарнизонной кирки.

Наши реальныя гимназіи трудно сравнивать съ нѣмецкими: онѣ не имѣютъ самостоятельнаго значенія и являются лишь подготовительными заведеніями къ технологическимъ институтамъ и другимъ подобнымъ высшимъ практическимъ школамъ, отъ которыхъ зависитъ вся постановка ихъ учебно-воспитательнаго дѣла. Вопросъ объ ихъ преобразованіи стоитъ нынѣ на очереди у нашего правительства. Введеніе преподаванія естественныхъ наукъ въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ нынѣ лишаетъ реальныя гимназіи ихъ характеристической изолированности. Вотъ почему новая постановка для нихъ является даже необходимостію. Само собою понятно, что поставить на очередь этотъ вопросъ о преобразованіи наше правительство было вынуждено тѣми бросавшимися въ глаза недостатками, которыми изобиловали наши реальныя гимназіи; первое мѣсто между этими недостатками несомнѣнно занималъ крайне утилитарный, грубо матеріалистическій духъ воспитанія, господствовавшій въ этихъ гимназіяхъ, а изъ нихъ переходившій вмѣстѣ съ реалистами и въ жизнь, значительно усиленный и подкрѣпленный высшими практическими школами. Впрочемъ, мы считаемъ излишнимъ останавливаться на всѣхъ недостаткахъ нашихъ реальныхъ гимназій, когда на нихъ уже серьезно обращено вниманіе нашего общества и правительства.

Свящ. М. Бушкевичъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПАДНАЯ СРЕДНЕВѢКОВАЯ МИСТИКА

ОТНОШЕНИЕ ЕЕ КЪ КАТОЛИЧЕСТВУ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ

(Продолженіе *).

у нѣкоторыхъ женщинъ религиозно-экстатическое настроеніе 'духа' развивалось вслѣдствіе несчастныхъ семейныхъ обстоятельствъ. Къ такимъ женщинамъ принадлежала *Елизавета Тюрингенская* (Elisabet von Thüringen † 1231). Она была нѣкоторое время замужемъ за герцогомъ Людовикомъ и пользовалась полнымъ счастьемъ. Но по смерти своего мужа, родственниками его была лишена своихъ владѣній и съ малолѣтними дѣтьми изгнана изъ своей страны. Ей пришлось остаться зимою безъ пріюта. Большую часть времени ей приходилось проводить въ притворахъ церковныхъ, потому что никто ей не оказывалъ помощи даже изъ тавихъ лицъ, которые раньше были ею облагодѣтельствованы. Только послѣ продолжительной скитальческой жизни ей удалось возвратиться въ свой домъ. Въ несчастіяхъ Елизавета находила себѣ утѣшеніе только въ религіи: горячія молитвы заставляли ее забывать земныя страданія; во время молитвы ей представлялись видѣнія, облегчавшія ея душу. Служанка ея Изентруда замѣчала, что госпо-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 3.

жа часто стала приходиться въ какое-то восторженное состояніе, о которомъ потомъ забывала и не могла дать отчета. Однажды, по словамъ служанки, во время праздничнаго богослуженія въ храмѣ, герцогиня погрузилась въ глубокое созерцаніе, стоя неподвижно на одномъ мѣстѣ даже по окончаніи мессы съ глазами сосредоточенными на алтарѣ. Когда служанка подошла къ своей госпожѣ, то, послѣ долгихъ разспросовъ узнала отъ послѣдней, что она удостоилась видѣть духовными глазами удивительныя тайны, исполнившія ее сладчайшей радости. Послѣ этого Елизавета, возвратившись въ свой домъ, отъ крайней слабости и усталости легла на скамью предъ окномъ и оперлась на руку вѣрной служанки Изентруды. Послѣдняя признала свою госпожу больною, потому что съ ней происходило по прежнему нѣчто неповытное: она, повидимому, спала, а между тѣмъ открытыми глазами пристально смотрѣла вверхъ. Но вотъ, мало по-малу лице Елизаветы какъ-то преобразилось: небесная чистота, глубокой и сильный восторгъ озарили его; пріятная и нѣжная улыбка воодушевила ее. Затѣмъ глаза закрылись и потекли потоки слезъ; радостное состояніе замѣнилось плачемъ. Такая смѣна разнообразныхъ душевныхъ состояній продолжалась около часа. Наконецъ, Елизавета воскликнула съ невыразимою нѣжностію: „да, конечно, Господи, если Ты благоволишь быть со мною, то я пребуду Тебѣ вѣрною и никогда не разлучусь съ тобою“ ¹⁾. Изентруда долго умоляла свою госпожу открыть, что съ ней происходило. Елизавета, по смиренію, не хотѣла удовлетворить просьбѣ служанки, но потомъ, уступая мольбамъ любимой женщины, открыла свои тайны. „Я видѣла“, сказала она, „небо отверзтое и Господа моего милосердаго, Иисуса, Который удостоилъ меня Своимъ посѣщеніемъ и утѣшалъ въ страданіяхъ, испытываемыхъ мною. Онъ говорилъ со мною необыкновенно сладостно, называя меня сестрою и подругою. Онъ удостоилъ меня видѣть Его Матерь Дѣву Марію и возлюбленнаго ученика ап. Іоанна. При видѣ Божественнаго Спасителя, я испытывала необыкновенную радость; когда-же Онъ отвращалъ отъ меня лице Свое какъ

¹⁾ Robrbacher Histoire universille de l'Eglise t. VII p. 515.

будто для того, чтобы удалиться, то я оплакивала свои грѣхи, препятствовавшіе мнѣ быть съ Нимъ. Но Онъ, сжалившись надо мною, еще разъ обратилъ на меня Свой небесный взоръ и сказалъ: „Елизавета, если ты будешь вѣрна Мнѣ, то и Я пребуду съ тобою и никогда не отдѣлюсь отъ тебя“. Тогда я отвѣчала: „да, да, Господи, я буду съ тобою и никогда не разлучусь ни въ счастіи, ни въ несчастіи“...

Еще болѣе склонна была къ частымъ экстатическимъ видѣніямъ *Лутгарда Тангернъ* (Luitgard von Tangerн † 1246) Въ экстазѣ она ежедневно въ теченіе пяти лѣтъ видѣла: Богоматерь, апостоловъ, святыхъ и ангеловъ, но не успокоилась, пока не увидѣла Святаго Святыхъ, который оставилъ въ ней невыразимо сладкое чувство. Видѣнія ея, впрочемъ, принимали форму, повидимому, неблагоприятную католичеству. Такъ однажды она увидѣла Иннокентія III, объятаго необыкновеннымъ пламенемъ, и на вопросъ, за что послѣдовало такое тяжкое наказаніе, папа самъ указалъ три причины своего осужденія на муки въ чистилищѣ. Но онъ-же объяснилъ, что ходатайствомъ Богоматери, въ честь которой построилъ при жизни монастырь, спасся отъ предназначеннаго наказанія ¹⁾.

Къ разряду указанныхъ намъ женщинъ по созерцательному мистическому направленію можетъ быть также отнесена *Христина Сентъ-Трудъ* (Christine von St. Toud † 1224), хотя мистическое направленіе ея отличалось до нѣкоторой степени патологическими формами, которыя не могутъ быть оправданы никакими здравыми соображеніями. О ней рассказывается въ житіи, что въ состояніи восторга она дѣлала круговращательныя движенія (подобно дервишамъ) и притомъ съ такою быстротою, что при этомъ нельзя было въ ней различать членовъ тѣла. Неудивительно, что при такихъ упражненіяхъ Христина С. Трудъ приобрѣла особенную легкость, такъ что могла быстро подниматься на значительно высокія зданія. Руководимая своими мистико-аскетическими наклонностями, Христина, удаляясь отъ міра, часто поднималась на башни, на деревья, гдѣ проводила время въ молитвенномъ созерцательномъ настроеніи

¹⁾ Preger s. 66.

духа. Постоянное удаленіе Христины отъ людей, въ высшей степени странная жизнь ея дали поводъ думать ея роднымъ, что она бѣсновата. Ее часто держали на цѣпи, но она съ необыкновенною силою освобождалась изъ заключенія и снова продолжала вести себя по прежнему. Только послѣ погруженія въ воду крещальни, она освободилась отъ ненормальнаго состоянія и стала жить среди людей, не оставляя однако своей созерцательности ¹⁾.

Но если однѣ женщины погружались часто въ праздное экстатическое состояніе, истощавшее ихъ физическія силы и бесплодное или даже вредное въ нравственномъ отношеніи, то другія, предаваясь грустнымъ размышленіямъ о ненормальномъ состояніи католической церкви, старались изыскать средства для реформированія ея въ ортодоксальномъ направленіи. Обличая злоупотребленія католическаго духовенства и пороки мірянъ, онѣ въ пророческомъ духѣ предсказывали предстоящія опасности и бѣдствія для католическаго міра и сами начерчивали идеальные планы лучшаго порядка. Эти женщины пользовались необыкновеннымъ уваженіемъ среди своихъ современниковъ и даже со стороны самыхъ папъ и, нужно сказать, ихъ умѣренная преобразовательная дѣятельность не оставалась бесплодною для католичества:

Первый лучший образецъ умѣренной преобразовательной дѣятельности представляетъ *Гильдегарда* (1104—1178), бывшая настоятельница монастыря св. Рупрехта, близъ Бингена. Она отъ природы обладала необыкновенными способностями и уже на восьмомъ году поступила въ одинъ женскій монастырь для полученія образованія. Монастырское образованіе, полученное Гильдегардою было скудно: она научилась въ монастырѣ чтенію и пѣнію и познакомилась съ латинскою бібліею настолько, что могла понимать смыслъ читаемаго, хотя едва ли безошибочно, потому что грамматикѣ не знала. При скудномъ образованіи, однако, Гильдегарда отличалась сильнымъ религиознымъ чувствомъ, которое стало проявляться въ ней въ экстатической формѣ. Если вѣрить собственнымъ словамъ Гильдегарды

¹⁾ Preger s. 59, 60.

она съ раннихъ лѣтъ стала озаряться какимъ-то необыкновеннымъ свѣтомъ, причѣмъ ей казалось, что она видитъ много сверхъестественнаго съ такою поразительною ясностію, какъ будто видѣнное воспринималось не духовно, а чувственно ¹⁾. Сначала Гильдегарда сообщала о своихъ видѣніяхъ близкимъ лицамъ, но замѣтивъ ихъ недовѣріе къ своимъ разсказамъ, перестала съ ними дѣлиться мыслями. Гильдегарда видимо старалась быть въ уединеніи, замыкалась въ себѣ. Но по своей религіозной восторженности, она не могла относиться безучастно къ современнымъ выдающимся явленіямъ. А между тѣмъ явленія эти были таковы, что не могли радовать вообще лучшихъ людей и еще менѣе Гильдегарду, впечатлительную и экзальтированную. И вотъ, въ душѣ ея, нравственно страдавшей, стали слагаться видѣнія, которыя въ апокалипсической формѣ, заимствованной, конечно, изъ Откровенія Іоанна Богослова, представляли настоящее и будущее католичество въ самыхъ мрачныхъ чертахъ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Гильдегарда описываетъ слѣдующее видѣніе: „Однажды, говоритъ она, около полуночи я увидѣла стоявшихъ вблизи меня пять животныхъ, изъ которыхъ одно было подобно собакѣ, пылавшей огнемъ, но нестаравшей отъ него; другое—походило на златоруннаго льва; третье—имѣло видъ тощаго коня; четвертое—видъ свиньи, а пятое—видъ сѣраго волка. Всѣ эти животныя были обращены къ востоку. И вотъ послышался мнѣ голосъ съ неба, объяснившій это видѣніе такъ. Все на землѣ имѣетъ свой конецъ; но Невѣста Моего Сына, при всѣхъ бѣдствіяхъ, испытываемыхъ отъ сыновъ лукавства, не престанетъ существовать вѣчно: въ концѣ временъ она станетъ еще болѣе могущественною, прекрасною и величественною и съ радостию войдетъ въ объятія своего Возлюбленнаго Жениха“. Это видѣніе, по объясненію самой Гильдегарды, имѣетъ таинственное значеніе. „Пять животныхъ, представляющихся въ несовершенныхъ образахъ, означаютъ соотвѣтственные по характеру пять

¹⁾ Объ этомъ говорятъ Гильдегарда въ своемъ письмѣ, адресованномъ на имя папы Евгенія: *lux in anima mea ardet, sicut eam ab infantia mea habui. Maxima Bibliotheca veterum Patrum. Lugduni 1677. p. 537. Epistola Hildegardis Evgenio ibid. p. 567.*

различныхъ періодовъ земнаго царства: пылавшая огнемъ, но не сторавшая отъ него, собака, знаменуетъ страстное сварливое время, высокомящее о себѣ, но страдающее отсутствіемъ божественной правды. Златорунный левъ означаетъ время, исполненное въ началѣ силы, отваги и воинственности, но подъ конецъ склоняющееся къ безсилію и малодушію. Тощій конь— время преданное быстростремительному потоку страстей, низвергающее все благое и подъ конецъ погружающееся въ страшную сердечную тоску. Черная свинья— время попиранія всего святаго во тьмѣ грѣховной, когда владыки царствъ въ мрачной тоскѣ сами оскверняютъ себя грѣхами, попираютъ все чистое и святое, возвѣщаемое божественными учителями. Пятое время— начало царствованія антихриста, когда сильныя люди во взаимной враждѣ будутъ истреблять другъ друга, когда величайшія заблужденія взойдутъ отъ земли къ небу. Это время мученичества вѣрующихъ и дѣвольскихъ ухищреній антихриста. Пять животныхъ обращены къ востоку, ибо тамъ солнце восходитъ и заходитъ“ ¹⁾). Сопоставляя это видѣніе Гильдегарды съ другими подобными видѣніями ея, мы должны прийти къ тому заключенію, что подъ различными состояніями царства, приурочиваемыми къ различнымъ періодамъ времени, въ сущности необходимо разумѣть ненормальныя состоянія католическаго міра, относящіяся къ близкому прошлому, или къ тому періоду, въ какомъ жила Гильдегарда. Воображеніе Гильдегарды, возбужденное непривлекательными явленіями, происходящими въ католическомъ мірѣ, заставляло ее ожидать близкаго наступленія царства антихриста ²⁾). И это ожиданіе антихриста, основанное на ненормальности католичества, раздѣлялось многими современниками Гильдегарды и даже до извѣстной степени было общимъ, такъ что Эбербахъ признавалъ нужнымъ въ 1220 году писать особое сочиненіе съ цѣлію устранить ошибочныя понятія современниковъ о времени пришествія антихриста.

Не ограничиваясь общими пророческими предсказаніями о

¹⁾ S. Hildegardis abbatisae op. omnia Migne Patrol. cursus. compl. t. CXVIII lib. divin. operum simplicis hominis VIII p. 1026—1028—1083. „Scivias“ p. 709—712. Preger B. 1. s. 85. ²⁾ Preger B. 1. s. 85.

будущности католической церкви, Гильдегарда частіѣе обличала злоупотребленія католическаго духовенства. Она возмущалась жестокостію интердиктовъ и другихъ церковныхъ дисциплинарныхъ мѣръ, которыя часто примѣнялись къ извѣстнымъ лицамъ несоотвѣтственно съ ихъ дѣйствительною виновностію и настаивала на необходимости руководствоваться въ этихъ случаяхъ религіозно-нравственными побужденіями. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія слѣдующее обстоятельство, вызвавшее справедливое порицаніе со стороны Гильдегарды. Въ стѣнахъ ея монастыря былъ погребенъ человекъ, подвергшійся отлученію отъ церкви за свои нравственные проступки. Майнцское духовенство приказало вырыть похороненный трупъ, а на монастырь, допустившій христіанское погребеніе для отлученнаго отъ церкви, наложило интердиктъ. По этому поводу Гильдегарда послала письмо майнцскому духовенству, выставляя ему на видъ всю несправедливость допущенной мѣры. „Только послѣ тщательнаго изслѣдованія дѣла, говорила она, прелаты должны были приступить къ тому, чтобы воспрепятствовать общинѣ воспѣвать хвалу Богу, или преподавать и принимать таинства. Они должны были, конечно, хорошо знать, что въ этомъ необходимо руководствоваться ревностію по правдѣ Божіей, а не гнѣвомъ или своекорыстіемъ“ ¹⁾. Она открываетъ, что слышала голосъ Божій, вразумившій всѣхъ не возноситься передъ Творцемъ и Промыслителемъ міра. Этотъ голосъ говорилъ ей: „Кто сотворилъ небо? Богъ. Кто открываетъ небо своимъ вѣрующимъ? Богъ. Кто Ему равенъ? Никто“. Не ограничиваясь разоблаченіемъ высокомерія майнцскаго духовенства, Гильдегарда выставляетъ наружу пороки всей вообще католической іерархіи: ея распущенность, продажность, кощунство надъ святынею и т. д. Напоминаетъ, что Каеары и другіе еретики предназначены быть мстителями духовенству за его грѣхи ²⁾.

Но обличая духовенство за его пороки и предсказывая предстоящее наказаніе его божественнымъ судомъ, Гильдегарда нерѣдко обращалась къ лицамъ довѣряющимъ ей съ увѣща-

¹⁾ Maxima Bibliotheca Veterum Patrum Lugduni 1677 p. 567.

²⁾ Neander B. VII.—282.

ніями и наставленіями. Поэтому люди всѣхъ сословій—аббаты, епископы, короли и даже папы обращались къ ней за совѣтами. Давая каждому необходимое наставленіе, Гильдегарда постоянно побуждала всѣхъ искать подкрѣпленія въ Богѣ „черезъ погруженіе въ Него“. Но при этомъ, становясь на субъективно-мистическую почву, Гильдегарда ослабляла значеніе объективныхъ средствъ, необходимыхъ для спасенія. Она выставляла на видъ Св. Писаніе, какъ единственно вѣрный источникъ истины, игнорируя церковное преданіе и видимо сомнѣвалась въ авторитетѣ церковной іерархіи. Когда одна аббатисса старалась рѣшить нѣкоторые религіозные вопросы, то Гильдегарда замѣтила ей: „нужно въ такихъ случаяхъ держаться Священнаго Писанія, въ которомъ можно обрѣсти Бога черезъ вѣру“¹⁾. Во время спора между папою Александромъ III и его соперникомъ Викторомъ о престолѣ, одинъ аббатъ обратился между прочимъ, къ Гильдегардѣ съ вопросомъ: что ему нужно дѣлать при такомъ затруднительномъ обстоятельствѣ, когда нельзя опредѣлить, кого слѣдуетъ считать истиннымъ папою? Гильдегарда посоветовала ему возложить теперь всю надежду на Бога. „Пусть онъ скажетъ въ своемъ сердцѣ: Ты, Господи, все знаешь, я стану повиноваться Тебѣ, дабы мои помыслы не увлекали меня отъ истинной вѣры“. Но еще яснѣе недостаточное признаніе важности іерархіи высказывается въ слѣдующемъ наставленіи Гильдегарды, преподанномъ въ мистическомъ духѣ одной аббатиссѣ: „держишь общенія со Христомъ, у Него ищи всякаго блага. Ему открывай всѣ дѣла и Онъ даруетъ тебѣ спасеніе; потому что безъ Него человѣкъ напрасно искалъ-бы спасенія, ибо благодать и спасеніе дается не чрезъ человѣка, но чрезъ Бога.“²⁾ Какъ-бы то ни было, но Гильдегарда своимъ умѣреннымъ реформаторскимъ направленіемъ, основаннымъ до нѣкоторой степени на началахъ мистическихъ, оказала большую услугу современному католическому обществу, содѣйствуя искорененію въ немъ нравственныхъ недостатковъ и пробужденію религіозной жизни. Дѣятельность эта по основ-

¹⁾ Ibid. 280. ²⁾ Ibid. 281.

ными мотивамъ и цѣлямъ рождественна съ дѣятельностію Бернарда Клервосскаго, который лично звалъ Гильдегарду, письменно одобрялъ ея реформаторскія стремленія, а также благопріятствовалъ тому, что папа Евгений III на Трирскомъ соборѣ, созванномъ въ 1147 году, призналъ труды аббатиссы священными, совершаемыми, при благодѣтельномъ озареніи, во славу Божию и выразилъ ей свое одобреніе въ особомъ посланіи ¹⁾.

Продолжательницею такой-же умѣренной реформаторской дѣятельности была *Елизавета Шенау* (Elisabet von Schönau), настоятельница женскаго монастыря, принадлежащаго къ Бенедиктинскому ордену. На двѣнадцатомъ году она поступила въ женскій монастырь и уже съ этого времени до самой смерти (1165) вѣла строгую аскетическую жизнь. Она одѣвалась во власяницу, носила на ногахъ желѣзныя вериги, употребляла невѣроятно мало пищи и такъ усердно молилась, что ноги ея сгибались отъ стояній на молитвѣ. Одаренная отъ природы необыкновенною чувствительностію, Елизавета часто во время молитвы проливая слезы и приходила въ такой экстазъ, что тѣло ея на извѣстное время цѣпенѣло. Предъ наступленіемъ экстаза она испытывала тяжелое непріятное чувство; но самый экстазъ выражался въ радостномъ восторженномъ настроеніи духа, соединяемомъ съ отрѣшеніемъ отъ дѣйствительнаго міра и съ погруженіемъ въ фантастическій идеальный міръ видѣній. Такія видѣнія ей обыкновенно представлялись въ праздничные дни. Она видѣла тѣхъ или другихъ святыхъ, явившихся къ ней съ утѣшеніемъ въ то время, когда она оплакивала свои грѣхи. Особенно часто ей являлась Богоматерь, къ которой преимущественно она обращалась съ своими молитвами. Нерѣдко воображенію ея представлялись событія изъ земной жизни І. Христа съ такою силою, какъ будто она видѣла ихъ своими глазами. Но иногда визионерное состояніе Елизаветы принимало слишкомъ большіе размѣры. Такъ однажды ей предста-

¹⁾ Miramur, o filia; et supra id quod credi potest, miramur, quia Deus jam nostris temporibus nova miracula ostendit: cum te spiritu suo ita perfudit, quod diceris multa secreta videre, intelligere et proferre. Eugenius Pontifex Hildegardi. Maxima Bibliotheca Veterum Patrum Lugduni t. XXIII p. 537. Подобное-же письмо было написано Гильдегардѣ Бернардомъ Клервосскимъ. Ibid. 552

вилось, какъ будто она видѣла предъ собою 11,000 дѣвъ. Впрочемъ, въ дѣйствительности этого видѣнія сомнѣваются даже католическіе историки, въ виду его явной несообразности ¹⁾).

Одно изъ видѣній открыло Елизаветѣ печальныя послѣдствія, предстоящія въ будущемъ ея современникамъ, шедшимъ по пути нечестія. Елизаветѣ казалось, что она увидѣла гору, вершина которой была озарена свѣтомъ. На этой горѣ стоялъ Мужъ, лице Котораго сіяло какъ солнце и глаза Котораго блистали какъ звѣзды. Его волосы были ослѣпительной бѣлизны; изъ устъ Его шель обоюдоострый мечъ. Въ правой рукѣ Онъ держалъ ключъ, въ лѣвой—царскій скипетръ. Различные пути вели къ Нему на гору. Прямой путь, ведущій къ Нему, былъ голубой, подобный эфиру, или гіацинту; направо шель путь зеленый, налѣво — пурпуровый. Пути эти означали различные способы, ведущіе ко спасенію — созерцаніе, дѣятельность и мученичество. Далѣе видны были и другіе пути, по которымъ могли подниматься на гору люди различныхъ состояній и возрастовъ, всѣ живущіе въ мірѣ, но воздерживающіеся отъ брака и чувственности, строгіе подвижники, цѣломудренныя юноши и дѣвы, невинныя дѣти. Но изъ всѣхъ этихъ путей ни одинъ не былъ доступенъ для омірщеннаго и безнравственнаго католическаго духовенства. Описавъ это видѣніе въ особомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: „Книга путей Божіихъ“ (*Liber viarum Dei*), Елизавета принимаетъ рѣзкій, обличительный тонъ, порицая современное духовенство въ честолюбіи, въ высокомеріи, въ властолюбіи и въ наклонности къ роскоши. По ея словамъ, „духовенство виновно въ томъ, что земля полна неправды, поднимающейся къ небу подобно удушливому дыму. Множество грѣховъ съ быстротою пламени охватываетъ домъ Божій, а духовенство только раздуваетъ и усиливаетъ пламя, гоняясь за серебромъ и золотомъ“. Обличеніе далѣе заканчивается страстнымъ воззваніемъ: „несчастливыя и безумныя! вы собираете свои сокровища для ада. Откройте глаза, читайте Писаніе, подумайте о Господѣ, объ апостолахъ и сравните свою жизнь съ ихъ жизнію. Они не были провикнуты духомъ корыстолюбія и

¹⁾ Rohrbacher t. VII p. 135.

высокомѣрія, не были сопровождаемы пышною и гордою свитою, не одѣвались въ изысканную одежду, не предавались грубымъ и чувственнымъ удовольствіямъ, не охотились за звѣрями съ собаками. Вотъ Самъ Господь напоминаетъ вамъ: исправьтесь! А если не оставите своего нечестія и не обратитесь къ Нему, то Онъ сокрушитъ васъ. Онъ видитъ, какъ даже на апостольскомъ престолѣ возсѣдаютъ высокомѣрные и возносятся алчные, какъ возсѣдающіе на немъ неправдою и безбожіемъ соблазняютъ своихъ овецъ и совращаютъ ихъ съ праваго пути, вмѣсто того, чтобы ихъ охранять и руководить къ истинѣ“¹⁾.

Подобно Гильдегардѣ, Елизавета Шенау вела переписку съ выдающимися представителями католическаго духовенства, которымъ напоминала о необходимости стоять на стражѣ церкви и вѣрно исполнять свои обязанности. Такъ она увѣщаетъ одного трирскаго епископа: „восприими въ духѣ смиренія и страха Божія. Прости свой пастырскій жезлъ надъ стадомъ, которое ввѣрено Богомъ твоему руководству. Наказуй, обличай, исправляй безъ излишней строгости, но и безъ крайней снисходительности. Будь не какъ наемникъ, нерадящій объ овцахъ, но какъ вѣрный и мудрый рабъ“.

Злоупотребленія католическаго духовенства не вызывали однако въ Елизаветѣ стремленій оппозиціонныхъ католичеству. Она строго соблюдала всѣ церковныя постановленія и обряды. Но внутренняя скорбь, возбуждаемая печальными условіями времени, изливалась въ ней усиленными слезами и побуждала ее чаще обращаться съ молитвою къ Царицѣ небесной, Покровительницѣ въ скорбяхъ и у Нея искать необходимаго утѣшенія. „Радуйся Царице милости, сладостная утѣшительница въ нашихъ скорбяхъ и наша Преподобная Помощница, радуйся! къ Тебѣ взываемъ мы, искушенные дочери Евы, къ тебѣ мы скорбно обращаемся изъ этой юдоли плача. О, Милосердая, о Всеблагая и сладчайшая Марія, будь нашимъ прибѣжищемъ, обрати на насъ свое милосердное око и помоги намъ познать Смиреннаго, Уничиженнаго Іисуса, благословенный плодъ чрева Твоего!“²⁾.

¹⁾ Revelationis s.s. Virginum Hildegardis et Elisabethae Schönauensis Ord. s. Benedicti—ex antiquis monumentis editae. 1628. Preger B. 1, s. 40.

²⁾ Preger B, 1, s. 88.

Не всѣ, однако, женщины, жившія въ періодъ крестовыхъ походовъ, какъ мы сказали, такъ твердо придерживались въ мистическомъ направленіи ортодоксальной католической почвы. Нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе стремленія къ непосредственному общенію съ Богомъ, усилившемуся подъ вліяніемъ злоупотребленій католическаго духовенства, значительно отрѣшались отъ католичества и склонялись къ позднѣйшему протестантизму, или къ пантеизму. Въ данномъ случаѣ, при опредѣленіи особенностей ортодоксальной мистики, для насъ представляютъ интересъ тѣ женщины, которыя, слѣдуя умѣренному реформаторскому направленію, подобно вышеуказаннымъ, *невольно* склонялись къ заблужденіямъ, какъ и извѣстные намъ представители научной церковной мистики, не думая тѣмъ самымъ вступать во враждебную оппозицію по отношенію къ католичеству. Женщины эти также не были послѣдовательны въ проведеніи своихъ заблужденій. Допускаемая ими заблужденія развиваются безъ должной систематичности, болѣе или менѣе отрывочно и случайно. Къ такимъ женщинамъ мы можемъ отнести Мехтильду Гакеборнъ, монахиню Гертруду и Мехтильду Магдебургскую.

Мехтильда Гакеборнъ (Mechtild von Hackeborn 1240—1310), подобно извѣстнымъ намъ женщинамъ, обладала наклонностію къ внутреннему самоуглубленію и экстазу; однако она не терялась исключительно въ фантастическомъ мірѣ видѣній, но старалась уяснить для себя общія религіозныя истины, къ чему она въ значительной степени была предрасположена въ силу присущаго ей отъ природы тонкаго разсудка. Основанія для уясненія извѣстныхъ истинъ Мехтильда находила не столько въ Св. Писаніи и церковномъ преданіи, сколько въ личной религіозной фантазіи, возбуждаемой тѣми разнообразными видѣніями, которыхъ она удостоивалась въ экстазѣ. „Ея мысленный кругозоръ, говоритъ не безъ нѣкотораго увлеченія протестантскій ученый Прегеръ, не глубокъ и не богатъ, но имѣетъ особенную прелесть, потому что приводитъ ее къ *новымъ выводамъ*, открываетъ для ней новую особенную жизнь“ ¹⁾. Съ чего-же началась для Мехтильды эта но-

¹⁾ Ibid. b. 117.

вая жизнь, такъ восхищающая протестантскаго ученаго? Она началась рядомъ экстатическихъ видѣній, въ которыя стала погружаться Мехтильда вслѣдствіе сильныхъ нервныхъ страданій на пятидесятомъ году жизни, по поступленіи въ монастырь. Однажды Мехтильда заболѣла нервною головою болью; болѣзнь эта продолжалась въ теченіе мѣсяца съ такою силою, что не давала ей ни сна, ни покоя. Мехтильда при этомъ не могла молиться и утратила то чувство непосредственной близости къ Богу, которымъ, по своему представленію, раньше обладала. Сознаніе невозможности путемъ молитвы находиться въ общеніи съ Богомъ вызывало въ Мехтильдѣ необыкновенно мучительную скорбь, заставлявшую ее издавать стоны, которые слышны были въ отдаленныхъ частяхъ монастыря. Такое безотрадное состояніе Мехтильды продолжалось въ теченіе семи дней, но потомъ смѣнилось восторженнымъ пріятнѣйшимъ настроеніемъ, охватившемъ ее съ такою силою, что она, какъ мертвая, лежала неподвижно, съ закрытыми глазами, предаваясь созерцанію божественныхъ тайнъ. Когда окружающія лица, замѣчая ненормальное состояніе Мехтильды, стали спрашивать ее, какъ она себя чувствуетъ, то послѣдняя отвѣчала: „душа моя наслаждается созерцаніемъ божественныхъ тайнъ и *утопаетъ въ Божество, какъ рыба въ воду*“. Самоувѣренность Мехтильды, относительно приближенія къ Богу, была такова, что она была убѣждена, будто находится въ такомъ единеніи съ Богомъ, въ какомъ находятся души святыхъ на небѣ съ тѣмъ различіемъ, что послѣднія могли отдаваться полнымъ восторгамъ отъ сладостнаго общенія съ Богомъ, а она не можетъ ихъ испытывать вслѣдствіе своей тяжелой тѣлесной болѣзни. Болѣзнь Мехтильды продолжалась въ теченіе трехъ лѣтъ. При окончаніи болѣзни, она опять имѣла рядъ видѣній, которыя особенно наводили ее на мысли родственныя съ протестантскими идеями. Такъ однажды представилось Мехтильдѣ, что она встрѣтилась съ Господомъ на цвѣтистомъ полѣ и обратилась къ Нему съ такими словами: „О, сладчайшій Другъ, благослови меня, какъ вѣкогда Ты благословилъ раба Своего Іакова“. И Господь милосердый простеръ свои руки, благословилъ ее и сказалъ: „будь здрава тѣломъ и душою“. Тотчасъ

Мехтильда почувствовала облегченіе въ своей болѣзни и обрадованная молилась Дѣвѣ Маріи и всѣмъ святымъ, чтобы Они прославляли Бога за оказанное благодѣяніе. Мехтильда, впрочемъ, не могла совершенно оправиться отъ своей болѣзни, но тѣмъ не менѣе она не испытывала той внутренней мучительной борьбы, какую испытывала раньше. Въ ней, напротивъ, возростала самоувѣренность относительно своего нравственнаго оправданія. Хотя она не могла выполнять строгихъ аскетическихъ подвиговъ для достиженія высшаго совершенства, однако, вслѣдствіе различныхъ видѣній и размышленій, стала приходить къ тому выводу, что Господь спасаетъ человека по вѣрѣ въ Него и *безъ добрыхъ дѣлъ*. Однажды Мехтильда, стоя въ храмѣ въ праздникъ Благовѣщенія, предавалась грустному размышленію о томъ, что она облечена въ пепельную одежду и потому, при своихъ многихъ грѣхахъ, не можетъ еще предстать предъ Богомъ на страшный судъ. И вотъ, Мехтильда видитъ Господа Іисуса, сѣдящаго на высокомъ престолѣ и при Его величественномъ и сладчайшемъ какъ медь взорѣ, пепель разсѣялся, спалъ съ нея и *она стала предъ Нимъ чистая и сіяющая, какъ очищенное огнемъ золотомъ*. Тогда она узнала, что *всѣ добрыя дѣла, которыя должны быть совершены ею, исполнены Всевѣтѣйшимъ Іисусомъ Христомъ* и что великое несовершенство ея покроеется Его высшимъ совершенствомъ. „Если Богъ окомъ Своего милосердія воззрѣтъ на душу и низойдетъ къ ней, то грѣхи ея будутъ преданы вѣчному забвенію“. Это видимо успокоило Мехтильду. Обрадованная, что грѣхи ей простятся въ силу заслугъ Искупителя, она съ надеждою и смѣлымъ дерзновеніемъ склонилась къ груди любвеобильнаго Іисуса и выражала Ему чувство любви и неизреченной благодарности ¹⁾.

А. Вертеловскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Preger В. 1. s. 121.

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

XXXVII.

Условія необходимыя для того, чтобы философія была научною.—О предметъ философіи.—Философія какъ наука о познаніи.—Можетъ-ли философія ограничиться изслѣдованіемъ познанія?—Границы познанія, указанныя Кантомъ.—Отрицаніе этихъ границъ послѣдующею философіею.—Самопознаніе какъ предметъ философіи.—Отличительныя черты философіи какъ науки о самопознаніи.—Самосознаніе—предметъ и вмѣстѣ органъ философіи.—Въ какомъ смыслѣ философія есть наука и вмѣстѣ искусство?—Можно-ли признать опытъ орудіемъ философіи?—Взглядъ эмпириковъ на мышленіе и происхожденіе отвлеченныхъ понятій, оправдывающій въ ихъ глазахъ признаніе опыта всеобщимъ и необходимымъ методомъ познанія.—Понятіе Лянге объ опытѣ.—Раздѣленіе опытнаго познанія отъ идей разума.—Невозможность такого раздѣленія особенно въ отношеніи къ философіи.—Общій взглядъ на отношеніе философіи въ другимъ наукамъ.

Лянге строго раздѣляетъ научное познаніе отъ произведеній творчества. Область творчества есть область идеальная, ибо состоитъ въ созданіи идеаловъ, въ которыхъ отражаются высшія благороднѣйшія стремленія и качества челоувѣческаго духа. Наука-же имѣетъ всегда дѣло не съ идеалами, а съ фактами, съ явленіями дѣйствительности; слѣдовательно сфера науки есть реальная, а не идеальная. Отсюда и философія тогда лишь можетъ имѣть и имѣетъ научное достоинство, когда свои изысканія ограничиваетъ явле-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 5.

ніями дѣйствительности, когда твердо стоитъ на почвѣ фактовъ; когда-же переходитъ въ область идеаловъ, то какъ-бы ни была она возвышенна, и какъ-бы ни было велико ея вліяніе, она не имѣетъ тогда научнаго значенія; иначе сказать, только реалистическая, а не идеалистическая философія можетъ быть научною. Что-же именно должно служить ручательствомъ научности философіи? по какимъ именно признакамъ научная философія можетъ быть отличена отъ ненаучной? Ясно, что указаннаго опредѣленія, по которому только реалистическая философія можетъ быть научною, недостаточно для рѣшенія означеннаго вопроса. Понятно, что не одинъ какой-нибудь признакъ, но всѣ признаки, которыми характеризуется научное познаніе, должны быть взяты во вниманіе при рѣшеніи вопроса, что требуется, дабы философія была научною. Указанный признакъ, что только реалистическая философія можетъ имѣть научное достоинство, выражаетъ лишь то предварительное требованіе, что какъ всякое научное познаніе, такъ и философское познаніе, дабы быть научнымъ, должно имѣть опредѣленный предметъ: всякое научное познаніе есть познаніе объективное, предметное, а такъ какъ познаніе наше по содержанию, или что тоже, по предмету, вообще ограничивается явленіями, то слѣдовательно, предметомъ всякаго научнаго познанія, а въ томъ числѣ и философскаго, если послѣднее должно имѣть научное значеніе,—должна быть извѣстная совокупность явленій. Даже и это требованіе, не говоря о другихъ, въ примѣненіи къ философіи толкуется различно: именно одни изъ представителей такъ называемой научной философіи, или иначе позитивизма, находятъ, что философія не имѣетъ своего предмета, и потому не есть наука специальная, различающаяся отъ другихъ по предмету своему; она можетъ быть только обобщеніемъ, сводомъ знаній добытыхъ и добываемыхъ другими науками; она должна представить въ надлежащей связи и порядкѣ наиболѣе общіе выводы изъ всѣхъ частныхъ знаній, а для этого необходимо прежде всего установить правильный порядокъ, послѣдовательность и связь между отдѣльными науками, такъ что классификація

наукъ составляетъ, по этому взгляду на философію, ея основную и главную задачу. Но для рѣшенія этой задачи должно-же быть извѣстное основаніе, а что-же иное можетъ быть такимъ основаніемъ, какъ не теорія о самомъ познаніи. Классификація наукъ тоже, что опредѣленіе объема знаній, приобрѣтенныхъ наукою, а такое опредѣленіе стоитъ очевидно въ тѣсной связи съ вопросомъ, что для насъ познаваемо; и что непознаваемо,—каковой вопросъ можетъ быть рѣшенъ только путемъ изслѣдованія самого процесса познаванія, чрезъ указаніе условій, отъ которыхъ зависитъ этотъ процессъ, что и было предпринято Кантомъ въ Критикѣ чистаго разума. Итакъ, необходимо прежде всего изслѣдовать: какъ мы познаемъ, для того чтобы возможно было приведеніе въ систематическую связь всѣхъ научныхъ знаній. На этомъ основаніи другіе изъ позитивистовъ полагаютъ, что философія есть собственно наука о познаніи, что совокупность явленій, представляемыхъ процессомъ познаванія, и есть специальный предметъ философіи, какъ науки. Такъ очевидно смотритъ на философію Лянге. Разсмотримъ поближе это опредѣленіе философіи, какъ науки о познаніи. Согласимся съ этимъ опредѣленіемъ философіи, допустимъ его въ тѣхъ видахъ, чтобы точнѣе разграничить философію отъ другихъ наукъ, ибо чѣмъ-же и полагается раздѣленіе наукъ какъ не тѣмъ, что каждая наука имѣетъ свой особый предметъ. Пусть и философія, чтобы быть наукою положительною, имѣетъ свой особый предметъ, и не станемъ спорить противъ того, что таковой предметъ философіи есть познаніе. Спрашивается, каковы отличительныя свойства этого предмета; а прежде всего каковъ его составъ. Познаніе, по теоріи Лянге; который слѣдуетъ въ этомъ Канту, слагается изъ ощущеній, получаемыхъ отъ внѣшнихъ чувствъ и воспроизводимыхъ нашимъ сознаніемъ въ видѣ представленій, а съ другой стороны изъ различныхъ формальныхъ дѣйствій разсудка. Въ чемъ-бы ни состояли эти дѣйствія разсудка, несомнѣнно, что они не лишены въ нѣкоторой степени способности къ самоопредѣленію: ощущенія, а равно и представленія, въ которыя ощущенія преобразуются, произвольны, они суть

отправленія психофизическія; но дѣйствія разсудка въ значительной степени зависятъ отъ нашей воли: мы можемъ и такъ и иначе сочетавать и разъединять извѣстныя представленія. Основныя свойства разсудочной дѣятельности, каковы напр.: живость или вялость, пронизательность или тупость—конечно слѣдуетъ признать врожденными, но даже и эти свойства много зависятъ отъ того—много или мало мы упражняемъ свой разсудокъ, а также отъ того—каковы самые предметы, къ которымъ мы прилагаемъ разсудочную свою дѣятельность. Это значитъ, что познающая дѣятельность разсудка существенно зависитъ отъ тѣхъ цѣлей и побужденій, которыми при этомъ мы руководимся, а побужденія и цѣли, насколько сознаются нами, могутъ быть даны только въ формѣ идей, и слѣдовательно составляютъ необходимый идеальный элементъ въ процессѣ познанія. Вотъ почему и Кантъ, хотя отличаетъ разумъ, какъ способность создавать идеи, отъ разсудка, какъ способности познающей, однако, усвоивъ идеямъ разума и значеніе теоретическое, а не только практическое, признавалъ такимъ образомъ необходимымъ участіе идеальнаго элемента и въ процессѣ познанія, несмотря на ограниченіе познанія предѣлами опыта. И вотъ, чтобы по возможности умалить значеніе идеальнаго элемента въ познающей дѣятельности духа или даже вовсе его исключить, Лянге, какъ мы видѣли, функціи разсудка такъ тѣсно связываетъ съ ощущеніями, что, повидимому, смотритъ на нихъ просто какъ на выраженіе или необходимое послѣдствіе группированія ощущеній, слѣдовательно, какъ на отправленія такого рода, что, подобно ощущеніямъ, совершаются столь-же непроизвольно, по тѣмъ-же самымъ психофизическимъ законамъ. Потому вообще всю познавательную дѣятельность, въ полномъ ея составѣ, не раздѣляя отправленій разсудка отъ чувственныхъ воспріятій, Лянге прямо признаетъ обнаруженіемъ психофизической организаціи.

Итакъ, если даже ограничить философію изслѣдованіемъ познанія, то и при такомъ ограниченіи оказывается необходимымъ признать, что, по самому свойству предмета, философія не можетъ имѣть того исключительно реальнаго ха-

ракти, какой свойственъ чисто опытнымъ знаніямъ и слѣдовательно остается допустить одно изъ двухъ: или философія не есть наука и не можетъ быть ею, если реализмъ признать необходимымъ признакомъ научнаго познанія, въ отличіе отъ идей и всего идеальнаго, составляющаго область творчества; въ такомъ случаѣ слѣдуетъ причислить философію къ искусствамъ, которыя именно и составляютъ область творчества, или-же реализмъ не есть въ такой степени отличительный характеръ научнаго познанія, какъ это полагаетъ позитивизмъ, и слѣдовательно область научнаго познанія нельзя столь рѣшительно противопоставлять идеальной области творчества, какъ это дѣлаетъ Лянге; въ такомъ случаѣ признаніе философіи наукою не будетъ означать того, что она должна быть непременно реалистическою. На какомъ изъ этихъ двухъ предположеній слѣдуетъ остановиться, это мы увидимъ яснѣе изъ послѣдующаго.

Но можно-ли философію ограничить изслѣдованіемъ познанія? Въ наукахъ опытныхъ, занимающихся тѣми или иными реальными явленіями, разграниченіе одной спеціальной области изслѣдованія отъ другой главнымъ образомъ опредѣляется тѣмъ, что самые предметы являются ясно разграниченными; границы полагаются здѣсь самими предметами. Таковъ-ли предметъ—познаніе, чтобы въ немъ самомъ были даны границы, раздѣляющія его отъ другихъ соприкосновенныхъ съ нимъ предметовъ? Напротивъ, здѣсь такихъ границъ нѣтъ и быть не можетъ. Познаніе, какъ предметъ философіи, относится къ явленіямъ духа. Но отличительный характеръ явленій духа тотъ, что въ нихъ господствуетъ единство и взаимодѣйствіе надъ раздѣльностью ихъ, между тѣмъ какъ въ явленіяхъ внѣшней дѣйствительности раздѣльность господствуетъ надъ единствомъ и связностію; довольно того, что мы созерцаемъ внѣшнюю дѣйствительность, какъ данную въ пространствѣ, сущность котораго именно состоитъ въ раздѣльности (одна часть пространства находится внѣ другой), между тѣмъ какъ явленія духовныя мы созерцаемъ преимущественно въ формѣ времени, отличительною чертою котораго является то, что одна часть его какъ-бы входитъ

въ другую и сливается съ нею (настоящее дѣлается прошедшимъ, будущее настоящимъ). Вотъ почему познаніе сопровождается противоположными стремленіями, смотря по тому, что служить предметомъ познанія,—внѣшнія явленія или внутреннія; въ отношеніи къ явленіямъ внѣшнимъ въ наукѣ господствуетъ стремленіе установить связь между ними, возвести ихъ къ единству общаго закона; напротивъ, что касается явленій духовной жизни, то относительно ихъ главная задача—разграничить ихъ на отдѣльныя группы, выяснитъ отличительный характеръ каждой изъ нихъ; и самое требованіе разграничить предметъ философіи, какъ науки, изъясняется именно отличительнымъ характеромъ явленій духовныхъ, подлежащихъ изслѣдованію философіи. Такое разграниченіе конечно необходимо, оно составляетъ даже, какъ сказано, главную задачу въ наукахъ, къ которымъ относится философія, въ наукахъ изслѣдующихъ міръ духовный. Но поэтому самому разграниченіе это не можетъ быть точно такимъ, каково оно въ наукахъ опытныхъ. Тамъ оно есть просто данное, и потому требуется лишь указаніе его; здѣсь-же оно не дано, а только должно быть произведено; оно здѣсь не предварительное условіе изслѣдованія, напротивъ—можетъ быть только результатомъ изслѣдованія. Дѣйствительно, по мѣрѣ того какъ идетъ все далѣе развитіе философіи; все яснѣе разграничивается собственно ей принадлежащая сфера изслѣдованія. Было время когда философія была физикой, т. е. смѣшивалась съ естествознаніемъ, потомъ она отождествлялась и съ богословіемъ, и съ нравственно-практическою жизнью, и съ искусствомъ. Но это показываетъ лишь, что философская мысль входитъ въ отношеніе со всѣми предметами и проявленіями человѣческой дѣятельности. Между тѣмъ, быть можетъ, имѣетъ особый смыслъ именно то, что теперь съ особою настойчивостію требуется разграниченіе сферы собственно принадлежащей философіи отъ всѣхъ иныхъ соприкосновенныхъ съ нею. Не значить-ли это, что прежде всего иного и болѣе всего иного философія теперь стремится надлежащимъ образомъ понять саму себя?

Послѣ попытокъ Локка и его ближайшихъ послѣдователей, критическая философія Канта, и главнымъ образомъ его Критика чистаго разума, представляетъ наиболѣе замѣчательный опытъ разграниченія познанія, какъ предмета философскаго изысканія. Извѣстно, какъ опредѣляются у Канта границы познанія. Для насъ важно въ настоящемъ случаѣ то, что хотя Кантъ разграничиваетъ познаніе съ разныхъ сторонъ, но установленное имъ разграниченіе оказалось на первыхъ-же порахъ столь непрочнымъ, что было въ конецъ разрушено ближайшими его послѣдователями. Главнымъ образомъ въ двойномъ отношеніи Кантъ отмѣчаетъ границы познанія. Въ отношеніи субъективномъ онъ ограничиваетъ, какъ извѣстно, познаніе опытомъ, признавъ необходимыми составными элементами опытнаго познанія чувственныя представленія и категоріи разсудка, идеи-же разума поставивъ внѣ этой границы, и потому лишивъ ихъ значенія гносеологическаго; въ отношеніи-же объективномъ Кантъ призналъ границею познанія вещь въ себѣ, или иначе—сущность всего познаваемаго. Что касается первой границы,—опыта, то хотя идеи сверхъопытны и потому не оставляютъ никакого познанія, однако и по Канту они имѣютъ также важное значеніе для познанія, служа стимулами къ непрерывному продолженію дѣятельности познавательной, а такъ какъ сверхъ того собственно принадлежащее имъ значеніе идеи разума обнаруживаютъ въ дѣятельности практической, а также въ дѣятельности художественной, то чрезъ посредство идей разума познаніе, какъ дѣятельность духа, состоитъ въ тѣсной связи и съ дѣятельностію практическою и съ дѣятельностію художественною. И вотъ почему уже Кантъ не ограничивается философскимъ изслѣдованіемъ познанія, но сверхъ того изслѣдуетъ нравственно практическую дѣятельность (Критика практическаго разума), а равно и область художественнаго вкуса. У послѣдователей-же Канта исчезаетъ всякое раздѣленіе между познаніемъ и вышеозначенными сферами чело-вѣческаго сознанія, именно Фихте познаніе и практическую дѣятельность выводитъ изъ одного принципа (свобода), а Шеллингъ умственное созерцаніе признаетъ органомъ сколь-

во познанія, столько-же и художественнаго творчества. Основываясь на этихъ основныхъ предположеніяхъ Шеллинга и Фихте, Гегель разсматриваетъ наконецъ науку, искусство и жизнь практическую просто какъ различныя стороны или формы обнаруженія абсолютной идеи, какъ проявленія свободно развивающейся изъ себя силы мышленія.

Вотъ какимъ образомъ получился у названныхъ философовъ тотъ взглядъ на философію, относительно предмета ея, что такимъ предметомъ должно быть не познаніе, а *самопознаніе*. Философія, съ точки зрѣнія ближайшихъ послѣдователей Канта, есть наука не о познаніи, а о самопознаніи. Познаніе входитъ въ самопознаніе какъ часть, ибо самопознаніемъ объемлетя не одна только познающая дѣятельность, но также и другіе виды дѣятельности нашего духа.

Такъ какъ предметъ философіи—самопознаніе, то и бытіе вещей не само по себѣ, а насколько входитъ въ самопознаніе, т. е. какъ познаваемое, слѣдовательно, со стороны отношенія къ познанію, составляетъ предметъ философскаго изслѣдованія. Философія изслѣдуетъ насколько бытіе вещей для насъ познаваемо, какъ познается и въ чемъ мы должны полагать сущность бытія вещей. Кантъ, утверждая, что вещь въ себѣ непознаваема, смотрѣлъ такимъ образомъ на сущность вещей, какъ на объективную границу познанія. Однакожь, какъ показалъ это Фихте, въ исторіи нашего самознанія понятіе о сущности или вещи въ себѣ есть столь-же необходимое, какъ и противоположное ему понятіе явленія; по внутреннимъ законамъ нашего духа мы приходимъ къ этому понятію. А показать внутреннюю необходимость, приводящую насъ къ понятію о вещи въ себѣ, или что тоже о сущности вещей, не значить-ли разъяснить вмѣстѣ съ тѣмъ, въ чемъ заключается для насъ эта сущность ¹⁾.

¹⁾ „Большой понятный шагъ Гегеля сравнительно съ Кантомъ, говоритъ Лянге, состоитъ въ томъ, что онъ утратилъ мысль о болѣе общемъ образѣ познанія вещей отличномъ отъ человѣческаго. Вся его система движется въ сферѣ нашихъ мыслей и фантазій о вещахъ, которымъ даются звучныя имена, но притомъ не приходитъ ему на умъ подумать, чего стоятъ явленія и изъ нихъ выводимыя понятія вообще. Противоположность между сущностью и явленіемъ

Выше было замѣчено, что въ отношеніи духовныхъ явленій главная задача познанія состоитъ въ ихъ разграниченіи. Въмѣсто того, чтобы продолжать сдѣланное въ этомъ отношеніи Кантомъ, его послѣдователи, напротивъ, устраняютъ и то, что установлено Кантомъ; вмѣсто разграниченія и раздѣленія, они, напротивъ, стремятся свести къ одному началу различныя проявленія и, стремленія духа, которыя и безъ того имѣютъ наклонность смѣшиваться и сливаться до безразличія въ единствѣ нашего сознанія. И только въ виду этого понятно усиленное стремленіе новокантіанцевъ, и прежде всего Лянге, довести до крайности раздѣленіе познанія; какъ предмета философіи, отъ идеальныхъ понятій и стремленій, составляющихъ область творчества, тѣмъ болѣе, что этому именно стремленію благоприятствуетъ и самый духъ времени, т. е. господство реалистическаго направленія болѣе, склоннаго къ разъединенію сроднаго (спеціализація), чѣмъ къ общенію и связыванію разнороднаго. Когда философовали Фихте и Шеллингъ, тогда было время бурныхъ стремленій, все увлекавшихъ въ одинъ нераздѣльный потокъ, настоящее же время считается эпохою трезваго практическаго труда, поэтому и для философіи, вмѣсто прежнихъ увлеченій, настала пора спокойнаго изслѣдованія, ограниченнаго болѣе скромными задачами; объ абсолютномъ знаніи нѣтъ болѣе рѣчи, философія довольствуется относительнымъ и ближайшимъ.

Что предметъ и цѣль философіи есть самопознаніе чело-✓

у Гегеля не что иное, какъ противоположность двухъ человѣческихъ формъ пониманія, которая вдругъ снова стирается,—стр. 75. Замѣчаніе это о различіи Кантовой философіи и Гегелевой не вполне точно. Напротивъ, въ философіи Фихте, въ духѣ котораго философствовалъ также и Гегель, господствующая мысль есть та, что все нами познаваемое и признаваемое таково, какимъ познается и признается, есть только для насъ, для нашего духа. Правда вещь въ себѣ, какъ понятіе развивающееся по законамъ духа, и у Фихте и у Гегеля полагается не внѣ духа, а въ духѣ. Но вѣдь и Лянге требуетъ относиться къ явленіямъ такъ, какъ бы для насъ заключалась въ нихъ самая вещь въ себѣ. У Гегеля, какъ и у Фихте, даже въ большей силѣ удерживается противоположность вещи въ себѣ и явленія, чѣмъ у Лянге, такъ какъ по философіи Лянге, что познается чрезъ чувственный опытъ—есть и явленіе и вмѣстѣ сущность.

Вѣческаго духа,—это всегда провозглашалось величайшими представителями философіи; но быть можетъ никогда съ такою ясностію, и главное—широтою, не была проведена эта мысль, какъ это мы видимъ въ идеалистической философіи Фихте, Шеллинга и Гегеля, и въ этомъ именно заключается важное значеніе этой философіи. Что такое философія Фихте? Она представляетъ собою не что иное, какъ исторію самосознанія нашего я. Натурфилософія Шеллинга, также по словамъ самого Шеллинга, есть не что иное, какъ исторія самосознанія абсолютнаго; равно содержаніемъ философіи Гегеля также служитъ самосознаніе.

Если-же предметъ философіи—самосознаніе, то понятно отсюда слѣдуетъ выводить и отличительныя свойства философіи какъ науки. Въ чемъ состоитъ самосознаніе и что особеннаго представляетъ оно? Самосознаніе не есть простое созерцаніе происходящаго въ нашемъ духѣ, такое, которое-бы ничего не вносило въ созерцаемое имъ. Когда наше познаніе обращено на внѣшній предметъ, то сколько-бы мы ни рассматривали его, сколько бы ни изучали, предметъ отъ того ни мало не измѣнится; мы конечно можемъ подвергнуть изучаемый предметъ, для уясненія его природы, различнымъ перемѣнамъ, но не самое познаніе предмета производитъ въ немъ эти перемѣны. Когда мы обращаемся къ познанію собственнаго существа чрезъ изученіе разнообразныхъ его проявленій, то самое познаніе въ этомъ случаѣ не остается безъ важныхъ послѣдствій для самаго предмета познаваемаго. Какъ во всякомъ организмѣ жизнь представляетъ собою замкнутый кругъ явленій, подобно тому и въ организмѣ духа взаимодействіе познанія съ познаваемымъ представляетъ такой-же круговоротъ: чрезъ самосознаніе уясняются для насъ различныя проявленія нашего духа, ихъ законы и взаимная связь, а также отличительныя ихъ черты, а вслѣдствіе того получается цѣлый рядъ представленій или идей о внутренней организаціи духа, но при томъ самыя эти представленія, идеи обращаются въ живыя дѣятельныя силы духа, дѣйствующія на его жизнь, споспѣшествующія усовершенію ея и дальнѣйшему развитію; иначе

сказать, въ самосознаніи самое познаніе вовлекается въ тотъ внутренній процессъ жизни духа, который составляетъ содержаніе познанія и обращается въ составную часть этого процесса. Послѣдствіемъ такого особеннаго, нигдѣ болѣе не встрѣчаемаго отношенія между познаніемъ и познаваемымъ, является то, что здѣсь, т. е. въ самосознаніи, предметъ познанія и методъ познанія совершенно нераздѣльны и составляютъ одно. Поэтому говоря, что предметъ философіи есть самопознаніе, мы разумѣемъ здѣсь и самый методъ, неотдѣлимый отъ предмета: самосознаніе есть и органъ философіи, есть выраженіе философіи, какъ особаго познавательнаго процесса, и вмѣстѣ предметъ философіи, самое познаніе здѣсь нераздѣльно съ познаваемымъ. А какъ познаніе пріобрѣтается только постепенно, то отсюда и предметъ, неотдѣлимый отъ познанія, также подлежитъ процессу раскрытія; поэтому измѣнчивость философскихъ теорій ни мало не свидѣтельствуетъ противъ важности и научнаго значенія философіи, такъ какъ измѣнчивость эта обуславливается самымъ существомъ дѣла; человѣческій духъ только постепенно можетъ входить въ себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно также раскрывается его внутреннее существо, оставаясь неизмѣннымъ только въ наиболѣе общихъ коренныхъ своихъ свойствахъ. Впрочемъ принимая во вниманіе то, что въ философіи процессъ познанія дѣйствуетъ на самое существо познаваемое, видоизмѣняя его, можно признать философію столько-же искусствомъ, сколько и наукою; чрезъ самосознаніе духъ человѣческій образуетъ себя, такъ что продуетомъ, такъ сказать, творческой дѣятельности духа здѣсь является самый-же духъ, однакожь это не можетъ служить основаніемъ для того, чтобы не признавать философію наукою въ собственномъ смыслѣ; ибо указанный двойственный характеръ философіи собственно означаетъ,—что она есть и *теоретическая* и вмѣстѣ съ тѣмъ *прикладная* практическая наука. Въ другихъ наукахъ познаніе и предметъ раздѣлены, поэтому раздѣленными также являются въ нихъ части теоретическая и прикладная; въ философіи-же, напротивъ, вмѣстѣ съ единствомъ познанія и познаваемаго, мы видимъ также единство

двоякаго значенія наукъ опытныхъ—теоретическаго и практическаго.

Истинность изложеннаго взгляда на философію ясно свидѣтельствуется тѣмъ, что изъ него легко изъясняются наибъ чаще повторяемыя обычныя понятія о философіи, начало которыхъ относится къ глубокой древности и на которыя было уже указано нами въ своемъ мѣстѣ. Такъ какъ философія, по непосредственному о ней понятію, есть любовь, стремленіе къ истинѣ, то какъ было замѣчено уже, философъ—это человѣкъ, любящій истину и преданный ей до самопожертвованія. Теперь это само собою уясняется тѣмъ, что философія состоитъ въ самопознаніи; а познавая себя, человѣкъ чрезъ то самое вноситъ во всѣ сокровенныя, такъ сказать, мѣста внутренняго своего существа свѣточъ испытующей мысли, такъ что предъ этимъ свѣтомъ не можетъ утаиться никакая неправда; почувствовать, сознать въ себѣ что-либо фальшивое, это уже значитъ сдѣлать шагъ къ исправленію; вмѣстѣ съ тѣмъ и самое слово—истина получаетъ настоящій свой смыслъ только для человѣка испытующаго себя, стремящагося къ самопознанію: внѣ духа нѣтъ истины, истина только въ духѣ обитаетъ.

Стремясь къ разграниченію области, подлежащей изслѣдованію философіи, хотя предметъ предназначаемый философіи (познаніе) и не допускаетъ твердаго разграниченія его отъ другихъ сопредѣльныхъ съ нимъ областей духовнаго бытія, Лянге также точно и методъ философіи рѣшительно раздѣляетъ отъ предмета и даже противопологаетъ ему. Противоположность эта состоитъ въ томъ, что познаніе содержитъ въ себѣ элементы предшествующіе опыту и потому независимыя отъ него (данне а priori), и даже все познаніе, по Лянге, можно признать таковымъ, но методъ разсмотрѣнія и изслѣдованія познанія не можетъ быть также а priori'нымъ, напротивъ, онъ долженъ быть а posteriori'нымъ, ибо состоитъ въ наблюденіи или самонаблюденіи. Познаніе того, какъ происходитъ въ насъ познаніе, можетъ быть достигнуто только путемъ эмпирическимъ. Но познаніе, добытое такимъ способомъ, т. е. чрезъ самонаблюденіе, не имѣ-

до-бы научно-философскаго значенія; оно не было бы выраженіемъ истины. Въ самомъ дѣлѣ, когда предметомъ наблюденія служитъ что-либо, существующее внѣ меня: то здѣсь возможно еще допустить, что само по себѣ наблюдение можетъ внушить увѣренность въ томъ, что представляющееся моему наблюденію таково не для одного меня, но и для всякаго познающаго; такъ какъ предметъ наблюденія внѣ меня, то онъ и не зависитъ отъ меня, а потому какимъ представляется мнѣ, таковъ-же онъ долженъ быть и для всякаго другаго; но когда предметомъ наблюденія служитъ то, что во внѣ происходитъ, то на какомъ основаніи я могу утверждать, что происходящее во мнѣ, также какъ во мнѣ, происходитъ и въ другомъ познающемъ существѣ; отдѣльные факты, замѣаемые чрезъ самонаблюдение (каковы, напри-мѣръ, воспріятіе впечатлѣній, сохраненіе ихъ въ памяти, воспроизведеніе ихъ, группированіе, отнесеніе къ внѣшнимъ предметамъ), подымаютъ общее значеніе лишь тогда, когда не просто наблюдаются, но мыслятся. Выше сказано, что въ самопознаніи самое познаніе дѣйствуетъ на познаваемое, видоизмѣняетъ и преобразуетъ его. Это замѣчаніе относится именно къ мышленію, такъ какъ мышленіе, въ отличіе отъ наблюденія, активно; въ самомъ дѣлѣ, что мы, замѣчая въ себѣ различные факты, представляемые процессомъ познанія, — эти факты относимъ къ нашему я, это уже есть дѣйствіе мышленія, ибо я само по себѣ никогда не бываетъ предметомъ наблюденія, а только всегда мыслится нами, и на этомъ основаніи эмпирики, усвояющіе реальное значеніе только тому, что наблюдается, признаютъ наше я просто иллюзіею, простою абстракціею; мысль, съ точки зрѣнія эмпириковъ, есть нѣчто пустое, ничего не значащее, порождающее одни лишь призраки.

Говорятъ: мышленіе оперируетъ съ пустыми отвлеченностями, абстракціями и потому удаляетъ насъ отъ дѣйствительности, а не приближаетъ къ ней. Въ самомъ дѣлѣ, какъ происходятъ отвлеченныя понятія? По теоріи эмпиризма происхожденіе ихъ таково: непосредственное наблюдение даетъ намъ полный образъ предмета; но по причинѣ слож-

ности воспринятаго образа, мы не воспроизводимъ его цѣликомъ (только при повторенномъ неоднократно наблюденіи образъ предмета можетъ быть тверже удержанъ), а удерживаемъ лишь нѣкоторыя его черты; и изъ этихъ, удерживаемыхъ сознаниемъ, чертъ воспринятаго образа мы останавливаемъ преимущественное вниманіе на ту или иную черту, тотъ или другой признакъ; это потому, что отдѣльныя черты предмета, разные признаки его, порознь встрѣчаются во многихъ другихъ предметахъ, и какъ чаще замѣчаются нами именно порознь, въ разрозненномъ видѣ, то потому и тверже удерживаются также порознь, а не въ томъ особомъ сочетаніи, въ какомъ представляются въ единичномъ предметѣ; впрочемъ, такъ какъ въ опытѣ не только отдѣльные признаки повторяются во множествѣ *различныхъ* предметовъ, но есть также много *одинаковыхъ* предметовъ, т. е. и сложности признаковъ, а не только отдѣльные признаки многократно повторяются, то отсюда и отвлеченные образы вещей бываютъ двухъ родовъ: одни представляютъ собою цѣлую группу признаковъ постоянно въ опытѣ встрѣчающихся вмѣстѣ, другіе-же воспроизводятъ лишь одинъ какой либо признакъ (напр. извѣстный цвѣтъ, запахъ, извѣстную форму). Перваго рода представленія не что иное, какъ смутныя, неясныя образы, въ которыхъ рельефно выступаютъ только не многіе черты, многократно встрѣчающихся одинаковыхъ предметовъ, именно тѣ черты, въ которыхъ эти одинаковые предметы совпадаютъ, сходствуютъ между собою: такъ если навладывать одно на другое изображенія многихъ сходныхъ предметовъ, то получится неясный типическій отпечатокъ, въ которомъ всѣ индивидуальныя черты предметовъ стерлись, а остались замѣтными только общіе во всѣхъ предметахъ повторяющіеся признаки (такъ получается общее представленіе растенія, животнаго). Если-же отображаемые въ сознаниіи предметы столь различны, что оказываются сходными только по одному какому либо признаку, тогда остающійся образъ будетъ отпечаткомъ не цѣлаго предмета, а только одного лишь признака; такъ образуются собственно абстрактныя представленія (напр. бѣлизна, слѣ-

пота, кривизна, высота и т. п.). Такъ какъ такіа абстрактныя представленія нерѣдко бываютъ причиною ложныхъ одностороннихъ умозаключеній (напр. по одной чертѣ мы судимъ о цѣломъ предметѣ, ложно принимая ее за выраженіе цѣлаго предмета, или когда встрѣчая извѣстный признакъ въ нѣсколькихъ предметахъ, предполагаемъ существованіе его и въ другихъ, единственно на основаніи сходства послѣднихъ съ первыми по инымъ признакамъ), то вотъ почему эмпирики вообще полагаютъ, что представленія тѣмъ болѣе истинны, т. е. тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ болѣе примыкаютъ къ показаніямъ непосредственнаго чувственаго опыта, а таковы именно представленія конкретныя, представленія отдѣльныхъ вещей; и отвлеченныя представленія уясняются посредствомъ примѣровъ, т. е. при помощи конкретныхъ образовъ, относящихся къ единичнымъ предметамъ. Но такой выводъ, относительно абстрактныхъ представленій, въ которомъ неминуемо приводитъ эмпиризмъ, оказывается несогласнымъ со взглядомъ на познаніе самого-же Лянге. По философіи Лянге процессъ познанія вообще есть совокупность функцій нашего психо-физическаго организма. И должно сознаться, что эмпиризмъ и не можетъ дать иного взгляда на познаніе. Если-же познаніе есть процессъ, который совершается прямо по законамъ психо-физической организаціи, тогда, слѣдовательно, необходимо входятъ въ этотъ процессъ и не могутъ быть изъ него изъяты и представленія абстрактныя; они, слѣдовательно, столь-же необходимы въ процессѣ познанія, какъ и непосредственныя наблюденія или созерцанія, а это значитъ, что познаніе безъ нихъ не можетъ быть полнымъ и совершеннымъ. И точно, никакая наука не довольствуется однимъ лишь наблюдательнымъ, или иначе, опытнымъ изученіемъ фактовъ, но сверхъ того еще каждая наука стремится къ тому, чтобы выводить общіе законы, а законы выражаютъ постоянно повторяющіяся отношенія между отдѣльными фактами или явленіями; не очевидно-ли, что представленіе такого отношенія есть абстрактное, или иначе мыслимое, а ненаблюдаемое? ибо важность его въ томъ и состоитъ, что та-

кое представляемое нами отношеніе явленій мы рассматриваемъ какъ необходимое, т. е. долженствующее быть всегда, а не только присутствующее въ немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ, извѣстныхъ намъ по опыту; наблюденіе ограничено мѣстомъ и временемъ, а потому сознаніе того, что нѣчто должно быть всегда, относится очевидно не къ наблюденію, а къ тому, что мыслится; между тѣмъ можно-ли сказать, чтобы такое абстрактное представленіе какого либо точно формулированнаго закона было неяснымъ, смутнымъ образомъ; напротивъ, мы яснѣе и тверже удерживаемъ въ сознаніи подобныя абстрактныя представленія, чѣмъ любое конкретное представленіе, прямо внушенное наблюденіемъ. Наконецъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что по ученію Лянге, который въ этомъ слѣдуетъ Канту, въ составъ познанія входятъ чувственность и разумъ, слѣдовательно познаніе образуется только при совокупномъ участіи наблюденія и мышленія. Не очевидно-ли послѣ этого, что и при изслѣдованіи познанія методъ не можетъ быть чисто эмпирическимъ, а posteriori-нымъ, но долженъ соединять въ себѣ наблюденіе съ умозрѣніемъ, слѣдовательно долженъ быть не только эмпирическимъ, но и умозрительнымъ. Правда, категоріи разсудка, т. е. данныя а priori формы мысли, по теоріи Лянге, не что-либо отдѣльное отъ чувственнаго наблюденія, напротивъ, входятъ въ составъ чувственнаго наблюденія или опыта. Только идеи разума Лянге рѣшительно противопоставляетъ опыту и потому не даетъ имъ никакого значенія въ познаніи, а отсюда онъ не даетъ мѣста идеямъ разума и въ томъ познаніи, которое состоитъ въ изслѣдованіи самого-же познанія, т. е. въ самопознаніи, или иначе въ познаніи философскомъ, полагая, что и для философіи не можетъ быть иного метода кромѣ того, которымъ пользуются всѣ науки, именно опыта. „Въ свидѣтельствѣ чувствъ, говоритъ онъ, всѣ люди согласны. Чистыя сужденія разсудка не колеблются и не ошибаются. Идеи-же суть поэтическія порожденія отдѣльной личности, можетъ быть достаточно могущественныя, чтобы своимъ очарованіемъ господствовать надъ цѣлыми эпохами и народами, но никакъ

не всеобщія и неизмѣнныя“¹⁾). Казалось-бы чего лучше. Если всѣ люди согласны въ томъ, что свидѣтельствуя чувства, если разсудокъ непогрѣшимъ въ своихъ чистыхъ сужденіяхъ, т. е. тѣхъ, которыя не зависятъ отъ воли человѣка, но прямо опредѣляются его организаціей, между тѣмъ чувственное наблюденіе въ связи съ необходимыми сужденіями разсудка и есть то, что называется опытомъ, то стоитъ только слѣдовать во всемъ указаніямъ опыта и философія, послушная всегда руководству опыта, будетъ свободна отъ всякихъ ошибокъ, заблужденій,—сдѣлается наукою вполне точною. Однако съ этимъ заключеніемъ несогласенъ прежде всего самъ Лянге. Онъ, напротивъ, находитъ, что введенное путемъ опыта всегда можетъ быть опровергнуто послѣдующимъ опытомъ. „Въ теченіи столѣтій, говоритъ Лянге, сколько было извѣстно, незамѣчали движенія неподвижныхъ звѣздъ и отсюда заключили, что онѣ неподвижны. Это было опытное положеніе, оно могло быть исправлено и дѣйствительно было исправлено чрезъ болѣе точныя наблюденія и вычисленія. Подобные примѣры исторія наукъ представляетъ на каждой страницѣ“. Если-же опытъ не обезпечиваетъ отъ ошибочныхъ заключеній и ложныхъ мнѣній, напротивъ нерѣдко приводитъ къ нимъ, то какъ-же возможно, чтобы составные элементы опыта,—свидѣтельства чувствъ и сужденія разсудка были непогрѣшительны? Нетрудно видѣть, что это столь парадоксальное утвержденіе, какихъ впрочемъ немало въ книгѣ Лянге, высказано имъ единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы какъ можно рѣшительнѣе разграничить идеи разума отъ области научнаго познанія. Смысль приведеннаго выше утвержденія Лянге о свидѣтельствѣ чувствъ и сужденіяхъ разсудка очевидно таковъ: въ познаніи только то достовѣрно, къ чему мы приходимъ по необходимымъ законамъ нашей организаціи, независимо отъ самоопредѣленія нашего духа. Таковы прежде всего показанія чувствъ; мы ихъ не можемъ измѣнить по своему произволу; таковы также чистыя, т. е. происходящія по органическимъ законамъ, сужденія раз-

¹⁾ 2-я кн. стр. 176 (158).

судка (напр. сужденіе, что всякое дѣйствіе должно имѣть причину ¹⁾) и они также независимы отъ нашей воли, а потому и неизмѣнны, ибо у всѣхъ одинаковы; напротивъ идеи произведенія отдѣльной личности, такъ какъ вполне зависимы отъ воли каждаго отдѣльнаго лица, могущаго свободно принять и отвергнуть какую угодно идею; ибо идеи не суть послѣдствія необходимо совершающихся органическихъ функцій, но образуются свободною дѣятельностію духа, именно творчествомъ фантазіи. Какъ произведенія творческой фантазіи, идеи должны быть измѣчивы и индивидуальны, слѣдовательно, ничего общаго не имѣютъ съ научнымъ познаніемъ. Несомнѣнно, что идеи разума открываютъ широкій просторъ для дѣятельности духовныхъ силъ отдѣльной личности, дѣйствуя возбуждающимъ образомъ на эти силы; но это ни мало не лишаетъ идеи разума всеобщаго значенія, напротивъ возвышаетъ ихъ таковое значеніе, ибо отсюда именно дѣлается очевидною необходимость ихъ для правильнаго развитія всякаго человѣческаго существа, — необходимость несравненно большая, чѣмъ какова необходимость какихъ-либо специальныхъ знаній. И нельзя не признать того, что Лянге вполне согласно съ этимъ говоритъ объ идеяхъ разума, что онѣ суть глубочайшія проявленія человеческой природы. Такимъ образомъ оказывается, что намѣреніе Лянге провести какъ можно болѣе рѣзкую раздѣляющую черту между силами дѣйствующими въ познаніи и образующими опытъ съ одной стороны, и идеями разума съ другой, не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ съ одной стороны, вопреки очевидности, онѣ возвышаетъ достоинство и значеніе чувствъ и разсудка въ познаніи, а съ другой, также вопреки очевидности, въ той-же степени умаляетъ зна-

¹⁾ Лянге, относительно этого сужденія, несомнѣнно признаваемого имъ чистымъ, говоритъ однако-же слѣдующее: непосредственно изъ природы человеческого духа происходящее принужденіе для каждой вещи принимать причину на дѣлѣ бываетъ очень часто ненаучнымъ. Вслѣдствіе понятія причины обезьяна — въ этомъ, повидимому, организованная по-человѣчески — хватаетъ лапой позади зеркала, или поворачиваетъ издѣвающійся надъ нею снарядъ, дабы отыскать причину появленія своего двойника. р. 46—47.

ченіе идей разума, отрицая ихъ всеобщее значеніе, и смотря на нихъ какъ на принадлежность отдѣльной личности. Благодаря тому, что самые предметы наукъ опытныхъ способствуютъ ихъ взаимному разграниченію въ этихъ наукахъ, развилось стремленіе къ возможно большей разграниченности по всѣмъ сторонамъ. Отсюда явился предразсудокъ въ позитивизмѣ, что и философія станетъ наукою, если сдѣлается опытною, тогда и въ ней явится разграниченіе собственной ея области отъ другихъ сферъ, съ которыми она легко приходитъ въ соприкосновеніе и даже смѣшивается. Только когда органомъ философскаго познанія сдѣлается опытъ, тогда только прекратится смѣшеніе философіи и съ религіею и съ искусствомъ, ибо методъ умозрительный, доселѣ бывшій въ философіи, не только, не способствовалъ ея разграниченію, напротивъ, былъ главною причиною ея смѣшенія съ религіозными и эстетическими, а также моральными идеями, вслѣдствіе чего философія не была въ собственномъ смыслѣ наукою. Такимъ образомъ вовсе не критическое разсмотрѣніе эмпирическаго и умозрительнаго методовъ, а совершенно постороннія для существа дѣла, навѣянные духомъ времени, господствомъ эмпиризма, соображенія заставляютъ говорить объ опытѣ, какъ единственно возможномъ методѣ въ философіи ¹⁾. Существо-же дѣ-

¹⁾ „Черезъ все наше время проходитъ основная черта ожиданія величественной, говоритъ Лянге, и фундаментальной, хотя можетъ быть тихо и мирно совершающейся, реформы всѣхъ созерцаній и отношеній. Чувствуется, что міровой періодъ средневѣковья только теперь приходитъ къ концу, и что реформація, даже французская революція, быть можетъ только загорающіеся лучи новаго свѣта. Въ Германіи вмѣстѣ съ политическими, церковными и социальными стремленіями вліяніе нашихъ великихъ поэтовъ содѣйствовало такимъ настроеніямъ и взглядамъ. Но лозунгъ въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, дала философія Гегеля своимъ требованіемъ единства природы и духа, которое въ длинный періодъ средневѣковья представлялись въ рѣзкой противоположности между собою. Натуральный образъ пониманія только въ нашу эпоху достигаетъ полного раскрытія и этотъ новый духъ приведетъ насъ къ познанію всякой истины. Гегель далъ этой мысли опредѣленное направленіе. Его пониманіе (Auffassung) міровой исторіи даетъ видѣть въ дуализмѣ духа и природы лишь величественную переходную ступень между низшимъ и высшимъ болѣе совершеннымъ періодомъ ихъ единства,—мысль которая съ одной стороны даетъ опор-

ла напротивъ приводитъ къ заключенію, что не только нельзя требовать исключенія идей изъ области философіи и ограниченія ея голымъ эмпиризмомъ, но даже къ опытнымъ наукамъ нельзя прилагать этого требованія со всею строгостію, ибо вообще нельзя такъ рѣшительно раздѣлять область научнаго познанія отъ области идей, какъ это дѣлаетъ Лянге. Мы уже разсматривали вопросъ о происхожденіи, такъ называемыхъ, всеобщихъ и необходимыхъ истинъ. Что такое эти истины какъ не идеи, для усвоенія которыхъ требуется свободная дѣятельность разума? Когда Лянге находитъ, что философія, какъ наука о познаніи, должна слѣдо-

няя точки для объединенія внутреннѣйшихъ мотивовъ церковнаго ученія, а съ другой стороны дала поводъ проявиться тѣмъ стремленіямъ, цѣль которыхъ заключается въ полномъ устраненіи всякой религіи. При распространеніи подобныхъ взглядовъ не могло не случиться, что Германія обратила свой взоръ на классическую древность и преимущественно на родственную ей по духу Грецію, въ которой съ наибольшою полнотою проявилось единство природы и духа, долженствующее снова наступить". Стр. 109—110. Въ какомъ видѣ должно осуществиться это единство природы и духа,—въ видѣ ли мифологическаго обожествленія природы, или въ видѣ одичанія, т. е. погруженія въ чисто натуральную жизнь,—Лянге не разъясняетъ, но должно полагать, что послѣднее вѣроятнѣе, ибо для кого не очевидно, что натурализмъ только пока ведетъ борьбу противъ идеаловъ воспитанныхъ христіанствомъ, и самъ еще держится на нѣкоторой высотѣ духовнаго стремленія, какъ-бы питаясь духомъ того; противъ чего враждуетъ. Полное же торжество натурализма невозможно представить въ сколько нибудь привлекательномъ видѣ. Интересно сопоставить съ приведенными замѣчаніями Лянге слѣдующее его разсужденіе: „къ важнѣйшимъ истинамъ начинающагося новаго періода человечества нужно отнести то положеніе, что слѣдуетъ не то,—что устранить вовсе умозрѣніе, (Speculation) чего хотѣлъ Контъ, но указать ему навсегда свое мѣсто, чтобы сдѣлалось яснымъ что можетъ оно сдѣлать для знанія и чего не можетъ". Шаллеръ объ этомъ высказывается такъ: „Естествовѣдѣніе можетъ похваляться точнымъ знаніемъ, если оно довольствуется тѣмъ, чтобы, путемъ изученія явленій, находить ихъ законы и формулировать количественныя отношенія, которыя содержатся непосредственно въ этихъ найденныхъ законахъ. Натурально каждый воленъ довольствоваться этимъ точнымъ знаніемъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ таковой необходимо отрекается отъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, которыми издавна занималась философія. А дальше что? Какъ различно философія отвѣчала на тѣ вопросы, которыми издавна занималась,—довольно извѣстно. Согласіе, которое напротивъ господствуетъ въ естественныхъ наукахъ, происходитъ не отъ того, что науки эти ограничиваются областью, гдѣ все само собою разумѣется, но отъ приложенія метода, безъ котораго и мастерски раскрытыя и сообразныя съ природою ученія лишь послѣ долговременныхъ успій сдѣлались общезнѣсными, и для приложимости кото-

вать методу эмпирическому; а не умозрительному, то не потому-ли онъ предпочитаетъ первый методъ, что признаетъ его наилучшимъ способомъ къ познанію истины; следовательно, въ рѣшеніи чисто-научнаго вопроса о методѣ софіи онъ руководится идеею истины. И тотъ, кто сталъ бы строго держаться эмпирическаго метода, предлагаемаго Лянге, могли-бы пользоваться этимъ методомъ, если бы отбросилъ всякія идеи, следовательно, и идею истины? Что мы избираемъ и предпочитаемъ то или другое направление философіи, эмпирическое или идеалистическое, — одно это не показываетъ-ли какъ необходимо участіе самоопредѣ-

раго нѣтъ границъ. *Сущность же всякъхъ предусмотрительныхъ правилъ этого метода лежитъ именно въ томъ, что влияние субъективности изслѣдователя ими нейтрализуется.* Между тѣмъ именно субъективная природа отдѣльнаго человѣка даетъ умозрѣнію его многообразный видъ. Конечно и тутъ слѣдуетъ признать, что въ сходной организаціи всѣхъ людей, и въ общемъ развитіи человечества лежитъ объективное основаніе отдѣльныхъ явленій, подобно тому, какъ архитектурѣ, въ музыкѣ у различныхъ и раздѣленныхъ между собою народовъ проявляются сходныя основныя черты. Кто, будучи увлеченъ этимъ таинственнымъ побужденіемъ человечества къ здѣчеству, находитъ въ томъ удовольствіе, чтобы созидать храмъ понятій, который хотя и не слишкомъ противорѣчитъ настоящему состоянію наукъ положительныхъ, но всякимъ методически добытымъ успѣхомъ низвергается или всякимъ послѣдующимъ охотникомъ строить до основанія разрушается и создается въ новомъ стилѣ, тотъ можетъ хвалиться, конечно, стройнымъ и законченнымъ художественнымъ произведеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ необходимо отказывается способствовать дальнѣйшему движенію знанія, хотя бы на одинъ шагъ въ какой бы то ни было области. Что кто захочетъ избрать, тотъ при томъ и оставайся. Обыкновенно всякому кажется то именно наивысшимъ, чѣмъ онъ занятъ". Стр. 387—388. Въ приведенномъ выше мѣстѣ Лянге именно умозрительной философіи даетъ очень важное значеніе въ созданіи или по крайней мѣрѣ уясненіи общаго духа времени. Чѣмъ эта заслуга меньше умноженія знаній, хотя бы на очень незначительную долю? И почему эта философія должна отказаться отъ своего дѣла, а вмѣстѣ того занять предназначенное ей скромное мѣсто—для чего? для того, чтобы узнать, что можетъ она сдѣлать для знанія. А до сихъ поръ она ничего не сдѣлала? А раскрытіе метода, сдѣлавшагося плодотворнымъ для науки, развѣ не дѣло философіи. И кто кромѣ философіи въ состояніи указать ей мѣсто для пользы знанія? Но все это мало относится къ дѣлу. Дѣло собственно въ оправданіи реалистической философіи. Только въ одномъ случаѣ она оправдывается общимъ духомъ времени, а въ другомъ—необходимостію ограничить роль философіи и указать ей опредѣленное мѣсто, т. е. специализировать ее. Въ этомъ двоякомъ отношеніи къ философіи—то дается ей общее значеніе, то требуется ограниченіе ея, специализація,—выразилась двойственность свойственная позитивизму.

ленія въ рѣшеніи философскихъ вопросовъ, а равно и вопросовъ научныхъ, такъ какъ безъ того никакое познаніе не можетъ быть добыто. Гдѣ участвуетъ свобода духа, тамъ неизбежны ошибки, заблужденія, неудачи. Въ наибольшей степени самоопредѣленіе испытующаго духа обнаруживается въ философіи, поэтому философія въ наибольшей мѣрѣ подвержена колебаніямъ, погрѣшностямъ, увлеченіямъ, ошибкамъ; но въ меньшей только степени тоже самое видимъ и въ каждой наукѣ; каждая наука только путемъ ошибокъ и ихъ исправленій доходитъ до истиннаго рѣшенія задачи. Но тѣ, которые, желая вырвать зло съ корнемъ, захотѣли-бы исключить изъ науки всякія идеи и всякое участіе самоопредѣленія, предоставивъ дѣйствовать однимъ лишь органическимъ законамъ нашей природы, вмѣстѣ съ тѣмъ должны-бы уничтожить и самую науку, и даже болѣе того, — убить духовную жизнь въ человѣчествѣ. Впрочемъ исключеніе идей изъ науки происходитъ не только отъ неяснаго пониманія истиннаго значенія идей, но также отъ шаткихъ неопредѣленныхъ понятій объ опытѣ, какъ научно-философскомъ методѣ познанія. Вся Кантова Критика чистаго разума, можно сказать есть изслѣдованіе опытнаго познанія. Такъ какъ во многихъ и притомъ существенныхъ пунктахъ Лянге теорію Канта объ опытѣ измѣняетъ, то для ясности слѣдовало ему представить свою теорію объ этомъ предметѣ. Но таковой теоріи въ сочиненіяхъ Лянге мы не находимъ; онъ не вездѣ даже согласно и опредѣленно высказывается объ этомъ предметѣ. Сочиненіе Тэна — французскаго философа и известнаго писателя „De l'intelligence“ можно считать пополненіемъ этого пробѣла. Поэтому вслѣдъ за симъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію этого сочиненія.

Предъидущее приводитъ къ тому заключенію, что ни по предмету, ни по методу изслѣдованія философія не допускаетъ свойственной опытнымъ наукамъ рѣшительной разграниченности и раздѣльности, а потому и стремленіе Лянге обезпечить чрезъ усвоеніе философіи эмпирическаго метода разграниченность ея слѣдуетъ признать несоотвѣтствующимъ

истинному понятію о философіи. Философіи въ такой степени свойственны единство и сосредоточенность, что изъ нея исходитъ и распространяется во всѣхъ наукахъ стремленіе къ объединенію и сосредоточенію знаній, т. е. сведенію ихъ къ немногимъ началамъ. Конечно въ этомъ значеніи философіи по отношенію къ другимъ, особенно опитнымъ наукамъ, заключается источникъ того слишкомъ преувеличеннаго и притязательнаго взгляда на философію, бывшаго въ прежнее время, что она есть наука наукъ, и должна быть основаніемъ всѣхъ наукъ. Если прежде всѣ другія науки поставляли въ зависимость отъ философіи, то теперь, наоборотъ, хотятъ философію поставить въ совершенную зависимость отъ другихъ наукъ, предназначая ей задачу знанія, добываемыя другими науками, обобщать и приводить въ единую связную систему; философія по господствующему теперь взгляду на нее должна собирать разсѣянныя въ разныхъ наукахъ лучи свѣта и сосредоточивать ихъ въ одномъ фокусѣ. Первый взглядъ на философію — идеалистическій, послѣдній — реалистическій. Относительно послѣдняго взгляда нельзя не замѣтить, что если требуется собирать лучи свѣта, разсѣянныя въ разныхъ наукахъ, то, слѣдовательно, единый источникъ этого свѣта, существованіе котораго предполагается самою этою задачею, не въ нихъ заключается и долженъ имъ предшествовать. Какимъ образомъ философія могла бы стремиться свести къ единству частныя знанія, если-бы такое стремленіе было совершенно чуждымъ для самыхъ наукъ и если-бы оно ею-же не было внесено предварительно въ самыя науки. Исходя изъ разума человѣческаго, единство преломляется и раздробляется множествомъ и разнообразіемъ предметовъ научнаго знанія и затѣмъ чрезъ посредство философіи снова возвращается къ своему источнику. Слѣдовательно, истинное отношеніе философіи къ другимъ наукамъ есть отношеніе не господства или подчиненности, а взаимодѣйствія.

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ).

О ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМЪ МЕТОДѢ

ВЪ

ПСИХОЛОГИИ.

(Продолженіе (*).

V.

Функція мозга.

24. Раздѣленіе.—25. Доказательства физиологовъ.—26. Тѣ же доказательства у психологовъ-эмпириковъ.—27. Выводы изъ нихъ.—28. Формула отношенія мозга къ психическимъ явленіямъ.—29. Способъ функционирующей дѣятельности мозга по ученію современной физиологин.—30. Обзорніе содержанія главы.

24. Выше было замѣчено, что матеріальнымъ принципомъ физиологическаго метода въ психологii служитъ обобщеніе, добытое на основаніи наблюденій, что психическія явленія находятся въ зависимости отъ физиологическихъ условій. Поэтому, приступая къ изложенію этого принципа, изложимъ сначала наблюденія, которыя служатъ основаніемъ индукціи въ настоящемъ случаѣ, затѣмъ представимъ формулу, въ которой эти наблюденія обобщаются, и наконецъ изложимъ результаты приложенія этой формулы къ объясненію психическихъ фактовъ, т. е. къ указанію физиологическихъ условій тѣхъ или другихъ психическихъ явленій. И въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ случаяхъ ограничимся выписками.

25. Вотъ что говоритъ Германнъ: „Полушарія большого мозга представляютъ органы психической дѣятельности, и доказательства этому слѣдующія: 1) Въ ряду животныхъ полушарія

*1 См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 5.

головнаго мозга развиты сравнительно съ массой тѣла и всего мозга вообще тѣмъ больше, чѣмъ умственные способности животнаго ближе къ человѣческимъ. Взвѣшиваніе и, кромѣ того, число извилинъ рѣшаютъ вопросъ о степени развитія мозга, потому что увеличеніе числа извилинъ увеличиваетъ сравнительную величину поверхности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличиваетъ и количество сѣраго вещества, которое одно имѣетъ здѣсь опредѣляющее значеніе. Тѣмъ не менѣе выводы, основанные на этихъ сравнительно-анатомическихъ фактахъ, не заслуживаютъ полнаго довѣрія, потому что значеніе различныхъ частей мозга у многихъ животныхъ не опредѣлено еще съ точностью. 2) При врожденной малости мозговыхъ полушарій (микроцефалія, кретинизмъ), при перерожденіи ихъ (головная водянка и т. д.) замѣчается соотвѣтственный упадокъ высшихъ умственныхъ отправленій (слабоуміе). 3) Пораженіе, сдавливаніе и различныя болѣзни мозговыхъ полушарій сопровождаются почти всегда потерей сознанія, сонливостью, тяжестью въ головѣ или психическимъ возбужденіемъ. 4) Отрѣзываніе большихъ полушарій (у птицъ и млекопитающихъ) вызываетъ состояніе, похожее на сонъ, при которомъ теряется способность къ произвольнымъ движеніямъ¹⁾.

Такъ какъ сочиненіе Германна написано довольно давно, то считаемъ не лишнимъ сдѣлать выписку изъ болѣе новаго „Учебника фізіологіи человѣка“ — Ландуа. Ландуа говоритъ: „Полушарія головнаго мозга суть мѣсто всѣхъ психическихъ отправленій. Только при условіи цѣлости полушарій возможенъ процессъ мышленія, ощущенія и воли. Послѣ разрушенія ихъ организмъ падаетъ до степени сложной машины, вся дѣятельность которой сводится къ отраженію дѣйствующихъ на нее внутреннихъ и внѣшнихъ раздраженій. Психическія отправленія сосредоточиваются, повидимому, въ обоихъ полушаріяхъ и притомъ такимъ образомъ, что въ случаѣ обширнаго поврежденія одного полушарія его замѣняетъ другое, а при двустороннемъ разрушеніи функционируетъ виварнымъ образомъ уцѣлѣвшая еще мозговая ткань“. „Случаи, въ которыхъ об-

¹⁾ Германнъ, Основы фізіологіи человѣка, перев. подъ редакціей проф. Сѣченова. Одесса. 1873. стр. 425—426.

ширное *одностороннее* разрушеніе одного полушарія не сопровождалось видимымъ разстройствомъ психическихъ отправленій, далеко не рѣдки. Мы приведемъ здѣсь случай, описанный Лонже. У шестнадцатилѣтняго юноши отбило камнемъ одну темянную часть, такъ что при перевязкѣ пришлось срѣзать часть выступившаго полушарія. При возобновленіи перевязки пришлось снова удалить выступившую мозговую массу. Спустя 18 дней, больной упалъ съ постели и часть мозга снова выступила, такъ что и ее пришлось срѣзать. На 35 день больной, напившись до-пьяна, сорвалъ повязку, а вмѣстѣ съ нею и часть мозговой массы. При осмотрѣ раны оказалось, что полушаріе было уничтожено почти вплоть до мозолистаго тѣла. Когда больной выздоровѣлъ, то психическая сфера его представлялась вполне нормальною (существовала лишь гемиплегія). Интеллектъ можетъ, повидимому, остаться неприкосновеннымъ, если разрушены оба полушарія на небольшомъ протяженіи. Такъ Труссо описываетъ случай, гдѣ у офицера пуля прошла насквозь черезъ переднюю часть головы: ни въ физическомъ; ни въ психическомъ отношеніи не наблюдалось почти никакихъ разстройствъ.—Въ другихъ случаяхъ при обширныхъ разрушеніяхъ наблюдали своеобразныя перемѣны въ характерѣ. — Я полагаю, говоритъ Ландуа, что слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ, говоря, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, психическія отправленія сохранились въ цѣлости, ибо въ высшей степени трудно судить, насколько онѣ были развиты прежде. Существуютъ, съ другой стороны, наблюденія, заставляющія думать, что мѣсто интеллекта должно искать главнымъ образомъ въ передней области лобныхъ извилинъ (см. § 380)¹⁾.

„Пороки образованія головного мозга: микроцефалія и водянка мозга, обуславливаютъ дефектъ или пониженіе умственныхъ способностей до полнаго идиотизма и самаго глубокаго слабоумія; обширныя воспаленія, перерожденія, давленіе, малокровіе мозговыхъ сосудовъ, наконецъ одуряющія средства совершенно уничтожаютъ умственныя способности“¹⁾.

¹⁾ Ландуа, Учебникъ физиологіи человѣка, перев. подъ редакціей проф. В. Я. Данилевскаго. Харьковъ. 1886. стр. 891—892. Книга вполне ученая, за которую слѣдуетъ благодарить и редактора, и издателя.

„Степени интеллектуальнаго развитія въ животномъ царствѣ обусловливаются отношеніемъ величины большихъ полушарій къ остальной массѣ центральной нервной системы. Если-же принять во вниманіе одинъ головной мозгъ, то окажется, что чѣмъ болѣе преобладаютъ полушарія надъ среднимъ мозгомъ, тѣмъ высшую степень интеллектуальнаго развитія представляетъ животное. У низшихъ животныхъ среднему мозгу соответствуютъ *lobi optici*, у высшихъ—четверохолмія (Юг. Мюллеръ)“. „У карпа большія полушарія уступаютъ въ величинѣ даже зрительнымъ буграмъ, а у лягушки они уже превосходятъ послѣдніе своими размѣрами. У голубя полушарія простираются уже сзади до мозжечка. Параллельно съ этимъ возрастаетъ и степень интеллектуальнаго развитія у названныхъ животныхъ. Въ мозгу собаки полушарія покрываютъ уже совершенно четверохолмія, но, мозжечекъ лежитъ еще позади ихъ. И только у человѣка большія полушарія вполне прикрываютъ собою и мозжечекъ. Мейнертъ указываетъ еще и другой путь къ опредѣленію указанныхъ отношеній. Какъ извѣстно, изъ полушарій выходятъ волокна, которыя направляются внизъ чрезъ мозговья ножки, а именно чрезъ нижній отдѣлъ, называемый основаніемъ, *pes pedunculi*. Основаніе отдѣлено посредствомъ *substantia nigra* отъ верхняго отдѣла мозговой ножки, который носитъ названіе чепца и стоитъ въ связи съ четверохолміемъ и зрительными буграми. Дознано, что чѣмъ больше размѣръ большихъ полушарій, тѣмъ значительнѣе сумма волоконъ, идущихъ чрезъ основаніе“. У человѣка, у обезьяны, у собаки и наконецъ у морской свинки „мы ясно видимъ, что размѣръ основанія уменьшается въ указанномъ порядкѣ. Но параллельно съ этимъ уменьшается также величина полушарій и вмѣстѣ съ тѣмъ понижается интеллектъ даннаго животнаго“.

„Наконецъ степень интеллектуальнаго развитія находится въ зависимости отъ обилія бороздъ въ полушаріяхъ. Въ то время, какъ у низшихъ животныхъ (рыба, лягушка, птица) совсѣмъ еще нѣтъ бороздъ, у кролика мы видимъ уже двѣ поверхностныхъ бороздки съ каждой стороны; у собаки полушарія представляются уже покрытыми множествомъ извилинъ. Особенно бросается въ глаза изобиліе извилинъ и бороздъ у

слона, самаго умнаго и благороднаго изъ животныхъ. Даже у безпозвоночныхъ, напр., у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ съ развитымъ инстинктомъ, находили извилины на полушаріяхъ головного мозга. Нельзя однако отвергать и того, что у нѣкоторыхъ глухихъ животныхъ, напр., у рогатаго скота, полушарія также изобилуютъ извилинами. У людей высоко одаренныхъ часто находили богатый извилинами мозгъ, но съ другой стороны, изобилующіе извилинами мозги встрѣчаются также у неспособныхъ“.

„Абсолютный вѣсъ головного мозга не имѣетъ значенія при опредѣленіи степени интеллектуальнаго развитія. Слонь обладаетъ абсолютно самымъ тяжелымъ вѣсомъ головного мозга, человѣкъ—относительно самымъ тяжелымъ (Аристотель) ¹⁾).

26. Такъ говорятъ фізіологи. Послушаемъ теперь психологовъ-эмпириковъ. „Мозгъ есть главный хотя и не единственный органъ духа“, говоритъ Бэнъ. „Главныя отправленія его суть отправленія умственныя. Доказательства этого положенія: 1) Физическая боль отъ напряженнаго умственнаго труда локализуется въ головѣ. При сильномъ мускульномъ утомленіи боль чувствуется въ мускулахъ; раздраженіе легкихъ локализуется въ груди, дурное пищевареніе—въ желудкѣ; наконецъ, когда умственное возбужденіе переходитъ въ острое раздраженіе, то постоянно отзывается тяжестью и болью головы. 2) Поврежденіе и боль мозга такъ или иначе отзывается на духовныхъ отправленіяхъ. Ударъ по головѣ прекращаетъ сознательность; физическія измѣненія нервной субстанціи (какъ напр. при умираніи) связаны съ потерей языка, памяти, умопомѣшательствомъ или какимъ-либо другимъ умственнымъ поврежденіемъ или разстройствомъ. 3) Продукты нервного вещества бываютъ наиболѣе обильны послѣ умственнаго труда. Эти продукты, выдѣляемые преимущественно почками, суть главнымъ образомъ фосфорно-кислыя щелочи въ тройномъ соединеніи съ фосфорно-аммоніальными и магнезіальными солями. Фосфоръ составляетъ существенную часть нервной субстанціи. 4) Наблюдаютъ общую связь между объе-

¹⁾ Ibid. стр. 894—895.

момъ черепа и умственной энергіей. Въ порядкѣ животныхъ замѣчено, что умственная способность возрастаетъ съ увеличеніемъ объема мозга, а слѣд., и черепа. 3) Специальные опыты надъ головнымъ мозгомъ и нервами доказали полную ихъ необходимость для умственныхъ отправленій¹⁾. Къ этимъ доказательствамъ Бэна присоединимъ доказательства Спенсера. „Что чувства, говоритъ онъ, могущіе быть познанными только извѣстнымъ индивидуумомъ (разумѣется: собственнымъ его сознаниемъ), и никѣмъ болѣе, суть результаты дѣйствія его собственной нервной системы, которой онъ никогда не видалъ и надъ которой онъ не можетъ произвести никакихъ опытовъ—это опять таки убѣжденіе, до котораго можно достигнуть лишь при помощи цѣпи разсужденій. Тѣмъ не менѣе доказательства, подтверждающія это убѣжденіе, не смотря на свой непрямой характеръ, столь многочисленны, столь разнообразны и столь согласны со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно по этому поводу, что мы можемъ принять вытекающее изъ нихъ заключеніе безъ малѣйшаго колебанія“. Обозрѣвая въ заключеніи главы, озаглавленной „Эсто-физиологія“, эти доказательства, Спенсеръ говоритъ: „Мы видѣли, что различныя обстоятельства, облегчающія или затрудняющія нервную дѣятельность, суть въ то же время тѣ самыя обстоятельства, которыя облегчаютъ или затрудняютъ чувство. Мы видѣли, что какъ нервное дѣйствіе занимаетъ извѣстное, различимое время, такъ и чувство занимаетъ извѣстное, различимое время. Мы видѣли, что каждое чувство оставляетъ временное уменьшеніе способности къ такому-же чувству, такъ и каждое нервное дѣйствіе тоже оставляетъ временное уменьшеніе способности къ такому-же нервному дѣйствію. Мы видѣли, что при прочихъ равныхъ условіяхъ интенсивность чувствъ измѣняется какъ интенсивность соответственныхъ нервныхъ дѣйствій. Мы видѣли, что различіе между прямыми и непрямими нервными раздраженіями соответствуетъ различію между живыми чувствами, называемыми реальными, и слабыми чувствами, называемыми идеальными (напр. между

¹⁾ Бэнь, Психологія. С.-П.-Б. 1881 г. стр. 4—5.

воспріятіями и воспоминаніями). И мы видѣли, что нѣкоторыя болѣе спеціальныя объективныя явленія, встрѣчаемыя нами въ нервной дѣятельности, представляютъ намъ соотвѣтствующія имъ субъективныя явленія, въ особенныхъ формахъ чувства, отличаемыхъ нами какъ желанія. Такимъ образомъ, заключаетъ Спенсеръ, хотя непосредственное доказательство того, что чувство и нервная дѣятельность суть внутренняя и внѣшняя сторона той-же перемѣны, оказывается невозможнымъ; тѣмъ не менѣе гипотеза, утверждающая это, гармонируетъ со всѣми наблюдаемыми фактами¹⁾.

27. Если теперь свести всѣ факты, упоминаемые названными авторами, въ одно цѣлое, то мы получимъ три слѣдующія положенія: Во-первыхъ, устройство мозга, т. е. его химическій составъ, гистологическое²⁾ строеніе и морфологическое образованіе, находятся въ постоянномъ прямомъ отношеніи къ извѣстнымъ формамъ психическаго развитія, такъ что при нарушеніи химическихъ пропорцій состава мозга, при перерожденіи мозгового вещества, или при поврежденіи и разрушеніи извѣстныхъ частей мозговыхъ полушарій происходятъ соотвѣтствующія измѣненія и въ психической жизни. Во-вторыхъ, извѣстная степень развитія мозга, въ частности мозговыхъ полушарій, оказывается прямо пропорціональной извѣстной ступени психическаго развитія, такъ что, чѣмъ болѣе развиты полушарія, тѣмъ выше психическое развитіе субъекта. Наконецъ, въ-третьихъ, извѣстное состояніе мозга, т. е. нормальное или ненормальное, возбужденное, или невозбужденное, является постоянно соотвѣтствующимъ такимъ-же состояніямъ психической жизни, такъ что чѣмъ нормальнѣе состояніе мозга въ данный моментъ, тѣмъ нормальнѣе психическая жизнь. Всѣ эти положенія представляютъ въ сущности развитіе или выраженіе столь-же древняго наблюденія, какъ и самъ человѣкъ, а именно, что безъ головы не можетъ быть никакого проявленія мысли. По крайней мѣрѣ, Лукрецій въ своей поэмѣ „о природѣ вещей“ (*De rerum natura*) высказываетъ въ сущ-

¹⁾ Основанія Психологіи. С.-П.-Б. 1876. т. I, стр. 133.

²⁾ Гистологія рассматриваетъ строеніе тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ состоятъ различныя ткани, входящія въ составъ тѣхъ или другихъ органовъ.

ности тѣ же доказательства зависимости души отъ тѣла ¹⁾. Новѣйшая фізіологія поэтому напрасно гордится своимъ успѣхомъ въ этомъ отношеніи: она представляетъ лишь новыя варіаціи на старую тему, конечно сообразно съ современнымъ состояніемъ знапій.

28. Итакъ между мозговыми процессами и душевными явленіями существуетъ постоянное отношеніе соотвѣтствія. Спрашивается теперь, какимъ образомъ ближе представить себѣ это отношеніе? Какимъ образомъ формулировать его? Уже изъ вышеприведенныхъ выписокъ видно, что психическія явленія относятся къ мозгу, какъ къ своему органу. Значитъ проясненія нужно искать въ аналогическихъ отношеніяхъ другихъ фізіологическихъ отправленій человѣческаго организма къ органамъ, связаннымъ съ этими отправленіями. Вотъ почему уже въ концѣ прошлаго столѣтія Кабанисъ уподобилъ отношеніе психическихъ явленій къ мозгу отношенію выдѣленій къ выдѣляющимъ органамъ. „Мысль есть выдѣленіе мозга“, говоритъ онъ ²⁾. Отсюда ведетъ свое начало и извѣстное сравненіе Фогта. „Я полагаю“, говоритъ Фогтъ, „что каждый естествоиспытатель, при сколько нибудь послѣдовательномъ размышленіи, придетъ къ тому убѣжденію, что всѣ способности, извѣстныя подъ названіемъ душевной дѣятельности, суть только отправленія мозгового вещества или, выражаясь нѣсколько грубѣе, что мысль находится почти въ такомъ-же отношеніи къ головному мозгу, какъ желчь къ печени или моча къ почкамъ. Принимать душу, для которой головной мозгъ служитъ инструментомъ, которымъ она работаетъ по произволу — затруднительно. Въ такомъ случаѣ мы должны были-бы принять для каждаго отправленія нашего организма особенную душу,—и при такомъ множествѣ безтѣлесныхъ душъ, управляющихъ отдѣльными отправленіями, мы никогда не могли-бы понять нашу жизнь. Отправленіе тѣла повсюду обусловливается формою и матеріею, и каждая часть

¹⁾ De rerum natura, книга III, стихи 426—590.

²⁾ Nous concluons avec la même certitude que le cerveau digère en quelque sort les impressions, qu'il fait organiquement la secretion de la pensée. Rapport du phisique et du moral de l'homme, Paris 1844, p. 138. Цитата у Маудсли, стр. 42, и у Ляме, II стр. 133. См. Русскій переводъ Кабаниса—Библикова.

тѣла, имѣющая особенное устройство, необходимо должна имѣть и особенное отправленіе“¹⁾. Эти слова Фогта, какъ извѣстно, вызвали самые разнообразныя комментаріи. Самъ Фогтъ, по видимому, призналъ комментарій Молешотта; ибо онъ во второмъ изданіи своихъ „Физиологическихъ писемъ“ ссылается на него подъ строкою. По словамъ Молешотта: „сравненіе это неоспоримо, если понять въ какомъ смыслѣ Фогтъ употребилъ его. Мозгъ такъ-же необходимъ для образованія мысли“, говоритъ Молешоттъ, „какъ печень для приготовленія желчи и почки для отдѣленія мочи. Но мысль такъ-же мало похожа на жидкость, какъ теплота или звукъ. Мысль—движеніе, превращеніе мозгового вещества; мышленіе такое-же необходимое свойство (sic!) мозга, какъ и вообще всякая сила, составляющая внутреннее необходимое свойство матеріи“²⁾. Неповрежденный мозгъ точно такъ-же не можетъ не мыслить, какъ и мысль не можетъ быть образована другимъ веществомъ, кромѣ мозгового“³⁾. Очевидно, что этотъ комментарій въ сущности только затемняетъ дѣло, ибо мысль представляется то свойствомъ мозга, то продуктомъ, отличнымъ отъ него⁴⁾. Ясно одно, что мозгъ необходимъ для мысли. Такое-же общее заключеніе можно

¹⁾ Физиологическія письма, перев. Бабкина и Ламанскаго. СПб. 1864. Выпускъ второй, стр. 335—337. Противъ необходимости предполагать въ данномъ случаѣ множество душъ для органовъ см. возраженіе, приведенное Льюисомъ въ книгѣ „Огюстъ Контъ и положит. философія“, стр. 235.

²⁾ Отсюда, конечно, слѣдуетъ, что моча есть *свойство* почекъ.

³⁾ Kreislauf des Lebens, Mainz, 1862, 440. *Фогтъ*. Физиолог. пис. II, стр. 335. Отсюда, конечно, слѣдуетъ, что свойства или силы матеріи образуются ею и суть ея продуктъ, т. е., что свойство есть слѣдствіе.

⁴⁾ О тупости мышленія Молешотта см. у *Ланге*. Истор. матеріал. II, стр. 105 и слѣд. Любопытно, что даже *Бюхнеръ*, и при томъ въ похвальной рецензій, долженъ былъ сдѣлать слѣдующую замѣтку о Молешоттѣ: „онъ не преслѣдуетъ разъ начатую мысль, чтобы довершить или исчерпать ее, но перескакиваетъ отъ одной мысли къ другой, отъ одного замѣчанія или факта къ другому, который можетъ быть, принадлежитъ совсѣмъ къ другой категоріи. Мы думаемъ, что получаемъ разъясненія по какому-либо предмету, а между тѣмъ оказывается, что находимся на совершенно новой почвѣ. Отрывочныя фразы, отдѣльныя замѣчанія бывають, правда, иногда отличнымъ средствомъ къ тому, чтобы навести на мысли читателя, но не слѣдуетъ дѣлать трактаты, иногда о важнѣйшихъ предметахъ, составлять изъ нихъ“. Природа и наука. Этюды и критическіе очерки *Л. Бюхнера*, Кіевъ, 1881, стр. 18—19.

вывести изъ болѣе новаго разъясненія сравненій Фогта, принадлежащаго Бони. По его словамъ: „Мозгъ не выдѣляетъ мысли, какъ говоритъ знаменитая фраза, такъ какъ нельзя уподобить выдѣленію явленія сознанія; но онъ необходимъ для образованія мысли, какъ печень необходима для выдѣленія желчи. Всякій психическій актъ, какъ замѣчаетъ Герценъ (сынъ), требуетъ для своего возникновенія извѣстнаго промежутка времени; слѣдовательно, онъ происходитъ въ средѣ, представляющей извѣстное сопротивленіе и протяженіе и, слѣдовательно, онъ есть движеніе“¹⁾. Очевидно, Бони и Герценъ повторяютъ только Молешотта, и дѣла опять несколько не разъясняютъ. Несомнѣннымъ остается одно: мысль относится въ мозгу какъ желчь къ печени, т. е. какъ отправленіе къ своему органу. Иными словами: мысль и вообще психическія явленія суть функція мозга. Это отношеніе можетъ имѣть два толкованія: физиологическое и математическое. Если мы станемъ на физиологическую точку зрѣнія, то отношеніе психическихъ явленій, какъ функцій, къ мозгу, какъ своему органу, можетъ быть истолковано только какъ отношеніе ближайшей производящей причины къ своему слѣдствію: мысль и всѣ психическія явленія суть *физиологическое слѣдствіе дѣятельности мозга*, подобно тому какъ движеніе есть непосредственное слѣдствіе дѣятельности мускуловъ. Никакого другого толкованія въ физиологическомъ смыслѣ сдѣлать невозможно. Итакъ, слѣдуетъ запомнить: мозгъ есть причина, а психическія явленія физиологическое его слѣдствіе. Но есть и другое толкованіе отношенія мысли къ мозгу, какъ функціи. Можно понимать функцію не въ физиологическомъ, а въ математическомъ смыслѣ, какъ это и дѣлаетъ Фехнеръ, основатель психофизики. „Психическое“, говоритъ онъ, „мы называемъ функціей физическаго, отъ него *независимой*, и обратно,—если между ними существуетъ такое постоянное или за-

¹⁾ Бони, Новая основы физиол. челоѣка, II, стр. 842. Изъ того, что мысль осуществляется во времени, не слѣдуетъ, что она преодоѣваетъ сопротивленіе. И тамъ, гдѣ нѣтъ никакого сопротивленія, одно явленіе за другимъ можетъ слѣдовать не иначе, какъ только во времени. Движеніе математической точки въ абсолютно пустомъ пространствѣ все-таки будетъ совершаться во времени.

кономѣрное отношеніе, что по бытію (Dasein) и измѣненіямъ одного можно заключать о бытіи и измѣненіяхъ другого. Фактъ функціональнаго отношенія между тѣломъ и душою вообще не подлежитъ спору; не разрѣшенъ только споръ объ основаніяхъ, значеніи и объемѣ этого факта. Если-же между тѣломъ и душою существуетъ функціональное отношеніе, то ничто не мѣшаетъ изслѣдовать и изучать его въ томъ или другомъ отношеніи. И это легко можно объяснить себѣ *математическимъ* функціональнымъ отношеніемъ, существующимъ между измѣняющимися величинами уравненія: x и y , гдѣ каждая изъ этихъ величинъ можетъ считаться *функцией другой* и обуславливаетъ собою переменны въ другой. Если-же психофизика предпочитаетъ изучать зависимость души отъ тѣла, а не тѣла отъ души, то это потому, что одно только физическое доступно непосредственному измѣренію, между тѣмъ какъ мѣра психическаго можетъ быть пріобрѣтена только въ зависимости отъ физическаго¹⁾. Слова Фехнера совершенно ясны, но съ физиологической точки зрѣнія едва-ли удобоприемлемо такое понятіе о функціи. Такое понятіе о функціи предполагаетъ двѣ независимыя одна отъ другой величины, но находящіяся во взаимодействіи: мозгъ и психическія явленія. Но психическія явленія могутъ быть независимою величиною лишь въ томъ случаѣ, если есть особое психическое начало—душа. Между тѣмъ съ физиологической точки зрѣнія самостоятельность психическаго начала по отношенію къ мозгу, какъ мы видѣли, по мнѣнію многихъ физиологовъ допущена быть не можетъ, ибо психическія явленія суть физиологическій результатъ органа, называемаго мозгомъ. Этотъ результатъ не есть что то самостоятельное въ отношеніи къ мозгу и вліять на него не можетъ, какъ не можетъ вліять слѣдствіе на свое условіе; такъ какъ тогда условіе явилось-бы слѣдствіемъ своего слѣдствія, что нелѣпо. Такимъ образомъ, хотя Фехнеровское разъясненіе и справедливо, но оно не можетъ быть принято, если

¹⁾ Elemente der Psychophysik, I, 8—9. Цитата находится въ сочиненіи Мори: Сонъ и Сновидѣнія, перев. Пальховскаго, Москва, 1867. стр. 89—90, и сдѣлана переводчикомъ въ прибавленіи.

смотрѣть на мысль и на психическія явленія съ точки зрѣнія чисто фізіологической, какъ на фізіологическія слѣдствія или отправления мозга. Ради послѣдовательности, фізіологическій методъ изученія психическихъ явленій долженъ, слѣдовательно, смотрѣть на эту функцію только чисто фізіологически, т. е. мозгъ считать независимой переменной, а психическія явленія зависимой и никакъ не обратно. Иными словами, если мозгъ есть независимая переменная величина, а психическія явленія зависимая, то по самой своей зависимости эта послѣдняя переменная величина не можетъ быть независимой.

29. Если мы теперь отъ общаго понятія о функціи обратимся къ ближайшему уясненію функціональной дѣятельности мозга, то мы не встрѣтимъ здѣсь полнаго единогласія и достаточной точности. Существуетъ два главныхъ направленія, которыя рѣзко расходятся въ представленіи общаго способа, какимъ функціонируетъ мозгъ. „Въ какой степени отдѣлы полушарій функціонируютъ“, говоритъ Ландуа, — „составляетъ въ настоящее время *полнѣйшую загадку*. Флурансъ принималъ, что въ *каждомъ* отпрвленіи полушарія участвуютъ на всемъ своемъ протяженіи. Поэтому (онъ производилъ опыты надъ голубями) для поддержанія всѣхъ функцій достаточно сохраненія въ цѣлости *незначительной* части полушарія. По мѣрѣ срѣзыванія полушарій всѣ отправления головного мозга постепенно ослабѣваютъ и, наконецъ, совершенно преобразуются, когда удалено все вещество полушарій. На этомъ основаніи слѣдуетъ отвергнуть существованіе особыхъ лаколизаций, какъ для различныхъ способностей, такъ и для различныхъ ощущеній. Гольцъ (Goltz) сходится съ Флурансомъ въ томъ отношеніи, что неповрежденный остатокъ *однороднаго* мозгового вещества можетъ выполнять до извѣстной степени функцію утеряннаго куска. Эту способность одной части мозга функціонировать *вѣварнымъ* образомъ вмѣсто утраченной Вюльманъ называетъ *loi de suppléance* (законъ функціональнаго замѣщенія). Противоположность¹⁾ ученію Флуранса представ-

¹⁾ Въ виду этой противоположности недурно вспомнить заявленія о согла-

ляетъ френологическое ученіе Галля († 1828), въ силу котораго различныя умственныя способности локализируются въ строго опредѣленныхъ мѣстахъ головного мозга. Въ каждомъ данномъ случаѣ болѣе развитой способности соотвѣтствуетъ большая степень развитія мозговой коры, которая можетъ быть узнана даже снаружи, по конфигураціи черепа (краніоскопія). Этимъ путемъ для различныхъ умственныхъ способностей были отведены на поверхности мозговой коры ограниченныя участки. *Шпурцгеймъ*, который развилъ дальше систему своего друга, установилъ слѣдующія категоріи: первый классъ обнимаетъ ощущенія, въ составъ которыхъ входятъ инстинкты и чувства; второй классъ составляютъ способности разума, куда онъ относитъ способность познаванія и способность мышленія. Хотя въ деталяхъ система эта содержитъ много произвольнаго, имѣетъ очевидныя недостатки и представляетъ рядъ несомнѣнныхъ ошибокъ, тѣмъ не менѣе она заслуживаетъ самого серьезнаго вниманія, прежде чѣмъ основная мысль ея будетъ совершенно отвергнута. Съ открытіемъ локализациі въ мозгу волевыхъ движеній и сознаваемыхъ ощущеній явилась необходимость подвергнуть френологическую систему новой провѣркѣ¹⁾. Результатъ этихъ новыхъ открытій²⁾, о которыхъ говоритъ Ландуа, мы можемъ выразить словами профессора Ковалевскаго: „локализациа различныхъ отправленій въ мозговой коркѣ является внѣ всякихъ сомнѣній. Затылочная область представляетъ собою зрительное поле, височная, преимущественно первая и вторая извилины—слуховое поле, темянная—поле осязательныхъ ощущеній (Бехтеревъ), *subiculum cornu Ammonis* (подставка Аммоніева рога)—обонятельное и вкусовое (Мункъ), центральная доля—поле мускульной иннерваціи, третья лобная извилина и Рейліевъ островокъ.— центръ рѣчи. Остается це-

сія естествовѣдовъ всѣхъ странъ, о которомъ такъ эмфатически заявилъ проф. Сѣченовъ въ одной изъ вышеприведенныхъ цитатъ.

¹⁾ Ландуа, Учебникъ физиологіи челоука, стр. 892.

²⁾ Принадлежащихъ: Мейнерту, Мержеевскому, Бецу, Бехтереву, Тарханову Зальтману, Вестфалю, Фритчу, Гитцигу, Феррьеру, Нотнагелю, Пастернацкому, Гейденгайну, Бубнову, Мунку, Лучіани, Шифу, Фюрстнеру, Шенгеру, Верникке, Шарко, Баумгартену, Экснеру, Штарру, Флексигу и др.

редняя часть лобной доли. Гитцигъ, Вундтъ и нѣкоторые другіе полагаютъ, что она служитъ центромъ преимущественно для заключеній, такъ какъ животное, лишенное этой части корки, обнаруживаетъ крайнія разстройства мышленія“¹⁾. „Мейнертъ и многіе другіе придерживаются того положенія, что мозговая корка служитъ центромъ представленій и сознательныхъ проявленій“²⁾, субкортикальные же узлы служатъ центромъ ощущеній и рефлкторныхъ или примитивныхъ движеній“³⁾. „Какъ окончательный результатъ фізіологическаго изслѣдованія“, по словамъ Вундта, „можно выставить слѣдующіе четыре принципа: 1) *принципъ соединенія элементарныхъ частей*: всякій нервный элементъ соединенъ съ другими нервными элементами и только въ этомъ соединеніи спо-

¹⁾ И. И. Ковалевскій, Основы механизма душевной дѣятельности. Харьковъ 1887, стр. 24.

²⁾ „Чѣмъ больше въ данномъ мозгу заключается клѣтокъ, чѣмъ больше въ нихъ занято квартиръ различными ощущеніями и представленіями“, говоритъ профессоръ Ковалевскій, „тѣмъ больше у насъ будетъ матеріала для сужденій и мышленія, тѣмъ богаче будутъ наши познанія и свѣдѣнія, тѣмъ больше шансовъ быть умнымъ и образованнымъ человѣкомъ“. Ibid. стр. 49. „По Мейнерту клѣтокъ въ мозговой коркѣ отъ 600 до 1,200 милліоновъ“, стр. 50. Спрашивается, достанетъ-ли въ этихъ клѣткахъ квартиръ для представленій? Профессоръ Ковалевскій высчитываетъ, что въ теченіи жизни должно у человѣка образоваться не менѣе 1,387,583,000 представленій. Но затѣмъ онъ уменьшаетъ это число до 46,252,800 штукъ. Ibid. стр. 51. Съ этимъ едва-ли можно согласиться. Измѣрять число представленій возможно было-бы, если-бы твердо была установлена единица для этого измѣренія. Однако такой единицы нѣтъ. Представленіе шахматной доски — одно это представленіе, или 64? Поле микроскопа, наполненное микробами, одно представленіе, или тутъ ихъ милліонъ. Радиусы въ кругѣ сколько составляютъ представленій? Существуетъ-ли такое представленіе, которое какъ часть не входило-бы въ другое и само не имѣло-бы частей? А если такъ, то часть-ли есть единица представленія, или цѣлое представленіе? При этомъ нужно отличать еще представленіе отъ предмета представляемаго, и не смѣшивать представляемыхъ предметовъ съ самымъ представленіемъ, а съ другой стороны, нужно отличать „время“ представленія отъ единицы представленія, ибо мы употребляемъ одно и тоже время и на образованіе представленія шахматной доски, и на образованіе представленія одного изъ ея полей.

³⁾ Ibid. стр. 48. См. подробности тутъ-же и у Вундта, Основанія фізіологической психологій, главу V, у Ландуа, Учебникъ, стр. 891—926. Историко-критическій обзоръ у Ланге въ Исторіи матеріализма, II, стр. 288—329. Вообще объ устройствѣ мозга см. книгу проф. Зернова: Руководство анатоміи нервной системы человѣка, изд. 2. Москва, 1885.

собенъ къ фізіологическимъ отправленіямъ; 2) *принципъ индифферентности функций*: ни одинъ элементъ не имѣетъ специфическихъ отправленій, но характеръ его функціи обуславливается родомъ соединенія и отношенія элементовъ; 3) *принципъ замѣстительной функций*: элементы, функція которыхъ ослаблена или прекращена, могутъ быть замѣнены другими, если только послѣдніе находятся въ надлежащемъ соединеніи между собою; 4) *принципъ локализованной функций*: всякая опредѣленная функція имѣетъ опредѣленное мѣсто въ центральномъ органѣ, т. е. элементы въ этомъ мѣстѣ находятся въ надлежащихъ для произведенія функціи взаимныхъ отношеніяхъ. Третье изъ этихъ положеній непосредственно совпадаетъ съ первымъ, такъ какъ, очевидно, замѣщеніе возможно лишь при условіи индифферентности функціи. Четвертое положеніе до извѣстной степени ограничивается третьимъ, такъ какъ замѣстительная функція не остается связанною съ однимъ и тѣмъ-же мѣстомъ" ¹⁾. Эти положенія Вундта очевидно стараются примирить два вышеупомянутые взгляда послѣдователей Флуранса, съ одной стороны, и Галля съ другой ²⁾. Таково въ настоящее время положеніе вопроса.

30. Если мы теперь сведемъ въ одно цѣлое выше сказанное, то получимъ слѣдующіе результаты: 1) психическія явленія находятся въ нѣкоторомъ постоянномъ отношеніи къ мозгу, ближе всего къ мозговымъ полушаріямъ; 2) это отно-

¹⁾ Вундтъ, Основанія фізіолог. психол. стр. 271—272.

²⁾ Проф. Ковалевскій говоритъ: „До 70 годовъ натуралисты полагали, что мозговая корка служитъ центромъ мыслительной дѣятельности вообще и никакъ не для какихъ либо специальныхъ цѣлей. Особенно укрѣпленію этого мнѣнія способствовало ученіе Флуранса. Это ученіе въ послѣднее время съ положительностью опровергнуто и замѣнено новымъ (однако Галль жилъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія) о локализациі различныхъ отправленій въ различныхъ отдѣлахъ мозговой корки“. Основа мех. душ. дѣят. стр. 15. Однако изъ дальнѣйшаго оказывается, что замѣны одного ученія другимъ еще не произошло, ибо самъ проф. на стр. 21 говоритъ: „на ряду съ вопросомъ о дѣйствительности этихъ локализаций, оспариваемыхъ столь авторитетными учеными, какъ Гольцъ, Броунъ-Секаръ и др.“ Значитъ и до сихъ поръ существуютъ два взгляда. Поэтому безопаснѣе принять взглядъ Вундта, чѣмъ склоняться на сторону одной изъ противоположностей. См. критическія замѣчанія на теорію локализациі у Фостера, Учебникъ фізіологіи, перев. проф. Тарханова, СПб. 1882, II, стр. 318—328.

шеніе есть отношеніе функціи или продукта дѣятельности органа къ органу, или зависимой переменнѣй къ переменнѣй независимой; 3) функція эта зависитъ отъ взаимнаго отношенія и связи мозговыхъ элементовъ и потому она, съ одной стороны, связана съ извѣстными опредѣленными мозговыми центрами, а съ другой можетъ исполняться и другими центрами, насколько они могутъ находиться въ тѣхъ-же отношеніяхъ къ другимъ центрамъ, какъ первые; слѣдовательно психическія явленія и локализованы и не локализованы въ извѣстныхъ отдѣлахъ мозга.

М. Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

МОРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ СТОИКОВЪ

ВЪ

ОТНОШЕНІИ КЪ ХРИСТІАНСТВУ.

(Окончаніе *).

Мысль о всеобщемъ равенствѣ людей и признаніе общечеловѣческихъ правъ за рабами и представителями разныхъ національностей—суть характеристическія черты стоическаго универсализма. Если всѣ люди, говорили стоики, какъ разумныя существа, равны между собою, то всѣ они образуютъ одно общество. Разумъ есть общій законъ для всѣхъ людей, которые такимъ образомъ суть члены одного государства. Это государство—цѣлый міръ. Каждый человѣкъ есть гражданинъ міра, космополитъ. Этотъ стоическій космополитизмъ нѣкоторые изслѣдователи думаютъ видѣть и въ христіанствѣ. „Стоикъ, говоритъ Винклеръ, игнорируетъ фактически существующіе государственные союзы и признаетъ только одно государство: міръ, царство Божіе—*Διὸς πόλις*... Правда пока только немногіе зрѣлы для этого идеала, но нѣкогда явится день, въ который „придетъ“ царствіе Божіе. Вотъ какъ пророчествуетъ Зенонъ: „Мы не будемъ тамъ жить по городамъ и народамъ, раздѣленные между собою каждый особыми законами, но всѣхъ людей будемъ считать своими земляками и согражданами; и будетъ только одна жизнь и одинъ міръ, подобно то-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 6.

му какъ связанное стадо кормится на общемъ пастбищѣ" ¹⁾. Не много нужно проницательности, замѣчаетъ далѣе Винклеръ, чтобы эту мысль стоицизма снова узнать въ ея позднѣйшей христіанской одеждѣ. Даже терминологія неизмѣнена! Кто не желаетъ видѣть этой связи, тотъ долженъ, подобно Неандеру, искать увертки: „мы видимъ здѣсь замѣчательное предвосхищеніе (*vorgausnehmen*) идеи о царствѣ Божіемъ и сходство съ словами Христа: „и будетъ одно стадо и одинъ пастырь“ ²⁾.

Однакожь противъ Винклера нужно сказать то, что универсализмъ, проповѣдуемый христіанствомъ, и космополитизмъ стоическій—вещи совершенно различныя. По христіанскому ученію, всѣ люди должны составлять одно царство Божіе, царство благодати, правды и мира. Всѣ люди произошли отъ одного прародителя, всѣ согрѣшили и всѣ искуплены кровію Христа и сдѣлались чадами Божіими и такимъ образомъ всѣ получили возможность „вступить въ это царство Божіе, всѣ предназначены въ прославленію царства Божія. Надъ всѣми людьми господствуетъ одинъ высочайшій царь—Господь. Слова Иисуса Христа: „и будетъ одно стадо и одинъ пастырь“ выражаютъ это высшее единство человѣческаго общества, единство, которое не уничтожаетъ особенностей и различій національности, имѣющихъ свое основаніе въ природѣ и въ теченіи исторіи, чего желалъ Зенонъ, но подчиняетъ ихъ себѣ. „Царство Божіе, справедливо говоритъ Неандеръ, является не въ противоположности къ отдѣльнымъ организмамъ народовъ и государствъ, но позволяетъ имъ развиваться по ихъ собственному существу и закону и присоединяетъ ихъ къ себѣ только какъ различныя подчиненныя формы для реализованія высшаго блага въ человѣчествѣ. Если ап. Павелъ говоритъ: „нѣтъ

¹⁾ Слова эти находятся у Plut. Alex. M. virt. 1, 6: καὶ μὴν ἡ κοινὴ θαυμαζομένη πολιτεία τοῦ τὴν Στωϊκῶν ἀρεσιν καταβαλλομένου Ζήνωνος εἰς ἓν τοῦ τὸ συντείνει καιράλαιον, ἵνα μὴ κατὰ πόλεις μηδὲ κατὰ δήμους οἰκῶμεν ἰδίους ἕκαστοι διωρισμένοι δικαίους ἀλλὰ πάντας ἀνθρώπους ἡγώμεθα δημότας καὶ πολίτας εἰς δὲ βίος ἢ καὶ κόσμος ὡσπερ ἀγέλης συννομου νόμῳ καινῶν τρεφομένης.

²⁾ Winkler. Der Stoicismus eine Wurzel des Christenthums. стр. 38—40.

уже іудея, ни язычника“ (Гал. 4, 28), то онъ этимъ единствомъ не уничтожаетъ различія народовъ и ихъ особенностей, а только то, что образуеть въ нихъ исключаютія противоположности ¹⁾).

И такъ, мы должны признать, что и въ рѣшеніи вопроса объ обязанностяхъ человѣка по отношенію къ другимъ людямъ между стоицизмомъ и христіанствомъ существуетъ не менѣе глубокое различіе, чѣмъ въ рѣшеніи и другихъ вопросовъ нравственности.

Что касается, наконецъ, вопроса объ обязанностяхъ отдѣльнаго человѣка по отношенію къ самому себѣ, то о стоицизмѣ, по сравненію его съ христіанствомъ, можно сказать слѣдующее. Такъ какъ главное основаніе и необходимое условіе нравственнаго усовершенствованія, по стоическому ученію, заключается въ мудрости, то каждый человѣкъ долженъ считать первую и главною своею обязанностью—стремленіе къ приобрѣтенію мудрости. Эта мудрость покажетъ ему, въ чемъ онъ долженъ полагать свое счастье и какъ онъ можетъ достигнуть его. Она сообщитъ ему, что онъ можетъ найти счастье не въ приобрѣтеніи внѣшнихъ благъ, но во внутреннемъ спокойномъ настроеніи, которое происходитъ отъ независимости отъ всего внѣшняго и отъ подавленія человѣкомъ въ себѣ неразумныхъ чувствъ и желаній. Христіанство первую нравственную обязанность человѣка по отношенію его къ самому себѣ поставляетъ также нравственное самоусовершенствованіе. Но цѣль и средства для этого самоусовершенствованія человѣка въ христіанствѣ совершенно иныя, чѣмъ въ стоицизмѣ. Цѣль и средства нравственнаго усовершенствованія человѣка открыты ему въ Божественномъ Откровеніи. Христіанинъ долженъ усвоить не только умомъ, но и сердцемъ и волею требованія нравственнаго закона; онъ долженъ строго слѣдить за самимъ собою, за движеніями своихъ мыслей и чувствъ, и стараться привести ихъ въ соотвѣтствіе съ требованіями воли Божіей, выраженной въ нравственномъ законѣ. Задачею всей жизни христіанина должна служить—борьба со грѣхомъ, борьба вы-

¹⁾ А. Neander. Vorles. über Geschichte d. christl. Ethik. стр. 36.

текающая изъ стремленія къ нравственному совершенству, необходимому для достиженія вѣчнаго спасенія. Земное счастье—главная цѣль жизни человѣка, по стоическому ученію—не составляетъ главной цѣли жизни для христіанина. Отъ христіанина, напротивъ, требуется полное самоотверженіе, слѣдовательно и отреченіе отъ земнаго благополучія, чтобы тѣмъ легче онъ могъ пріобрѣсти блаженство въ вѣчной жизни. „Если кто хочетъ идти за Мною“, говоритъ Іисусъ Христосъ, „отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною“¹⁾. „И кто не беретъ креста своего, и не слѣдуетъ за Мною; тотъ не достоинъ Меня“²⁾. Вслѣдствіе постоянной борьбы со своею грѣховною природою стремленіе христіанина къ нравственному совершенству и пріобрѣтенію спасенія въ будущей жизни не можетъ сопровождаться отсутствіемъ всякаго волненія, или спокойствіемъ духа въ стоическомъ смыслѣ. Іисусъ Христосъ говоритъ: „Не думайте, что я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ, и принести, но мечъ“³⁾. Христіанину для выполненія своего назначенія приходится быть не спокойнымъ, равнодушнымъ зрителемъ жизненной арены, но дѣятельнымъ участникомъ, воиномъ въ борьбѣ со зломъ въ самомъ себѣ, въ другихъ людяхъ и во вѣшнемъ мірѣ. Какъ въ военное время участники войны не могутъ оставаться спокойными зрителями всего происходящаго съ ними и вокругъ нихъ, такъ и христіанинъ въ жизни сей находится въ напряженномъ, возбужденномъ состояніи, истекающемъ отъ постоянной борьбы со грѣхомъ, съ соблазнами міра сего; его часто беспокоятъ разныя опасенія и неприятности, причиняемыя врагами его спасенія. Спокойствія духа христіанинъ не старается пріобрѣсти такимъ путемъ, какимъ старается пріобрѣсти его стоикъ. Онъ не старается достигнуть апатіи, къ чему всѣми силами стремится стоическій мудрецъ. Христіанинъ не старается высвободиться отъ власти чисто человѣческихъ чувствъ, но старается только подчинять ихъ высшему принципу, которому

¹⁾ Мате. 16, 24.

²⁾ Мате. 10, 38.

³⁾ Мате. 10, 34.

служить вся его жизнь. Христіанство не требуетъ подавленія, подобно стоицизму, многихъ естественныхъ чувствъ, оно только научаетъ просвѣтленію ихъ и подчиненію чувству любви къ Богу. Въ страданіяхъ, въ разнаго рода несчастіяхъ христіанинъ не старается увѣрить себя и другихъ, что онъ выше всѣхъ этихъ страданій и несчастій, что онъ презираетъ ихъ и упрямымъ равнодушіемъ побѣждаетъ ихъ, какъ это дѣлаетъ стоикъ, но онъ со смиреніемъ подчиняется чувству человѣческой немощи, убѣждается въ этомъ чувствѣ въ своей зависимости отъ Бога и не желаетъ освободить себя отъ этой зависимости. Но за то силою благодати Божіей онъ препобѣждаетъ человѣческую слабость. Онъ въ одно и то же время и слабъ и силенъ. Но его сила—не сила его собственной воли, подавляющей чувство слабости, но сила Божія, съ помощью которой онъ борется со зломъ. На страданія онъ смотритъ, какъ на педагогическое средство, которое Богъ примѣняетъ къ нему для его нравственнаго излѣченія, и поэтому онъ долженъ принимать ихъ съ благодарностью, и хотя онъ долженъ стараться о прекращеніи ихъ, но не презрѣніемъ и равнодушіемъ къ нимъ, а нравственнымъ исправленіемъ и обращеніемъ къ Богу съ молитвою о помилованіи. Тѣмъ болѣе христіанинъ не позволить себѣ избѣгать невзгодъ жизни и неприятностей въ борьбѣ со зломъ вообще путемъ самоубійства, какъ это дѣлаетъ стоическій мудрецъ. Стоицизму недоставало истиннаго понятія о Божественномъ руководствѣ міромъ къ опредѣленной цѣли, въ немъ нѣтъ никакого абсолютнаго конечнаго пункта развитія нравственнаго, нѣтъ телеологическаго момента и истиннаго представленія о значеніи личной жизни. Поэтому-то онъ и допустилъ такую непослѣдовательность въ своей системѣ, признавши возможность существованія такихъ случаевъ, когда является противорѣчіе между судьбою и нравственнымъ достоинствомъ отдѣльнаго человѣка; и человѣкъ не можетъ жить далѣе сообразно съ этимъ достоинствомъ. Христіанство совершенно иначе смотритъ на отношеніе нравственнаго достоинства человѣка къ обстоятельствамъ его жизни. Каковы-бы ни были обстоятельства, при которыхъ приходится человѣку жить, онъ всегда знаетъ, что составляетъ нравствен-

ную задачу его жизни и что онъ долженъ дѣлать для выполненія этой задачи; онъ знаетъ, какъ онъ долженъ сохранять свое истинное нравственное достоинство въ прославленіи Бога, даже при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Поэтому-то самоубійство въ христіанствѣ ни подъ какимъ условіемъ не дозволяемо и составляетъ величайшій грѣхъ. Оно есть грубое оскорбленіе величія Божія; наглое возстаніе противъ Его воли и владычества, присвоеніе чело-вѣкомъ себѣ права, принадлежащаго только одному Богу, — Виновнику и Владыкѣ всякой жизни.

Мы должны еще сказать нѣсколько словъ объ аскетизмѣ стоическомъ въ его отношеніи къ христіанскому аскетизму. По ученію стоиковъ, философія есть упражненіе (*ἀσκησις*) въ искусствѣ добродѣтели; она есть наука о добродѣтели; но добродѣтели можно научиться только упражняясь въ ней ¹⁾. Человѣкъ долженъ стремиться къ осуществленію въ своей жизни добродѣтели; при чемъ ему необходимо бываетъ бороться съ тѣмъ, что мѣшаетъ осуществленію добродѣтели; онъ долженъ подавлять многія свои желанія и страсти, отказываться отъ удовольствій и удовлетворять только самымъ необходимымъ естественнымъ потребностямъ своей природы (*τὰ πρῶτα τῆς φύσεως*); ибо только строгій аскетизмъ можетъ привести стоика къ спокойствію духа, къ счастью. И дѣйствительно, многіе стоики старались осуществить въ своей жизни аскетическія требованія своей морали. Даже Сенека, котораго такъ часто преувеличенно порицаютъ за несоотвѣтствіе его собственной жизни съ его-же ученіемъ, не составлялъ исключенія въ этомъ отношеніи ²⁾. „Начиная отъ Зенона, воздержность котораго вошла у грековъ въ поговорку, и который скудно питался чечевичною похлебкою, даже до М. Аврелія, который спалъ на голой землѣ, или на твердыхъ нарахъ и ходилъ съ

¹⁾ Sen. ep. 89: nec philosophia sine virtute est, nec sine philosophia virtus est. Philosophia studium virtutis est, sed per ipsam virtutem: nec virtus autem esse sine studio sui potest nec virtutis studium sine ipsa.

²⁾ Sen. ep. 110: hoc itaque ipsi mihi dico... disce parvo esse contentus: et illam vocem magnus atque animosus exclamo: *Habeamus aquam, habeamus potentiam, Jovi ipsi de filicitate controversiam faciamus.* Также ep. 18, 21, 45.

постриженною головою, чѣмъ очень огорчалъ своихъ придворныхъ, мало симпатизировавшихъ стоической модѣ,—ни одинъ стоикъ не отрицалъ примѣненій къ практической жизни своихъ правилъ¹⁾. Отраженіе этого стоическаго аскетизма Винклеръ видитъ въ христіанскомъ аскетизмѣ. Дѣйствительно христіанство требуетъ отъ своихъ послѣдователей строгого воздержнаго образа жизни, упражненія въ добродѣтели, борьбы съ потребностями грѣховной плоти. Но мотивы такихъ аскетическихъ подвиговъ въ христіанствѣ совершенно иные, чѣмъ въ стоицизмѣ. Стоицизмъ рекомендуетъ аскетическій образъ жизни потому, что находитъ его болѣе соотвѣтствующимъ достиженію той главной цѣли, какую онъ поставляетъ для жизни человѣка,—счастія. Онъ требуетъ подавленія нѣкоторыхъ желаній и страстей, отреченія отъ благъ міра сего только потому, что этимъ способомъ человѣкъ легче можетъ удовлетворить немногимъ необходимымъ потребностямъ своей природы и такимъ образомъ достигнуть спокойствія духа,—главнаго условія счастливой жизни. Христіанскій аскетизмъ вытекаетъ изъ иного источника; онъ имѣетъ свое основаніе въ любви человѣка къ Богу и къ ближнимъ и въ стремленіи достигнуть нравственнаго совершенства, необходимаго для полученія вѣчнаго спасенія. Любовь христіанина къ Богу и желаніе приблизиться къ Нему, ставъ въ общеніе съ Нимъ побуждаетъ его стремиться къ нравственному совершенству, къ строгому выполненію воли Божіей. Для достиженія этой цѣли ему приходится бороться съ препятствіями къ нравственному усовершенствованію, бороться со грѣхомъ. Такъ какъ причина грѣха лежитъ въ собственной природѣ человѣка, въ душѣ и въ тѣлѣ, а затѣмъ въ природѣ внѣшней, то ему необходимо бороться какъ съ собственной природою—и прежде всего тѣлесною—такъ и со зломъ во внѣшнемъ мірѣ. Грѣховныя влеченія своей природы онъ старается уничтожить, а отъ соблазновъ міра внѣшняго онъ или убѣгаетъ или старается побѣдить ихъ. Такимъ образомъ христіанскій аскетизмъ основывается, какъ мы говорили и выше, на любви человѣка къ Богу

¹⁾ Winkler. Stoicismus eine Wurzel des Christenthums. стр. 43.

и заботѣ о спасеніи собственной души, а стоическій аскетизмъ—на желаніи достигнуть только спокойствія духа и счастья въ настоящей жизни.

Итакъ сравненіе моральной философіи стоиковъ съ нравоученіемъ христіанскимъ показываетъ намъ полное различіе и даже противоположность во многихъ существенныхъ пунктахъ между этими двумя ученіями. Различіе это касается самыхъ основъ стоической и христіанской морали и тѣхъ мотивовъ, какими долженъ руководиться человекъ по тому и другому ученію въ своихъ нравственныхъ дѣйствіяхъ. Уже одно это обстоятельство достаточно для доказательства той истины, — оправдать которую мы поставили задачей своего труда, — что правила христіанскаго нравоученія не позаимствованы изъ стоической философіи, что они не составляютъ простой переработки тѣхъ идей и правилъ нравственности, какія были уже извѣстны міру раньше христіанства, но что христіанство возвѣстило міру новое ученіе, несравненно болѣе высокое, чѣмъ ученіе греческихъ философовъ, такое ученіе, которое не могло быть выработано самими людьми, но которое имѣетъ Божественное происхожденіе. Но можно еще представить и историческія соображенія въ пользу этой истины.

Обыкновенно слишкомъ преувеличиваютъ вліяніе греческой цивилизаціи на цивилизацію іудеевъ. Между тѣмъ изъ исторіи іудейскаго народа мы знаемъ, что палестинскіе іудеи старались оградить себя отъ иноземнаго вліянія, отъ вторженія къ нимъ греческихъ-языческихъ воззрѣній и обычаевъ и обращались къ строгому исполненію Моисеева закона, поселявшаго въ нихъ отвращеніе къ языческимъ народамъ. Нѣсколько иначе относятся къ языческимъ народамъ іудеи разсѣянія. Вынужденные обстоятельства своего положенія среди чуждыхъ народовъ, они сближаются съ этими народами. Но нужно сказать, что сближеніе это было чисто-внѣшнимъ: оно не идетъ дальше усвоенія греческаго языка и свободнаго взгляда на отношенія къ другимъ народностямъ. По прежнему-же іудеи разсѣянія держатся Моисеева закона и не порываютъ связи съ іерусалимскимъ храмомъ. Они имѣютъ въ Іерусалимѣ свои синагоги, отправляютъ въ храмъ пожертвованія, и являются

сами туда на праздникъ Пасхи. Въ тѣсное соприкосновеніе съ язычниками, которые подчинили-бы ихъ своему вліянію, они стараются не входить. Извѣстно, что іудеи имѣли непреодолимый страхъ по отношенію къ религіи, убѣжденіямъ и даже личности язычника. Считалось у іудеевъ преступленіемъ сдѣлаться другомъ невѣрнаго, войти въ его домъ, сѣсть за его столъ ¹⁾. По возвращеніи съ публичнаго мѣста или рынка евреи должны были умывать руки изъ опасенія быть оскверненными прикосновеніемъ къ необрѣзанному. Ненависть породила взаимную ненависть: и язычники относились съ ненавистью и презрѣніемъ къ еврейскому народу, оберегавшему свою національную исключительность. Вездѣ, гдѣ только жили іудеи, они вызывали противъ себя постоянныя гоненія. Рѣдкое мѣсто въ тогдашнемъ мірѣ не было обагрено іудейскою кровью.

Враждебное отношеніе іудеевъ ко всему языческому со временемъ развивалось все болѣе и болѣе, и было очень сильно въ періодъ послѣ возникновенія христіанства. Такое именно отношеніе іудеевъ къ иноземному подтверждаетъ свидѣтельство историка Тацита ²⁾. Отвращеніе іудеевъ ко всему языческому простиралось и на образованіе языческое, какъ это можно видѣть изъ многихъ мѣстъ сочиненій іудейскаго историка Іосифа Флавія. Напримѣръ, у І. Флавія въ заключеніи „древностей“ есть мѣсто, гдѣ говорится, что изучившіе иностранныя языки не заслуживаютъ уваженія въ іудейскомъ народѣ, который думаетъ, что такое знаніе обще и рабамъ и знатымъ людямъ, и который считаетъ мудрыми только тѣхъ, которые приобрѣли знаніе Священнаго Писанія ³⁾. Онъ говоритъ далѣе, что въ его время,—а

¹⁾ Дѣян. 9, 3; 10, 28. Іоан. 18, 28. Гал. 2, 12.

²⁾ Hist. V, 5: *apud ipsos fides obstinata, misericordia in promptu, sed adversus omnes alios hostile odium, separati epulis, discreti cubilibus, profectissima ad libidinem gens, alienarum concubita abstinent.* И далѣе—ниже: *transgressi in morem eorum idem (circumcisionem genitalium) usurpant, nec quidquam prius imbuuntur, quam contemnere Deos. exuere patriam, parentes, liberos, fratres vilia habere.*

³⁾ Вотъ это мѣсто: *πάρ ἡμῶν (τοῖς Ἰουδαίοις) οὐκ ἐκείνους ἀποδέχονται, τοὺς πολλῶν ἐθνῶν διάλεκτον ἐκμαθόντας, καὶ γλαφυρότητι λέξεων τὸν λόγον ἐπιχομφεύοντας, διὰ τὸ κοινὸν εἶναι νομίζειν τὸ ἐπιτίθευμα*

это было время, когда связь между Іудеею и Римомъ была очень тѣсная и когда честолюбивому іудею, чтобы добиться хорошаго общественнаго положенія, прежде всего нужно было-бы усвоить греческій языкъ и культуру, — едва было два-три человека, соблазвившихся греческимъ образованіемъ ¹⁾. Талмудъ налагаетъ проклятіе на тѣхъ, кто обучаетъ своихъ дѣтей греческой наукѣ. Не только греки, но даже и іудеи—эллинисты, жившіе въ греческихъ странахъ, не пользовались симпатіями у палестинскихъ іудеевъ, которые смотрѣли на нихъ подозрительно, какъ на людей, приходившихъ въ соприкосновеніе съ язычниками. По свидѣтельству І. Флавія, іудеи—эллинисты, приходившіе въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи, должны были очищаться здѣсь, прежде чѣмъ войти въ храмъ. Неблагодарное отношеніе палестинскихъ іудеевъ къ іудеямъ—эллинистамъ обнаружилось даже среди христіанъ изъ іудеевъ; оно проявилось въ самомъ началѣ основанія Церкви Божіей, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что „произошелъ у эллинистовъ ропотъ на евреевъ за то, что вдовицы ихъ пренебрегаемы были въ ежедневномъ раздаяніи потребностей“ ²⁾. Для возстановленія порядка въ этомъ отношеніи были избраны семь діаконовъ. Хотя всѣ вышеуказанныя свидѣтельства, подтверждающіе враждебное отношеніе іудеевъ ко всему языческому, относятся сравнительно къ позднему времени — къ 1-му вѣку до Р. Хр., однако они совершенно согласны съ свидѣтельствами въ этомъ родѣ всей исторіи іудейскаго народа и особенно послѣ плѣна вавилонскаго, когда іудеи по своему собственному опыту узнали, какими тяжелыми послѣдствіями сопровождается удаленіе ихъ отъ Бога и Его закона, и когда они рѣшились твердо держаться древняго закона Моисеева.

Вслѣдствіе этого можно съ полною увѣренностью сказать,

τοῦτο οὐκ ἐλευθέρων μόνον τοῖς τυχοῦσιν, ἀλλὰ καὶ τῶν οἰκτερῶν τοῖς θέλουσι, μόνοις δὲ σοφίαν μαρτυροῦσι τοῖς τὰ νόμιμα σαφῶς ἐπισαμένοις καὶ τὴν τῶν ἱερῶν γραμμάτων δύναμιν ἐρμηνεῦσαι δυναμένοις. Приведено въ соч. Gfrörer'a „Geschichte des Urchristenthums“. (1838).

¹⁾ Gfrörer. Geschichte des Urchristenthums. 1838. стр. 115.

²⁾ Дѣян. 6, 1.

что идеи греческой философіи не могли привиться къ палестинскимъ іудеямъ. Слѣдовательно и Іисусъ Христосъ не могъ воспитаться подѣ вліяніемъ этой философіи. Правда, нѣкоторые изслѣдователи стараются доказать, что Іисусъ Христосъ позаимствовалъ свое ученіе у ессеевъ. По мнѣнію Винклера, Іисусъ Христосъ „воспринялъ въ свое ученіе ессейскія идеи, которыми ессеи съ своей стороны были обязаны стоицизму. Сюда принадлежатъ: отвращеніе къ богатству, къ роскоши, неуваженіе къ брачному состоянію и все аскетическое направленіе; пристрастіе къ этикѣ вообще; заповѣдь гуманности, не взирающей на лица; ученіе объ ангелахъ и демонахъ, которые происходятъ изъ свѣта, ученіе о свѣтовой природѣ божественнаго, и многое другое, что при недостаточности извѣстій объ ессеяхъ не можетъ быть опредѣлено въ частностяхъ, но что ясно просвѣчиваетъ въ тенденціи цѣлаго“ ¹⁾. Подобнаго рода утвержденія не имѣютъ никакого сколько-нибудь прочнаго основанія. Лучшіе историки іудейскаго народа—Гретцъ, Евальдъ и Іостъ основательно доказываютъ происхожденіе ессеевъ на *іудейской* почвѣ, независимо отъ вліянія греческой философіи. По мнѣнію Гретца, ессеи выродились изъ партіи ассидеевъ (строгаго благочестивыхъ людей), образовавшейся во времена Маккавеевъ. Строгаго религіознаго партія ассидеевъ, избѣгая мірской жизни, поселилась въ уединеніи. Въ этомъ одиночествѣ она образовала особый орденъ съ особенными нравами и воззрѣніями и получила имя ессеевъ. Ессеи жили, какъ назареи. Въ своей частной жизни они хотѣли представить высокую священническую святость. Такъ-же въ сущности смотритъ на происхожденіе ессеевъ и Эвальдъ. Іостъ считаетъ общество ессеевъ отпрыскомъ фарисейства. Такимъ образомъ нельзя считать основательнымъ то утвержденіе, что секта ессеевъ образовалась подѣ вліяніемъ стоической философіи, какъ это полагаетъ Винклеръ. Но даже и въ томъ случаѣ, если-бы признать, что ессеи позаимствовали нѣкоторые пункты своего ученія у стоиковъ, этотъ фактъ не могъ-бы служить доказательствомъ того, что Іисусъ Христосъ

¹⁾ Winkler. Der. Stoicismus eine Wurzel des Christenthums. стр. 15.

принялъ въ Свое ученіе элементы эссеискіе и слѣдовательно стоическіе ¹⁾. По несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ, эссеи жили на восточной и юговосточной сторонѣ Иудей, — въ мѣстности, находящейся въ совершенно противоположной сторонѣ отъ Галилеи, гдѣ проживалъ Иисусъ Христосъ до времени своего общественнаго служенія. Въ Галилеѣ же эссеи не жили никогда. Несостоятельно и то утвержденіе, что въ ученіи Иисуса Христа находятся черты, сходныя съ ученіемъ эссеискимъ. Многія важныя положенія въ ученіи эссеевъ, какъ догматическомъ, такъ и практическомъ, не примиримы съ христіанскимъ ученіемъ (напр. клятва сохранять въ тайнѣ всѣ проповѣдываемыя ими догматы, мнѣніе эссеевъ о загробной жизни, о блаженствѣ праведниковъ и наказаніи грѣшниковъ, равнодушіе къ нечистотѣ, чрезмѣрное соблюденіе субботы, ненависть ко врагамъ и т. д.). „Если же въ себѣ эссеевъ и указываются Флавіемъ нѣкоторыя черты какъ будто сходныя съ чертами первоначальной жизни христіанскихъ обществъ (взаимное довѣріе, любовь, благотворительность, общеніе имуществъ и т. п.), то, какъ справедливо замѣчаетъ священникъ Буткевичъ, не естественно ли предположить, что іудейскій историкъ, смотрѣвшій на христіанство, очевидно, лишь какъ на одну изъ іудейскихъ сектъ, быть можетъ отчасти смѣшалъ его съ сектою эссеевъ и черты послѣдней перепуталъ съ чертами первенствующей церкви; тѣмъ болѣе, что подобныхъ путаницъ и произвольныхъ смѣшеній у него можно указать значительное количество даже по отношенію къ ветхозавѣтной исторіи еврейскаго народа, особенно если сравнить его книги съ ветхозавѣтными писаніями, которыми онъ несомнѣнно пользовался?“ ²⁾.

Итакъ Иисусъ Христосъ не могъ позаимствовать Своего уче-

¹⁾ Между тѣмъ даже Гретцъ и Юстъ склоняются къ тому мнѣнію, что Иисусъ Христосъ позаимствовалъ Свое ученіе у эссеевъ. Гретцъ говоритъ: „хотя нельзя доказать, былъ-ли Иисусъ формально принять въ орденъ эссеевъ, однако многое изъ Его жизни и дѣятельности можетъ быть объяснено только при томъ предположеніи, что Онъ усвоилъ себѣ эссеискія правила“ (Geschichte d. Jüdæer. 1878. стр. 302).

²⁾ Свящ. Буткевичъ. Жизнь Господа нашего Иисуса Христа.

нія у ессеевъ. Точно также не могъ Онъ приобрѣсти его въ какой-нибудь школѣ, такъ какъ Онъ не получилъ школьнаго систематическаго образованія ¹⁾. Тѣмъ болѣе не могъ Онъ получить философскаго образованія. „Иисусъ Христосъ, говоритъ одинъ ученый, не былъ философомъ. Онъ не былъ воспитанъ и образованъ въ философской, или другой, какой-нибудь школѣ; Онъ не желалъ принадлежать никому кромѣ человечества“. Какъ Самъ Онъ не былъ ученикомъ ученыхъ и мірскихъ мудрецовъ, такъ и Своихъ учениковъ Онъ выбралъ не изъ этого класса людей. „Это должно было доказывать, говоритъ тотъ же ученый, что познаніе, возвѣщеніе и исполненіе высшаго, что необходимо человѣку, зависитъ не отъ учености, искусной философіи и (общественнаго) положенія человѣка, но отъ неспорченной простоты и здоровья его природы, его внутренняго смысла и сердца, и отъ его внимательности къ знаменіямъ и водительству Божію“ ²⁾.

Что касается апостола Павла, то и онъ воспитывался вовсе не подъ вліяніемъ греческой философіи. Для доказательства этой мысли мы воспользуемся данными, извлеченными нами изъ сочиненія извѣстнаго нѣмецкаго историка Гаусрата „Neutestamentliche Zeitgeschichte“ (1872).

Образованіе, полученное ап. Павломъ въ юности, говоритъ Гаусратъ, было образованіемъ чисто еврейскимъ, образованіемъ синагоги. Ап. Павелъ, по его собственнымъ словамъ, былъ „еврей отъ евреевъ, по ученію фари́сей“ (Филип. 3, 5). Онъ родился и получилъ первоначальное воспитаніе въ Тарсѣ, жители котораго выдавались предъ другими іудеями религиозною ревностію и національнымъ образомъ мыслей. Объ эллинизированіи ихъ здѣсь, какъ въ Александріи, нѣтъ и рѣчи. Свои національныя іудейскія воззрѣнія, обычаи и привычки тарсійскіе іудеи проявляли неоднократно. Въ патріотическихъ движеніяхъ Маккавеевъ принимали участіе и тарсійскіе іудеи; тогда Тарсъ поднялся противъ Антиоха Епифана (2 Мак. 4, 30). Важное доказательство въ пользу строгого религиознаго харак-

¹⁾ Мате. 13, 54; Марк. 6, 2; Иоан. 7, 15.

²⁾ Staudlin. Geschichte der Moralphilosophie. 1822.

тера тарсійскаго іудейства можно видѣть въ томъ обстоятельстве, что киликійцы причислялись въ постояннымъ участникамъ праздниковъ въ Іерусалимѣ, имѣли тамъ свою собственную синагогу;—это были тѣ самые киликійцы, которые, при преслѣдованіи Стефана, такъ кроваво доказали на дѣлѣ свою киликійскую ревность. И собственное переселеніе ап. Павла въ Іерусалимъ, гдѣ греческая наука была презираема, свидѣтельствуешь о томъ, что Тарсъ оставался въ связи съ городомъ священниковъ. Капля этой патріотической крови его земляковъ, говоритъ Гаусратъ, течетъ и въ жилахъ ап. Павла. Конечно, его патріотизмъ поставленъ на высшую точку зрѣнія. Хотя онъ говоритъ, что христіанинъ—не іудей и не грекъ, но онъ все-таки усматриваетъ проклятіе Божіе въ томъ, что святой городъ со своими дѣтьми находится въ римскомъ рабствѣ (Гал. 4, 25), и онъ никогда не отрицалъ, что есть нѣчто великое въ прошедшемъ его народа, который носитъ почетное имя „Израиля“, которому принадлежать—сыновство, союзы, законодательство, служеніе Богу и обѣтованія (Рим. 9, 3, 4, 5), „которому принадлежать патріархи и Мессія, въ то время какъ народъ языческой хвалится совершенно другими отцами и обычаями. Все это служитъ доказательствомъ того, что ап. Павелъ получилъ строго іудейское образованіе. Вліяніе окружавшей его греческой учености на его развитіе, по мнѣнію Гаусрата, большею частію было преувеличиваемо. Скорѣе, говоритъ онъ, полное отсутствіе у ап. Павла греческаго образованія есть прямое доказательство того, какъ рѣзко было обособленіе между язычниками и іудеями даже въ разсѣяніи. Въ особенноти въ фарисейскомъ домѣ—а изъ такого дома происходилъ ап. Павелъ—не была терпима греческая литература, какъ оскверняющая. Евреемъ онъ былъ и остался и въ своемъ обращеніи съ греками, такимъ онъ былъ и потомъ, когда необходимость сдѣлала его греческимъ писателемъ. Его греческія посланія показываютъ, что въ своей жизни онъ мыслить по-еврейски; по-еврейски-же говоритъ съ нимъ голосъ на пути въ Дамаскъ. У него еврейскій синтаксисъ, еврейское употребленіе частицъ, и даже слова онъ употребляетъ часто въ разнообразномъ смыслѣ ихъ еврейскихъ

синонимовъ ¹⁾. Такимъ образомъ нѣтъ основанія утверждать, что апостоль Павелъ получилъ греческое образование и воспитался подъ вліяніемъ стоической школы, процвѣтавшей въ Тарсѣ. Уже самый фактъ его *фанатическаго* преслѣдованія христіанъ ясно доказываетъ, какъ далекъ онъ былъ отъ идей стоической философіи, проповѣдывавшей равнодушное отношеніе къ національнымъ предрасудкамъ людей и требовавшей справедливаго отношенія даже къ врагамъ.

Итакъ, рѣшая вопросъ объ отношеніи къ христіанству моральной философіи стоиковъ, на основаніи сравненія этихъ двухъ ученій и на основаніи историческихъ данныхъ, могущихъ подтвердить наши заключенія, мы приходимъ къ слѣдующимъ результатамъ. Правила нравственности христіанской представляютъ собою явленіе самостоятельное, оригинальное. Они не позаимствованы изъ стоической философіи, какъ это думаютъ нѣкоторые изслѣдователи. Сравненіе стоической и христіанской морали обнаруживаетъ полное различіе и даже противоположность между ними въ рѣшеніи основныхъ вопросовъ нравственности. Разныя историческія соображенія также служатъ подтвержденіемъ той истины, что новозавѣтная христіанская нравственность не могла выработаться подъ вліяніемъ моральныхъ идей стоической философіи.

Но это-же самое сравненіе христіанской и стоической морали показываетъ, что и обратное отношеніе стоицизма къ христіанству, т. е. отношеніе зависимости отъ христіанства стоицизма позднѣйшихъ представителей этой философіи—Сенеки, Эпиктета,—также не могло имѣть мѣста. Въ частности о Сенекѣ мы должны сказать, что, хотя онъ и болѣе приближается къ христіанству, чѣмъ предыдущіе стоики, все-таки въ его ученіи не видно существенныхъ отступленій отъ идей болѣе древняго стоицизма и дѣйствительнаго приближенія къ основнымъ началамъ христіанскаго правоученія. Историческія же доказательства того мнѣнія, что Сенека философствовалъ

¹⁾ Hausrath. Neutestamentliche Zeitgeschichte. Zweiter Theil. 1872, стр. 396—399.

подъ христіанскимъ вліяніемъ, имѣютъ въ данномъ вопросѣ, во-первыхъ, лишь второстепенное значеніе, во-вторыхъ, они имѣютъ только предположительный характеръ и не опираются на несомнѣнныхъ фактахъ. Поэтому съ полною вѣроятностью можно утверждать, что Сенека не былъ знакомъ съ христіанскимъ ученіемъ и не заимствовалъ оттуда своихъ идей. Кромѣ того, объясненіе вѣ котораго сходства морали Сенеки съ христіанскою тѣмъ предположеніемъ, что Сенека мыслилъ подъ вліяніемъ христіанства, даже въ томъ случаѣ, если-бы это предположеніе было состоятельно, вовсе не рѣшаетъ весьма важнаго вопроса объ отношеніи къ христіанству стоицизма вообще, такъ какъ видно подобное-же сходство съ христіанствомъ морали стойковъ, жившихъ до Рождества Христова, сходство, котораго уже никакъ нельзя объяснить вліяніемъ христіанства, и такимъ образомъ это объясненіе не рѣшаетъ вопроса, для рѣшенія котораго оно придумано.

Сопоставленіе стоической морали съ христіанскою должно убѣдить насъ не только въ томъ, что между тою и другою моралью существуетъ большое различіе; оно должно также убѣдить насъ и въ томъ, что нравственность христіанская есть дѣло Божіе, а не человѣческое. Христіанская нравственность имѣетъ Божественное происхожденіе и можетъ быть практически осуществлена человѣкомъ только при помощи Самого-же Бога.

Въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: какъ-же объяснить вѣ которое сходство стоическихъ идей съ христіанскими мыслями, сходство, котораго никоимъ образомъ нельзя отрицать? Мы думаемъ, что это сходство можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что и язычники не лишены были возможности познать нѣкоторую долю истины изъ естественнаго откровенія въ природѣ внѣшней, въ душѣ человѣка и въ исторіи человѣчества. Божественное Провидѣніе не оставляло и язычниковъ безъ руководства и приготовленія ихъ къ принятію имѣющаго явиться на землю Спасителя всего рода человѣческаго. Вотъ почему апостоль Павелъ, говоря о язычникахъ, имѣлъ основаніе сказать о нихъ: „когда язычники, не

имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ; то, не имѣя закона, они сами себѣ законъ; они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ: о чемъ свидѣтельствуется совѣсть ихъ и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую¹⁾.

С. Творовъ.

¹⁾ Рим. 2, 14. 15.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Апрѣля № 7. 1888 года.

Содержаніе: Отъ Харьковской духовной Консисторіи.—Отъ Совѣта Харьковского Епархіальнаго Училища.—Списокъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія Харьковской епархіи, коимъ за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству препода-но благословеніе св. Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—

Отъ Харьковской духовной Консисторіи.

Во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства, Харьковская духовная Консисторія симъ объявляетъ: Циркулярнымъ предложеніемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 26 января 1867 года за № 913, состоявшимся по соглашенію съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, между прочимъ, требуется, чтобы архитекторы, коимъ поручены наблюденія за постройками церквей, своевременно доставляли свѣдѣнія въ мѣстныя строительныя отдѣленія губернскаго правленія о началѣ и окончаніи постройки церквей. Въ силу сего предложенія, Харьковская духовная Консисторія предписываетъ къ непремѣнному исполненію всѣмъ Комитетамъ по постройкѣ церквей въ Харьковской епархіи доставлять Харьковскому Епархіальному Архитектору самыя подробныя свѣдѣнія о началѣ и окончаніи работъ каждый годъ, а также и о томъ, что въ такомъ-то году постройка церкви продолжаться не будетъ и по какой причинѣ постройка эта остановлена.

Отъ Совѣта Харьковского Епархіальнаго женскаго училища.

Совѣтъ Харьковского Епархіальнаго женскаго училища симъ объявляетъ, что пріемные послѣ вакаціоннаго времени экзамены для поступленія въ приготовительный классъ, а также и передержка экзаменовъ воспитанницами приготовительнаго класса Совѣтомъ учи-

лица назначены на 8 и 9-е августа н. г., а 10 и 11 переэкзаменовка воспитанницамъ остальныхъ классовъ; обычный актъ назначенъ на 9-е июня н. г.; при чемъ Совѣтъ училища предупреждаетъ, что всѣ лица, которыя не явятся въ назначенные дни къ экзамену или переэкзаменовкѣ, не будутъ впоследствии допущены къ экзамену вовсе, а къ переэкзаменовкѣ — безъ представленія уважительныхъ причинъ неявки своевременно.

С П И С О К Ъ

лицъ духовнаго и свѣтскаго званія Харьковской епархіи, номимъ за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 5—17 февраля 1888 года, за № 270, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода, съ выдачею установленныхъ грамотъ.

Женѣ землевладѣльца, коллежскаго совѣтника Софьѣ съ дочерью Ольгою Духовскимъ; женѣ харьковскаго купца Аняѣ Огненковой; церковному старостѣ Харьковской Николаевской церкви, титулярному совѣтнику Ѳеодору Галкину; купцу Виктору Ламехову; церковному старостѣ Петропавловской церкви г. Сумъ, купеческому сыну Николаю Скубенку; церковному старостѣ Георгіевской церкви, слободы Гусинки, Купянскаго уѣзда, крестьянину Матвѣю Черному; женѣ купца Ульянѣ Поповой; сумскимъ купцамъ: Ѳеодору Власенку и Николаю Лещинскому; церковному старостѣ Покровской церкви слоб. Ямной, Богодуховскаго уѣзда, крестьянину Якову Евкѣ; церковному старостѣ Вознесенской церкви села Лизина, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянину Максиму Хмеленку; тайному совѣтнику Михаилу Шидловскому; купцу Ильѣ Силину; женѣ купца Агриппинѣ Шапошниковой; вдовѣ маіора Екатеринѣ Шелаевой; вдовѣ купца Елизаветѣ Скубенко; купцамъ: Василию Пашенку-Тряпкину, Ивану Огареву и Прокофію Токареву; капитану Александру Хрущеву; полковнику гвардіи Валеріану Неронову. Безъ грамотъ: Мѣщанину Никифору Котелевцеву; подполковнику Николаю Стрѣхѣ; дворянкѣ Людмилѣ Черняковской; купцу Роману Шустову; подполковнику Михаилу Анадрузскому; купцу Василию Парманину; купцу Ивану Коваленку; купцу Родіону Савенку; вдовѣ купца Параскевѣ Кононенконой; женѣ купца Маріи Манаковой; купцу Ивану Величенку; купцу Ивану Ващенко; купцу Николаю Орлову; купцу Ѳеодору Стыжикову; купцу Николаю Бочарову; женѣ мѣщанина Пелагеи Васильевой; женѣ мѣщанина Маріи Муратовой; купцу Ивану Вихреву; полковнику Николаю Лагутинскому.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ Николаевской церкви села Новой Рябны, Богодуховскаго уѣзда, *Виталій Ястремскій*, за усердную пастырскую службу награжденъ набедренникомъ.

— Священники: Ахтырскихъ церквей: Собора Покровскаго *Георгій Хижняковъ* и Николаевской *Василій Хижняковъ* утверждены въ должности законоучителя Ахтырскаго городскаго приходскаго училища—первый въ мужскомъ отдѣленіи, а послѣдній въ женскомъ отдѣленіи.

— Уволенъ заштатъ священникъ Николаевской церкви слоб. Синолицевка, Харьковскаго уѣзда, *Александръ Малшевскій* согласно его прошенію.

— Священникъ *Александръ Навродскій* утвержденъ законоучителемъ Мало-Проходскаго народнаго училища Харьковскаго уѣзда.

— Определены исправляющими должность псаломщиковъ къ церквамъ Рождество-Богородичной, села Дорофеевки, Валковскаго уѣзда, бывший воспитанникъ 5-го класса Харьковской Духовной Семинаріи *Иванъ Ивановъ* и Рождество-Богородичной села Ставичнаго, Богодуховскаго уѣзда, уволенный изъ низшаго отдѣленія той-же Семинаріи *Никаноръ Щербина*.

— На праздно псаломщичье мѣсто, при Сошествіевской церкви слоб. Ново-Екатеринославля Купянскаго уѣзда определенъ студентъ Курской семинаріи *Александръ Весочинскій*.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: къ Рождество-Богородичной церкви слободы Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Федоръ Калиниченко* на 1 трехлѣтіе, къ Покровской ц. слоб. Ворожбы Сумскаго уѣзда крестьянинъ *Илія Андреевъ Журба* и къ Петро-Павловской церкви г. Бѣлополя Сумскаго у. крестьянинъ *Іаковъ Григоріевъ Губскій*, *Моисей Федоровъ Матусенко* къ Покровской церкви слоб. Терновъ Лебедин у. и *Михаилъ Петровъ Каминскій* къ Всѣвятской церкви с. Вырей Сумскаго уѣзда и 2 гильдіи купецъ *Никандръ Сгмеоновъ Пивоваровъ* къ Рождество-Богородичной церкви г. Бѣлополя Сумскаго уѣзда, Сумскаго у. Іоанна Предтечи. с. Терешковки отстав. рядов. *Гаврилъ Алексѣевъ Шинкаренко* и Георгіевской с. Степановки крестьян. *Димитрій Ивановъ Пушкарровскій*, крестьянинъ *Діонисій Ворожба* къ Петро-Павловской церкви слоб. Дружелюбовки Купянскаго у., крестьянинъ *Григорій Яковлевъ Збукаревъ* на первое трехлѣтіе къ Николаевской церкви слоб. Непокритовки Харьковскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Реставрація древнихъ храмовъ на Кавказѣ.—Присужденіе Макаріевскихъ премій.—Юбилей общества распространенія св. писанія въ Россіи.—Распоряженіе епархіальныхъ начальствъ по поводу нѣкоторыхъ недостатковъ въ церковной жизни.—Мѣры противъ цехищеній изъ церквей.—Вопросъ о расширеніи преподаванія Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Къ вопросу объ обезпеченіи приходскаго духовенства.—Епархіальныя эмеритуры и общества взаимнаго страхованія.—Мѣры для увеличенія средствъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ.—Выборъ книгъ для народныхъ читателей.—Замѣчательный примѣръ дѣйствія архипастырскаго слова.—Средство для уничтоженія поддѣлки лампаднаго масла.—Оекта „Селезевцы“.—Покушеніе на жизнь патріарха Иерусалимскаго Никодима.—Къ вопросу о значеніи предстоящаго празднованія 900—лѣтія крещенія Руси.—Преобразование иконостаса Кіево-Софійскаго собора.—Исторія храма св. Владимира въ Херсонѣ Таврическомъ.—Два новыхъ сооруженія въ память Императора Александра II.—Расширеніе правъ министра внутреннихъ дѣлъ въ отношеніи иновѣрнаго духовенства.—Къ вопросу о школьномъ надѣлѣ.—Объ общественныхъ заданкахъ.—Присоединеніе къ православнои Церкви бывшаго чешскаго священника Іоанна Саски.—Самозванный ревизоръ.—

„Новости“ сообщаютъ, что экзархъ Грузій архіепископъ Палладій проектируетъ реставрацію нѣкихъ „кавказскихъ церквей“, которыя особенно знамениты своею древностью, религіозными преданіями, древнимъ архитектурнымъ стилемъ и водчествомъ, каковы, напримѣръ, храмы Мцхетскій, Алавердскій, св. Нины, просвѣтительницы Грузій, Самтависскій, Никазскій, Метехскій, Урбинскій, Гелатскій и др. Для изысканія средствъ на эту реставрацію преосв. Палладій предполагаетъ основать изъ членовъ общества „возстановленія христіанства на Кавказѣ“ особый комитетъ, имѣющій спеціальною цѣлью знакомить все русское общество съ нуждами церквей экзархата и его дорогими священно-историческими мѣстностями и святынями, находящимися нынѣ въ состояніи запустѣнія, чтобы чрезъ это вліять на всѣхъ благоговѣйныхъ поклонниковъ и любителей церковнаго благодѣнія и привлечь ихъ къ матеріальному содѣйствию и поддержанію древнихъ храмовъ.

— На соисканіе преміи преосвященнаго Макарія въ 1887 году были представлены въ учебный комитетъ четырнадцать сочиненій. Изъ нихъ Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію учебнаго комитета, присудилъ, — изъ общей суммы преміи 1887 года, — тысячу рублей, въ качествѣ полной преміи, за сочиненіе инспектора рижской духовной семинаріи Ивана Вознесенскаго, подъ заглавіемъ: „О церковномъ цѣннѣ православнои греко-россійской церкви. Большой знаменитый распѣвъ, съ четырьмя рукописными приложеніями“ (Кіевъ 1887 годъ) и пятьсотъ рублей, въ качествѣ половинной преміи, за сочиненіе преподавателя кіевской духовной семинаріи протоіерея Матвѣя Поторжинскаго, подъ названіемъ „Русская гомиле-

тинеская. хрестоматія съ краткими біографіями русскихъ пастырей-проповѣдниковъ и характеристиками ихъ проповѣдничества" (XVII—XIX вѣковъ). Кіевъ, 1887, годъ.

— Въ нынѣшнемъ году исполнится 25-ти лѣтіе существованія общества для распространенія Священнаго Писанія въ Россіи, учрежденнаго въ началѣ 1863. года небольшимъ частнымъ кружкомъ въ С.-Петербургѣ. За послѣдній годъ, общество, какъ видно изъ отчета, успѣло, благодаря щедрой субсидіи американскаго библейскаго общества, распространить 90,076 экземпляровъ книгъ и брошюры въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи.

— Въ „Новгородскихъ епарх. вѣдомостяхъ“ напечатано слѣдующее распоряженіе епарх. начальства, по поводу нѣкоторыхъ замѣченныхъ пресвященнымъ викаріемъ при обзорѣ епархіи порядковъ, — распоряженіе, которое можетъ имѣть значеніе и для другихъ епархій: „предписать духовенству епархіи, чтобы а) исповѣдныя рожисы велись вездѣ со всею исправностію, въ которыхъ имена прихожанъ, въ предупрежденіе увольненія отъ исполненія христіанскаго долга исповѣди и Св. причастія, вносились-бы не псаломщиками, кто практикуется во многихъ мѣстахъ, а самими священниками; б) Библіотеки церковныя, независимо отъ Богослужебныхъ и учительныхъ книгъ, высланныхъ въ ту или другую церковь по распоряженію начальства, пополнялись другими новѣйшими книгами и журналами духовно-нравственнаго содержанія и чтобы бібліотеки содержались въ порядкѣ, книги своевременно переплетались; в) псаломщикамъ, церковей Епархіи, вѣнчать въ непремѣнную обязанность имѣть каждому не только ватиканскій или хоть начатки Христіанскаго ученія, но и новый завѣтъ съ предисловіемъ на рускомъ нарѣчій и если кто, изъ нихъ, въ полугодный срокъ достаточно не изучитъ катихизиса, то обязать Благочинныхъ доносить о таковыхъ Епархіальному Начальству въ полугодичныхъ рапортахъ по обзорѣ имъ церковей и духовенства и г) свѣчи для церковей приобретаемы доброкачественныя и исключительно на Епархіальномъ заводѣ, а не у частныхъ торговцевъ, которые продаютъ свѣчи большею частію, самаго низкаго сорта, издающія смядъ и дымъ и сильно коптящія“.

— Кіевская духовная консисторія, во избѣжаніе беспорядковъ и злоупотребленій (напр. кражъ), на основаніи 69-го правила 6-го Вселенскаго собора, возбраняющаго мірянамъ входить въ св. алтарь, и повелѣнія въ Бозѣ почившаго императора Николая I объ устройствѣ во всѣхъ церквахъ рѣшетокъ предъ иконостасомъ, съ тою цѣ-

лю, чтобы за рѣшетками предъ иконостасомъ никто изъ мірянъ не стоялъ, предписала причтамъ церквей Кіевской епархіи строго наблюдать, чтобы никому изъ мірянъ не дозволяемо было стоять въ алтарѣ и за рѣшеткою предъ иконостасомъ во время богослуженія въ подвѣдомственныхъ имъ церквахъ. (Кіевск. епарх. вѣд.).

— Изъ Казани идутъ извѣстія о принятыхъ тамъ мѣрахъ къ обезпеченію церквей и охранителей церковнаго имущества отъ злоумышленниковъ. Благочинный свящ. Ляпидовскій (по словамъ епархіальнаго органа) съ прихожанами села Кукморъ, разсудивши о томъ, какъ-бы на будущее время обезопасить церковь и ея охранителей отъ покушеній злоумышленниковъ (въ виду совершеннаго прошлой осенью неизвѣстными злоумышленниками убійства трехъ сторожей при церкви села Кукморъ, съ цѣлью грабежа), положили: 1) нанять на средства приходскаго общества для охраны церкви и ея имущества троихъ сторожей; 2) сторожа эти обязаны поочередно во всю ночь двое бодрствовать, а одинъ можетъ отдыхать, и каждый часъ отбивать караулъ въ сторожевой колоколь, потомъ съ фонаремъ обойти вокругъ церкви и постучать въ чугунную доску, привѣшенную на столбъ противъ алтаря, и 3) поставить 4 столба внутри ограды по четыремъ угламъ церкви, съ фонарями, въ которыхъ горѣлъ-бы всю ночь огонь неопустительно, въ какое-бы время года ни было. Эти распоряженія прихожанами названнаго села приведены въ исполненіе. По полученіи донесенія объ этомъ епарх. начальство рѣшило: мѣру, принятую кукморскими прихожанами къ обезпеченію церкви и охранителей церковнаго имущества отъ возможныхъ со стороны злоумышленниковъ несчастій, одобрить и рекомендовать причтамъ и церковнымъ старостамъ казанской епархіи примѣнять оную, гдѣ окажется возможнымъ.

— Въ настоящее время поставленъ на очередь вопросъ о расширеніи преподаванія Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и о новой постановкѣ его, болѣе соответствующей и важности предмета, и духу православной Церкви. По слухамъ, въ составъ систематическаго курса Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—гимназіяхъ, корпусахъ, институтахъ—проектируется внести догматическое ученіе съ указаніемъ вѣроисповѣдныхъ разностей и ученіе объ обязанностяхъ христіанскихъ. Въ видахъ единства преподаванія и облегченія учащихъ при переходѣ ихъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое, предполагается ввести общее для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній распредѣленіе преподаванія Закона Божія по классамъ.

— „Одесск. Нов.“ напечатали замѣтку о необходимости позаботиться правительству и обществу объ обезпеченіи приходскаго духовенства. Нигдѣ, говоритъ газета, духовенство не поставлено въ такое положеніе, въ такую зависимость отъ паствы, какъ у насъ. Тяжелый физическій и моральный трудъ сельскаго священника, особенно когда приходъ его разбросанъ на 10—15 верстъ, оплачивается 100—150 руб. опредѣленнаго жалованья, да нѣсколькими десятинами земли, которая никогда не въ состояніи прокормить его семьи, хотя бы священникъ и самъ работалъ въ полѣ. Остается плата за требы. Но взиманіе этой платы и ставить священнослужителей въ невозможное положеніе. Жить, не имѣя ничего опредѣленнаго впереди, не будучи увѣреннымъ, что слѣдующій день обезпеченъ—это пытка, адъ. Неувѣренность въ слѣдующемъ днѣ заставляетъ сегодня взять все, или возможно больше. Но отсюда жалобы на поборы, обвиненіе священнослужителей въ любостыжаніи. Это даетъ и поводъ, и богатую пищу для совращенія въ сектанство. Ненормальность подобныхъ отношеній, продолжаетъ газета, чувствуется и пастырями и пасомыми, и обѣ стороны съ живѣйшимъ интересомъ отнесутся къ всякой мѣрѣ, имѣющей въ виду улучшеніе матеріальнаго положенія священнослужителей. Слѣдовало бы прежде всего обратить вниманіе на неравномѣрность приходовъ, неравномѣрность, часто неоправдываемую ни разстояніями, ни вообще географическимъ положеніемъ. Второе и самое главное—священнослужители, вмѣсто добротныхъ (часто по соглашенію) вознагражденій за требы, должны бы получать опредѣленное содержаніе отъ государства или общества, или отъ того и другого вмѣстѣ, но содержаніе, обезпечивающее положеніе семейнаго человѣка въ деревнѣ, принужденнаго воспитывать своихъ дѣтей въ городѣ. Подобными мѣрами, намъ кажется, могутъ устраниться тѣ недоразумѣнія, которыя возникаютъ на почвѣ денежныхъ матеріальныхъ отношеній между священнослужителями и обществомъ. Лучшей иллюстраціей зависимаго положенія священника отъ прихода можетъ служить сообщеніе изъ Кисляковки, херсонскаго уѣзда, обращающее вниманіе на положеніе семьи мѣстнаго священника. „Церковнаго дома нѣтъ, и семья помѣщается буквально въ полуразрушенной конурѣ; дѣти, 4 малолѣтнихъ, часто и очень часто хворали отъ стужи. Было въ прошломъ году постановлено и деньги собраны на постройку церковнаго дома, а и до сихъ поръ нѣтъ даже и признаковъ, когда это дѣло начнется. А вѣдь село большое, продолжаетъ далѣе корреспондентъ, и люди есть состоятельные; они мог-

ли бы подвинуть это дѣло, и избавить какъ священника, такъ и семью его отъ незаслуженныхъ неудобствъ". Съ какимъ сердцемъ священникъ станетъ учить, порицать пороки, насаждать нравственность, когда онъ, ежеминутно, долженъ находиться въ страхѣ за жизнь своего семейства, долженъ утрачивать общество приступитъ къ постройкѣ церковнаго дома, долженъ уговаривать людей состоятельныхъ „подвинуть это дѣло“. Молодой человекъ, полный силъ и энергій, до окончанія семинаріи, вѣдетъ въ приходъ съ истиннѣйшимъ желаніемъ служить пасомымъ, но при первыхъ же шагахъ своей дѣятельности онъ встрѣчаетъ всюду недовѣріе, замѣчаетъ полную зависимость отъ каждаго члена въ отдѣльности и отъ всего общества вмѣстѣ, и неудивительно, поэтому, что онъ уходитъ въ себя; все рѣже и рѣже, все тише и тише раздается голосъ его, все меньше и меньше слышится увѣренности въ рѣчахъ — и вырабатывается типъ священника, исполняющаго службу, требы, но не имѣющаго никакого нравственнаго вліянія на общество, на пасомыхъ. Неудивительно, поэтому, что молодые люди, окончивая семинарію, охотно занимаютъ другія мѣста, а не та, къ которому они готовили себя, въ теченіе многихъ лѣтъ. Священнослужители несутъ государственную службу, а потому на обязанности государства лежитъ вывести ихъ изъ того унизительнаго, зависимаго положенія, въ какомъ они находятся, поставить ихъ прочно и независимо, сообразно ихъ сану и тѣмъ функціямъ, которыя они оправдываютъ.

— На помощь духовенству въ его матеріальныхъ нуждахъ являюся иногда епархіальные епископы. Недавно, высокопреосвященный митрополитъ, Кіевскій Платонъ пожертвовалъ отъ себя 15 тысячъ рублей на устройство возобновленнаго Кіево-Межигорскаго монастыря, при которомъ предполагено устройство такихъ важныхъ благотворительныхъ учреждений, какъ а) пріютъ для безпріютныхъ и престарѣлыхъ священноцерковнослужителей, б) ремесленная школа для тѣхъ священноцерковнослужительскихъ дѣтей, которыя не обучались въ учебныхъ заведеніяхъ, или исключены изъ нихъ за малоуспѣшность, и находятся въ домахъ родителей или родственниковъ ихъ въ праздности, и в) больница для душевно-страждущихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ высокопреосвященный Платонъ предложилъ кіевской консисторіи пригласить всѣ монастыри и приходскіе причты кіевской епархіи, а чрезъ послѣднихъ и прихожанъ ихъ къ посильнымъ пожертвованіямъ на устройство Кіево-Межигорскаго монастыря и предполагаемыхъ при немъ учреждений.

— Духовенство разныхъ епархій чаще и чаще возвращается къ

мысли о своемъ матеріальномъ обезпеченіи общими силами. Оренбургскій епархіальный съѣздъ 27 января выразилъ единодушное желаніе имѣть общепархіальную эмеритальную кассу и избралъ комиссію, какъ для выработки центральнаго управленія кассою; примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ края, такъ и для окончательнаго вырѣшенія, какой уставъ можетъ быть примѣнимъ въ духовенству епархіи". Январскій съѣздъ духовенства владимірекой епархіи, выслушавъ докладъ членовъ временной комиссіи по разработкѣ вопроса объ учрежденіи епарх. общества взаимнаго страхованія отъ огня строеній и представленный проектъ устава обязательнаго взаимнаго страхованія, признавая учрежденіе такого общества для духовенства епархіи полезнымъ, постановилъ просить епарх. преосвященнаго дать проекту дальнѣйшее движеніе. („Церк. Вѣстн.“).

Церковно-приходскія школы, на которыя справедливо возлагаются такія большія надежды, въ значительной своей части, какъ извѣстно, страдаютъ недостаткомъ средствъ и обезпеченностью. Для увеличенія средствъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ владимірекой епархіи, въ которыхъ о.о. уполномоченные на епарх. съѣздѣ 21 прошлаго января предложили взимать со штатныхъ діаконовъ (обязанныхъ заниматься обученіемъ въ означенныхъ школахъ, но не несущихъ этого труда) по 1% съ ихъ доходовъ, за исключеніемъ діаконовъ соборныхъ, кладбищенскихъ, женскихъ монастырей и тѣхъ приходскихъ, которые уже трудятся въ церковно-приходскихъ школахъ. Вопросъ этотъ былъ подвергнутъ закрытой баллотировкѣ и рѣшенъ большинствомъ голосовъ (38 противъ 15) утвердительно. Съѣздомъ было постановлено: взимать съ штатныхъ діаконовъ приходскихъ церквей по 1% съ ихъ годичнаго дохода, обозначеннаго въ клировыхъ вѣдомостяхъ, для увеличенія средствъ на церковно-приходскія школы, если штатные діаконы не будутъ нести трудовъ по обученію въ церковно-приходскихъ школахъ или въ школахъ грамотности, утвержденныхъ братствомъ св. Александра Невскаго. Епархіальный архіепископъ положилъ такую резолюцію: „такъ какъ есть такіе штатные діаконы, которые не занимаются обученіемъ въ церковно-приходскихъ школахъ потому только, что въ ихъ приходяхъ не открыто такихъ школъ, то нахожу болѣе удобнымъ дѣлать вычетъ изъ дохода такихъ штатныхъ діаконовъ, которые по какимъ-либо причинамъ не занимаются обученіемъ въ мѣстныхъ, открытыхъ уже, церковно-приходскихъ школахъ и притомъ въ пользу этихъ са-

мыхъ школъ. Количество вычета должно опредѣляться мѣстнымъ благочинническимъ совѣтомъ, съ моего утвержденія“.

— „Новости“ пишутъ, что вслѣдствіе возникновенія во многихъ городахъ, по примѣру Петербурга и Москвы, „бесплатныхъ читаленъ“, посѣщаемыхъ, преимущественно, ремесленниками, мастерами и учениками среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало распоряженіе, въ видахъ установленія болѣе тщательнаго надзора за выборомъ произведеній печати въ означенныхъ заведеніяхъ, допускать въ нихъ только книги и периодическія изданія, одобренныя учебнымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

— За послѣдніе годы вопросъ о „народномъ“ чтеніи рѣшительно не сходилъ со столбцовъ нашихъ повременныхъ изданій. Среди множества встрѣчающихся тамъ и сямъ мнѣній, толковъ и сужденій по этому поводу, обращаетъ на себя справедливый взглядъ на нашъ вопросъ журнала «Сѣверъ». По мысли издателя этого „чисто русскаго“, новогодняго журнала, „всѣ книги, предназначаемыя для народнаго чтенія и распространяемыя въ народѣ, каково-бы ни было ихъ содержаніе, должны подлежать прежде всего „просвѣщенной духовной цензурѣ“ (Сѣв. 1888 г. № 6). Нельзя не согласиться съ доказательствами, какія приводитъ авторъ этихъ строкъ въ пользу своего взгляда. Духовная пища народа, говоритъ онъ, должна быть особенно чистой, простой и здоровой; это долженъ быть дѣйствительно „святой хлѣбъ“, а кому-же принадлежитъ освященіе хлѣба, какъ не Церкви?! Рѣчь, обращаемая къ православному народу, должна быть прежде всего, какъ солнце свѣтлой, православной рѣчью; она должна быть въ высшей степени ясна, чтобы ничѣмъ не могла соблазнить ни „единого отъ малыхъ сихъ“. Рѣшать-же, удовлетворяетъ-ли то или другое изданіе такимъ условіямъ, безспорно составляетъ дѣло лицъ, стоящихъ на стражѣ Православной Церкви. И еслибы народныя книги проходили у насъ чрезъ двойную—духовную и гражданскую цензуру, то навѣрное въ нихъ не было-бы тѣхъ вредныхъ ошибокъ и страшныхъ недоразумѣній, на какія наталкиваемся мы при чтеніи даже лучшихъ произведеній этого рода, принадлежащихъ перу знаменитыхъ литературныхъ талантовъ („Воскр. День“).

— „Сельскій Вѣстникъ“ сообщаетъ, что преосвященный Владиміръ, епископъ ставропольскій, при посѣщеніи большаго и богатаго селенія Бѣлой-Глины, усмотрѣлъ, что тамошнія кладбища находятся въ состояніи до крайности печальномъ и заброшенномъ, и

обратился къ народу въ церкви со словомъ обличенія. Разъяснивъ ему, что могилы православныхъ христіанъ должны быть всѣми мѣрами охраняемы отъ разрушенія и почитаемы, владыка обличилъ жителей Бѣлой-Глины въ томъ, что они, оставляя сотни и тысячи рублей въ питейныхъ домахъ, ничего не сдѣлали для охраненія кладбищъ отъ скота, „за это поруганіе надъ священнымъ прахомъ христіанъ православныхъ, сказалъ владыка, — за ваше омерзительное пылство, ущербъ многимъ дѣламъ богоугоднымъ, за все это безчиніе... нѣтъ вамъ моего архипастырскаго благословенія!“... Послѣ этихъ словъ архипастыръ направился къ выходу. Народъ, рыдавшій во время этого обличенія, вполнѣ сознавая свою вину, бросился на колѣни, прося прощенія и благословенія. Преосвященный, сильно растроганный этимъ всенароднымъ покаяннымъ воплемъ, съ архипастырскою любовью простилъ имъ грѣхъ непочтенія родителей и заклиналъ ихъ впередъ съ уваженіемъ охранять мѣста упокоенія своихъ близкихъ. „Убойтесь“, говорилъ архипастыръ, — какъ бы, въ противномъ случаѣ, изъ богатой Бѣлой-Глины не осталась здѣсь одна бездушная глина“.

— Между нѣкоторыми другими средствами къ уничтоженію поддѣлки деревяннаго масла заслуживаетъ вниманія мѣра, предлагаемая „на судъ всей православной Русской земли“ г. Полимпсестовымъ (Справ. Обзор. 1888 г. № 2, стр. 379 и слѣд.). По словамъ этого ревнителя церковно-нравственныхъ интересовъ, нѣкоторое время стоявшаго на стражѣ церковнаго имущества, едва-ли мы когда-нибудь освободимся отъ сѣтей обмана и будемъ получать чистое оливковое масло. Для полного прекращенія обмана и вреда онъ предлагаетъ совершенную замѣну деревяннаго масла растительнымъ. На русской землѣ индѣ растутъ дико, а индѣ воздѣлываются, на поляхъ растенія, извѣстныя съ именемъ крестоцвѣтныхъ. Такое названіе получили эти растенія отъ того, что развернувшіеся цвѣтки ихъ имѣютъ сходство съ крестикомъ. Добываемое въ былое время изъ этихъ растеній освѣтительное масло г. Полимпсестовъ и считаетъ самымъ подходящимъ для употребленія въ храмахъ и домахъ предъ иконами. Въ крестообразной формѣ этихъ растеній упомянутый нами ревнитель видитъ какъ будто природное назначеніе ихъ служить тамъ, гдѣ все основано на крестѣ. Едва-ли можно оспаривать, что „старикъ правду говоритъ“ вообще, тѣмъ не менѣе его предложеніе отрѣшиться отъ освященнаго еще ветхозавѣтными вѣками обычая прежде всего нуждается въ строгой провѣркѣ опыта.

— Въ Смоленской губ. существуетъ особенная раскольничья секта „Селезневцы“. По словамъ мѣстнаго миссіонера, о. Клитина, селезневцы по своимъ убѣжденіямъ не раскольники, того или другаго толка,—а тѣмъ болѣе не штундисты, отрицающіе таинства и всякую обрядность православной Церкви; это просто особый родъ православныхъ христіанъ, которые, по какому-то суевѣрному обычаю, не хотятъ принимать таинства св. Причастія до приближенія смерти. Таинству этому селезневцы придаютъ такое важное значеніе, что считаютъ себя недостойными принять его во время половой зрѣлости, опасаясь отвѣтственности предъ Богомъ; ибо, говорятъ они: „не въ судъ или во осужденіе должно быть причастіе тѣла и крови Господней“. Затѣмъ; селезневцы вовсе не распространяющаяся секта, а отживающая, и они въ крайне ограниченномъ остаткѣ находятся въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Чальскаго и Семеновскаго приходоѡ. Священники этихъ приходоѡ говорятъ, что селезневцы крещеніе младенцевъ, браки, исповѣдь, погребеніе, молебны и другіе обряды совершаютъ въ православной Церкви и бывають при богослуженіи. Въ нравственномъ отношеніи селезневцы особенно отличаются воздержностію и трезвостію.

— „Свѣтъ“ сообщаетъ слѣдующее очень важное извѣстіе: Въ Іерусалимѣ совершилось большое и тяжкое преступленіе. Одинъ монахъ-сектаторъ, родомъ арабъ, конечно, не безъ наущеній враговъ православной Церкви, покусился на жизнь патріарха іерусалимскаго Никодима и выстрѣлилъ въ него почти въ упоръ. Волею Провидѣнія жизнь патріарха спасена и внѣ опасности. Но патріархъ раненъ въ руку. Злоумышленникъ, конечно, арестованъ. Въ Петербургѣ, въ церкви святѣйшаго Синода, въ присутствіи г. оберъ-прокурора Константина Петровича Побѣдоносцева и всего высшаго синодальнаго духовенства, высокопреосвященнымъ Никаноромъ, архіепископомъ херсонскимъ, было отслужено торжественное благодарственное молебствіе за спасеніе жизни патріарха Никодима. Патріархъ Никодимъ хорошо извѣстенъ въ Россіи, ибо онъ около 18 лѣтъ провель въ Москвѣ.

Корреспондентъ „Русск. Кур.“ нѣсколько разъясняетъ причину покусенія на жизнь патріарха. Оказывается, что виновникъ этого покусенія—одинъ монахъ изъ Аѡнскаго монастыря, по имени Галактіонъ. Какъ видно, жизнь этого монаха далеко не была примѣрною, и патріархъ намѣренъ былъ принять противъ него строгія мѣры. Предувѣдомленный объ этомъ, монахъ захотѣлъ, не дожидаясь наказанія, отомстить за себя; его еще не задержали.

На вопросъ, не играетъ-ли здѣсь какой-либо роли политика, служатъ отвѣтомъ слѣдующіе факты: „Въ греческомъ монастырѣ въ Іерусалимѣ существуетъ партія, которая очень недовольна политикокъ патріарха. Его обвиняютъ въ преступленіи... руссофильствѣ. Епископъ Никодимъ долгое время жилъ въ Россіи, въ Москвѣ. Въ одномъ изъ засѣданій іерусалимскаго синода патріархъ хотѣлъ оправдаться отъ вводимыхъ на него обвиненій. Эта оправдательная рѣчь была напечатана и послана въ Константинополь. Патріархъ называетъ ложью слухи, будто-бы онъ хочетъ лишить греческій монастырь въ Іерусалимѣ всѣхъ его правъ и привилегій въ пользу Россіи. Но епископъ Никодимъ сознается, что онъ питаетъ къ Россіи большое уваженіе, что очень уважаетъ русскихъ и дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы быть приятнымъ русскимъ. Патріархъ говоритъ, что онъ уважаетъ русскихъ за то, что они пожелали принять греческую вѣру. Безъ Россіи, продолжаетъ онъ, греческій монастырь, греческій патріархъ въ Іерусалимѣ давно перестали бы существовать. Дары Русской Императорской Фамиліи, всемогущества изъ Россіи, русскіе богомольцы даютъ возможность существовать греческому монастырю въ Іерусалимѣ. Эти истины патріархъ ясно формулировалъ. Распространившись по Константинополь, эти извѣстія вызвали сильное возбужденіе умовъ. Здѣсь, особенно во вселенскомъ патріархатѣ не хотятъ слышать о подобныхъ истинахъ“.

Всѣмъ извѣстны анти-русскія чувства вселенскаго патріарха. Во время избранія теперешняго патріарха русское посольство сдѣлало много замѣчаній Портѣ, но турецкое правительство не обратило на нихъ вниманія. Оно желало патріарха открыто враждебнаго Россіи. Если греческій патріархъ не пользуется покровительствомъ русскаго посольства, то онъ находится вполнѣ въ распоряженіи турецкаго правительства, которое, ослабляя грековъ, ослабляетъ въ то же время всѣхъ христіанъ въ Турціи!

— „Варшав. Дневн.“, говоря о предстоящемъ празднованіи 900 лѣтія крещенія Руси, высказываетъ слѣдующее: „Какъ извѣстно, это празднованіе предполагается 15-го іюля, и главнымъ его предточіемъ будетъ „мать городовъ русскихъ“ — старый Кіевъ. Къ этому дню туда, несомнѣнно, съѣдутся русскіе люди со всѣхъ концовъ Русской земли, чтобы поклониться кіевской Святинѣ и принять участіе въ торжествахъ этого священнаго юбилея всей Руси.“

— Но это воспоминаніе о крещеніи св. Владиміра дорого не только для Русскаго народа, — оно дорого и важно для всѣхъ сла-

вянъ, въ особенности, конечно, православныхъ. На славянскомъ Югѣ существуетъ поговорка: „если-бы не было Россіи, не было-бы креста изъ трехъ перстовъ“, т. е. всѣ крестились-бы по католическому, а не по православному обычаю. Благодаря тому, что Россія православна и святой князь Владиміръ принялъ вѣру христіанскую отъ Византіи, а не отъ Рима, югославяне получили поддержку и защиту отъ Россіи, создавшей имъ даже государственную жизнь. Западные славяне тоже хорошо понимаютъ, что существованіе Россіи и ея просвѣщеніе представляютъ залогъ того, что и они не погибнутъ среди чужихъ племенъ и народовъ. Несомнѣнно, на югѣ и западѣ отзовутся славяне на это торжество русскаго народа, и, вѣроятно, найдется среди нихъ немало желающихъ принять участіе въ этомъ праздникѣ. Слѣдуетъ поэтому пожелать, чтобы кіевское славянское общество приняло въ расчетъ эту возможность и вѣро-ятность, и сообразно съ этимъ сдѣлало надлежащія приготовленія не только къ приему славянскихъ гостей, но и къ тому, чтобы праздникъ этотъ и съѣздъ не прошли безслѣдно для подъема славянскаго духа. Такіе праздники, какъ предстоящій, имѣютъ громадное значеніе, ибо воздѣйствуютъ на послѣдующій ходъ развитія народовъ и племенъ. Въ Германіи и Австріи, гдѣ существуетъ множество обществъ, праздники, собирающіе гостей со всѣхъ концовъ нѣмецкой страны, весьма часты. Католики всѣхъ странъ Европы недавно еще устроили свой подобный праздникъ: депутаціи изъ различныхъ странъ и земель ѣздили въ Римъ чествовать папу въ день его юбилея. Эта поѣздка не останется безъ извѣстной пользы для католицизма и его, тенденціи. Почему бы и намъ, русскимъ, не поощрять съѣздовъ славянъ въ торжественные дни нашихъ русскихъ праздниковъ, имѣющихъ обще-славянское значеніе, подобно предстоящему юбилейному воспоминанію о времени просвѣщенія русскаго народа христіанствомъ?...

— Настоящій иконостасъ Кіево-Софійскаго собора устроенъ по проекту академика Солнцева въ 1847 году; въ началѣ онъ былъ четырехъ-ярусный и совершенно закрывалъ собою отъ взоровъ молящихся алтарный абсидъ, съ находящимся на немъ образомъ Пресвятой Богородицы „Нерушимой стѣны“,—этимъ грандіознымъ мозаическимъ памятникомъ временъ мудраго князя Ярослава. Обстоятельство это послужило причиной тому, что самъ Солнцевъ, въ скоромъ времени по установкѣ иконостаса, несмотря на роскошную и дорогую рѣзбу его, предложилъ преобразовать иконостасъ до такихъ размѣровъ въ высоту, чтобы нижняя часть мозаики „Не-

рушимой стѣны“ приходилась по возможности выше горизонтальной линіи, проведенной отъ верхняго карниза иконостаса. Съ этой цѣлью по новому проекту Солнцева, съ Высочайшаго разрѣшенія, сняты съ иконостаса стѣны надъ Царскими вратами, весь второй ярусъ, заключающій въ себѣ 4 образа праздниковъ, и трингуль вмѣстѣ съ находившимися надъ нимъ образами пророковъ. Образъ же св. Троицы и находившіеся въ третьемъ ярусѣ 4 образа апостоловъ опущены на карнизъ перваго яруса. Но предположенная цѣль при этомъ преобразованіи четырехъ-яруснаго иконостаса въ двухъ-ярусный—достигнута была лишь на половину. Иконостасъ послѣ этого хотя и оказался даже вѣскольکو ниже уровня площади хоровъ, но все-таки образъ „Нерушимой стѣны“ съ середины храма можно видѣть только на половину; другіе-же мозаическіе памятники XI в., находящіеся на алтарной стѣнѣ—установленіе Христомъ Спасителемъ таинства евхаристіи, и лики святителей, не видны даже съ хоровъ. Кромѣ этого нынѣшній второй ярусъ закрываетъ собою наилучше сохранившіяся на пилонахъ фресковыя изображенія XI вѣка, которыя, находясь на одной линіи съ мозаическимъ изображеніемъ установленія Спасителемъ таинства причащенія, служатъ очевиднымъ свидѣтельствомъ того, что иконостасъ въ св. Софійи во времена Ярослава былъ далеко ниже настоящаго иконостаса и одноярусный. Вслѣдствіе этого, по инициативѣ кафедральнаго протоіерея П. Г. Лебединцева, причтомъ Кіево-Софійскаго собора, съ разрѣшенія высокопреосвященнѣйшаго митрополита Платона, возбуждено въ установленномъ порядкѣ ходатайство о преобразованіи соборнаго иконостаса до такого размѣра въ высоту, какой онъ имѣлъ въ XI вѣкѣ. Проектъ преобразованія соборнаго иконостаса, составленный на этотъ разъ архитекторомъ Спарро, по разсмотрѣніи его въ мѣстномъ церковно-археологическомъ обществѣ и утвержденіи его высокопреосвященствомъ, препровожденъ въ настоящее время къ г. оберъ-прокурору св. Синода для представленія на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовозвѣщеніе. По проекту этому предполагается снять весь нынѣшній второй ярусъ иконостаса съ образомъ Пресвятой Троицы, измѣнивъ при этомъ форму карниза перваго яруса. Черезъ подобное преобразованіе соборнаго иконостаса изъ двухъ-яруснаго въ одноярусный въ византійскомъ стилѣ, при соответствіи его характеру предположенной реставраціи соборнаго корпуса, вполнѣ будетъ достигнута цѣль—доставить возможность всѣмъ находящимся въ храмѣ безпрепятственно созерцать наилучше, ка-

жется, сохранившіеся у насъ мозаическіе памятники временъ Ярослава.

— На западномъ берегу Крыма, на небольшомъ полуостровѣ, носившемъ въ древности имя Херсонисскаго, за 500 лѣтъ до Рождества Христова, греки основали городъ Херсонисъ или, какъ называли русскіе, Корсунь. Въ этомъ городѣ св. равноапостольный князь Владиміръ пріялъ св. крещеніе. Блаженной памяти императоръ Александръ I, посѣтивъ въ послѣдніе дни своей жизни Крымъ, возымѣлъ желаніе построить на развалинахъ Херсониса, въ память крещенія просвѣтителя земли русской, храмъ его имени. По разнымъ обстоятельствамъ мысль эта тогда не получила осуществленія.

Бывшій преосвященный херсонскій, архіепископъ Иннокентій, желая почтить святость мѣста, послужившаго купелью великаго князя кіевскаго, возбудилъ ходатайство предъ Св. Синодомъ о разрѣшеніи устроить близъ развалинъ, гдѣ, предполагали, стояла церковь, въ которой крестился Владиміръ, монастырь. По полученіи въ 1850 году на сіе разрѣшенія, онъ учредилъ общежительную виновію съ малою каменною церковію во имя св. княгини Ольги, предполагая затѣмъ выстроить другой храмъ имени св. князя Владиміра. Былъ уже составленъ въ 1852 году, по его мысли, подъ руководствомъ члена одесскаго общества исторіи и древностей, Мурзакевича, планъ предполагаемаго храма, въ которомъ должны были быть соблюдены всѣ архитектурныя детали древней формы византійскихъ храмовъ IX вѣка. Но война и послѣдовавшая затѣмъ кончина преосв. Иннокентія оставили и это предположеніе безъ исполненія.

Во время бомбардированія Севастополя былъ разрушенъ храмъ св. Ольги и прочія постройки. На мѣстѣ ихъ непріятель устроилъ батареи. Но скоро по окончаніи Крымской войны монастырь началъ возрождаться. Въ 1857 году на частныя средства былъ устроенъ храмъ во имя святыхъ семи Херсонскихъ священномучениковъ. Тѣмъ временемъ, благодаря трудамъ извѣстнаго нашего ученаго археолога, графа Уварова, производившаго въ Херсонисѣ раскопки, удалось розыскать весьма много остатковъ храма Рождества Пресвятыя Богородицы, въ которомъ совершенно было крещеніе св. князя Владиміра. Открыто было основаніе храма, въ формѣ базилики, 17 саж. длины и 10¹/₂ ширины. По расчисткѣ фундамента, открыта въ полу купель въ видѣ продолговатаго ящика въ 2¹/₂ арш. длины и 1¹/₂ арш. ширины, сдѣланная изъ большихъ тесаныхъ плитъ. Купель находится въ трехъ аршинахъ отъ соли,

правѣ царскихъ вратъ, и углублена ниже основанія пола. Стѣны открытаго изъ подъ развалинъ храма сохранились мѣстами до 1½ сажень въ вышину. Кромѣ того, было открыто много смежныхъ храму зданій, между которыми замѣчательны палаты, служившія для помѣщенія державнаго князя и его невѣсты, а потомъ супруги—царевны Анны.

Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ II-й, желая привести въ исполненіе намѣреніе своего царственнаго дяди, въ 1858 году повелѣлъ составить проектъ на постройку храма въ честь равноапостольнаго храма Владиміра на мѣстѣ откопанной церкви Рождества Пресвятыя Богородицы. Составленный профессоромъ архитектуры Д. И. Гриммомъ, по предназначеніямъ Государя, планъ и фасадъ храма удостоенъ былъ 2-го іюня 1859 года Высочайшаго утвержденія, а въ 23-й день августа 1861 года Монархъ, прибывъ въ Херсонисскій монастырь съ Августѣйшею Супругой, Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и Великою Княжной Маріей Александровной, собственноручно совершилъ закладку храма. По первоначальной смѣтѣ стоимость работъ по сооруженію храма была исчислена въ 738,000 руб. Но затѣмъ, вслѣдствіе затрудненія въ средствахъ, смѣта уменьшена и для кладки стѣнъ, вмѣсто предположеннаго въ началѣ порфира и мѣстной породы мрамора, употребленъ матеріалъ не столь цѣнный. Тѣмъ не менѣе, на постройку херсонскаго храма вчернѣ израсходовано свыше 400,000 рублей. Большая половина этой суммы ассигнована изъ средствъ государственнаго казначейства. Хотя до построенія храма и объявленъ былъ сборъ пожертвованій по имперіи, но онъ далъ недостаточныя средства. Къ 1867 году былъ оконченъ первый этажъ. Въ этомъ году Великій Князь Владиміръ Александровичъ, принявшій на себя, съ соизволенія Государя Александра Николаевича, званіе ктитора храма, положилъ въ стѣнѣ горняго мѣста первый камень, начинавшій собою первый рядъ стѣнъ второгоэтажа собора. Затѣмъ до 1872 года работы подвигались весьма медленно, по недостатку средствъ, а одно время были даже совсѣмъ пріостановлены. По ходатайству бывшаго оберъ-прокурора святѣйшаго Синода графа Д. А. Толстаго, Высочайше утвержденнымъ 27-го іюля 1872 года мнѣніемъ государственнаго совѣта разрѣшено было произвести окончательную достройку храма св. Владиміра и затѣмъ, по Высочайшимъ повелѣніямъ, на этотъ предметъ ассигновано было 236,391 р. Работы по окончательному сооруженію храма были сданы извѣстному желѣзнодорожному строителю П. І. Гу-

бонину. Къ ноябрю 1876 года храмъ вчернѣ былъ оконченъ. По освидѣтельствваніи работъ особою комиссіею, подъ руководствомъ архитектора-профессора Грима, онѣ оказались произведенными вполне исправно, изъ матеріаловъ превосходнаго качества. По внѣшнему виду херсонисскій храмъ грандіозенъ. Онъ сооруженъ изъ инкерманскаго камня. Наружныя стѣны украшены крестами желтаго мрамора изъ инкерманскихъ же каменоломней. Весьма свѣтлый и высокій куполъ увѣнчанъ золотымъ четырехконечнымъ крестомъ. Новый храмъ заключаетъ въ себѣ, какъ въ футлярѣ, откопанный древній храмъ, стѣны котораго вошли въ стѣны нижняго храма. Пространство между стѣнами древняго и новаго храма образуетъ галерею въ нѣсколько сажень ширины. Въ нижнемъ этажѣ будетъ одинъ престолъ въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы. Въ верхнемъ—три престола: главный во имя Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра, и два боковыхъ—во имя Св. Александра Невскаго (теплый) и въ честь Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Работы по внутренней отдѣлкѣ храма, согласно Высочайше утвержденному 18 января сего года мнѣнію Государственнаго совѣта, должны быть окончены къ 1891 году. Въ текущемъ году, ко дню празднованія 900 лѣтія крещенія Руси, предполагено привести въ благоустроенный видъ нижній храмъ. Вся церковная утварь и ризница имѣютъ быть, согласно Высочайшей волѣ, устроены изъ суммъ кабинета Его Императорскаго Величества. („Минута“).

— Въ настоящее время возводятся два новыхъ сооруженія въ память въ Бозѣ почившаго Императора Александра II. Удостоившійся Высочайшаго утвержденія еще весною минувшаго 1887 г. проектъ памятника покойному Государю въ Самарѣ уже приводится въ исполненіе—согласно плану академика Шервудъ. На лицевой сторонѣ пьедестала будетъ надпись: „Александрѣ II, Царю-Освободителю“, а далѣе подъ группами будетъ сдѣлано перечисленіе событій имѣвшихъ мѣсто въ царствованіе покойнаго Государя. На станціи Бурнакъ, Грязе-Царицынской ж. дороги (въ 70 верстахъ отъ гор. Борисоглѣбска), будетъ сооружена церковь въ память въ Бозѣ почившаго Императора Александра II.

— Недавно государственный совѣтъ утвердилъ правила, расширяющія права министра внутреннихъ дѣлъ въ отношеніи иновѣрнаго духовенства. Министру будетъ предоставлено право удалять священниковъ иностранныхъ вѣроисповѣданій по одному представленію департамента духовныхъ дѣлъ. Съѣзды и совѣщанія иновѣрнаго духовенства разрѣшаются только послѣ предварительнаго

разсмотрѣнія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ программы занятій съѣздовъ. Въ засѣданіяхъ этихъ съѣздовъ обязательно будетъ присутствовать членъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Дѣйствія попечительствъ, состоящихъ при иностранныхъ храмахъ, контролируются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, при чемъ ему же должны представляться подробные отчеты о приходѣ и расходованіи суммъ.

— По слухамъ вопросъ о школьномъ земельномъ надѣлѣ близокъ къ практическому осуществленію. Министерство государственныхъ имуществъ, какъ говорятъ, изъявило свое согласіе на отводъ для сельскихъ школъ земель изъ казенныхъ дачъ, въ размѣрѣ двухъ нормальныхъ крестьянскихъ надѣловъ на каждое училище. Этимъ мѣропріятіемъ предполагается: 1) сблизить сельскихъ учителей съ населеніемъ, 2) дать новый источникъ для содержанія школъ, и 3) распространить въ массѣ крестьянскаго населенія, при посредствѣ учителей, сельско-хозяйственныя знанія и приемы высшей земледѣльческой культуры. Всѣ эти цѣли болѣе чѣмъ важны; но для достиженія ихъ необходимо избѣгать нѣкоторыхъ ошибокъ, возможныхъ при проведеніи всякаго новаго дѣла.

Земля, разумѣется, сблизитъ сельскаго учителя съ населеніемъ, но только въ томъ случаѣ, если учитель не будетъ, какъ теперь, часто перемѣщаемъ изъ одной школы въ другую; для такого сблизенія онъ необходимо долженъ самъ работать и въ полѣ, и въ дворѣ, самъ долженъ исполнять если не всѣ, то большинство сельско-хозяйственныхъ работъ. Если при этомъ учитель будетъ человѣкомъ семейнымъ и хозяйственнымъ, то онъ можетъ рассчитывать на сближеніе съ отдѣльными крестьянами и со всѣмъ ихъ обществомъ.

Министерство государственныхъ имуществъ вырѣжетъ изъ своихъ дачъ такой участокъ земли, доходъ съ котораго дастъ возможность безбѣдно существовать школѣ; но участокъ этотъ долженъ быть отданъ имъ не школѣ, а сельскому обществу въ арендное содержаніе, съ тѣмъ, чтобы арендная плата вносилась имъ на обезпеченіе школы.

Сельская школа съ земельнымъ надѣломъ можетъ сдѣлаться орудіемъ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній и улучшенныхъ приемовъ земледѣльческой культуры. Но и для этого тоже нужны извѣстныя условія. Въ Бельгіи они существуютъ, и тамъ школа выполняетъ эту почтенную роль, а въ Лифляндіи, не смотря на широкое распространеніе школьнаго земельного надѣла,

вліяніе учителей на хозяйство крестьянъ очень ограничено. Знакомаясь съ организаціей школъ въ Фландріи, мы видимъ, что учителя въ нихъ имѣютъ теоретическую подготовку по сельскому хозяйству, что таковую-же они сообщаютъ своимъ питомцамъ, что при многихъ школахъ организованы миниатюрныя выставки и склады дешевыхъ, улучшенныхъ орудій и сѣмянъ, что, наконецъ, при школахъ часто организуются публичныя чтенія для взрослыхъ по предметамъ сельскаго хозяйства. Только при этихъ условіяхъ и получается то вліяніе на земледѣльческую культуру страны, которымъ основательно гордится бельгійская школа. Эти-же условія необходимо соблюсти и въ Россіи. („День“).

— Самымъ надежнымъ способомъ обезпеченія народнаго продовольствія служатъ общественныя запашки, распространеніемъ которыхъ среди крестьянскаго населенія заняты въ послѣднее время какъ административныя власти, такъ и земскія учрежденія. По этому поводу профессоръ К. Линдеманъ помѣстилъ въ „Сп. В.“ статью, озаглавленную „Общественныя запашки“, въ которой, на основаніи матеріаловъ, недавно изданныхъ воронежскимъ земствомъ, рисуетъ положеніе общественныхъ запашекъ въ Острогожскомъ уѣздѣ. Въ этомъ уѣздѣ среди государственныхъ крестьянъ запашки были введены управленіемъ государственныхъ имуществъ еще 55 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1833 году. Впослѣдствіи, при освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, онѣ мало по-малу начали распространяться и въ средѣ этихъ послѣднихъ, и въ настоящее время въ острогожскомъ уѣздѣ изъ 226 крестьянскихъ общинъ запашки практикуются уже въ 135. Въ общемъ организація запашекъ представляется въ такомъ видѣ: „полученный съ общественныхъ запашекъ хлѣбъ засыпается въ общественный магазинъ. Это общее правило. Такъ какъ эти запашки ведутся только съ продовольственною цѣлью, то поэтому онѣ иногда прекращаются на время, когда общественный магазинъ полонъ хлѣба. Полученная солома либо продается, и вырученныя деньги обращаются въ подати за міроплатимыя души, либо ею отапливаются общественныя зданія; либо соломой и половою прокармливаются въ теченіи зимы общественныя быкъ.

Пользованіе хлѣбомъ, полученнымъ съ общественныхъ запашекъ, производится такимъ-же образомъ, какъ и всякое вообще пользованіе хлѣбомъ изъ общественнаго магазина, именно по приговорамъ общества. Хотя выдачи его считаются временными ссудами, однако возвратъ ихъ не подчиняется тѣмъ правиламъ, какія примѣняются при заимствованіи изъ магазиновъ пополняемыхъ подворною засып-

вою зерна. Выдавая хлѣбъ общественныхъ запасекъ, общество въ принципѣ постановляетъ необходимость возврата полученной ссуды, зная напередъ, что такія постановленія не всегда оправдываются на практикѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти ссуды возвращаются только отдѣльными хозяевами; большинство-же задолжавшихъ либо состоитъ въ неоплатномъ долгу, либо совершенно освобождается отъ возврата полученной ссуды, которая и пополняется слѣдующимъ урожаемъ съ общественной запашки. Послѣднія становятся такимъ образомъ прекраснымъ дѣломъ сельской общественной благотворительности. Естественно поэтому, что крестьяне весьма сочувственно относятся къ общественнымъ запашкамъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время, благодаря готовымъ образцамъ и тому содѣйствію и покровительству, какое оказываютъ дѣлу распространенія общественныхъ запасекъ различныя мѣстныя власти, оно получитъ весьма желательное распространеніе среди всего крестьянскаго населенія Имперіи. („Харьк. Вѣд.“).

— Недѣля Православія ознаменовалась на Волини присоединеніемъ къ православной Церкви чешскаго священника с. Глинска, Ровенскаго уѣзда, Іоанна Саско. Іоаннъ Осиповичъ со времени прибытія его на Волинь обнаружилъ стремленіе воссоединиться съ православною Церковью и ввести въ ея лоно и свою паству. Это былъ выдающійся дѣятель въ пользу православія въ средѣ чешскаго населенія, а потому и присоединеніе его къ православной Церкви совершено съ небывалымъ еще торжествомъ. Чинъ присоединенія совершалъ въ Житомирскомъ кафедральномъ соборѣ высокопреосвященный Палладій, архіепископъ Волинскій. Обрядъ присоединенія былъ совершенъ во время малаго входа. Когда духовенство, въ преднесеніи протодіакономъ св. Евангелія вышло на середину храма къ архіерейскому амвону и заняло свои мѣста, двое изъ сослужащихъ священниковъ отдѣлились отъ прочаго духовенства и ушли въ лѣвый придѣлъ собора, гдѣ стоялъ Іоаннъ Саско въ ряскѣ. Взявъ его подъ руки, они подвели его къ притвору храма, куда сейчасъ-же подошелъ и архипастыръ съ жезломъ въ рукѣ и въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, сопровождаемый духовенствомъ. Ставъ на орлецѣ, положенномъ заранѣе среди коврика, Владыка осѣнилъ воссоединяемаго крестнымъ знаменіемъ и началъ чинослѣдованіе присоединенія. Не входя въ подробности совершенія обряда, скажемъ только, что все чинослѣдованіе представляло зрѣлище торжественное и умиленное. Массы молящихся, которыхъ собралось въ церковь очень много, а также и чехи, при-

бывшіе въ соборъ, чтобы видѣть присоединеніе Іоанна Сасско, тѣснились со всѣхъ сторонъ поближе къ Владыкѣ, стараясь уловить каждое слово архипастыря и услышать отвѣты Іоанна Сасско; особенно видѣлся тотъ моментъ въ порядкѣ воссоединенія, когда воссоединяемый громкимъ, но дрожащимъ отъ волненія голосомъ читалъ Символь Вѣры и когда онъ слагалъ съ себя сутану католическаго священника, показывая тѣмъ, что онъ будетъ служить православной Церкви въ качествѣ мірянина. По произнесеніи торжественнаго обѣщанія—пробывать въ послушаніи Св. Синоду, мѣстному архипастырю и пастырямъ Россійской Церкви, Іоаннъ Сасско взялъ въ правую руку, поданный ему Высокопреосвященнымъ Палладіемъ, конецъ святительскаго омофора и по возгласѣ архипастыря: „Вниди въ церковь Божию и проч.“ введенъ былъ въ среднюю часть храма къ архіерейской кафедрѣ, впереди которой лежали на аналоѣ св. Евангеліе, вынесенное протодьякономъ на маломъ входѣ изъ алтаря, и крестъ. Когда совершался входъ Іоанна Сасско въ среднюю часть храма, пѣвчіе стройно и въ высшей степени трогательно пѣли 66 псаломъ: „Боже ущедри ны и благослови ны“. По окончаніи пѣнія этого псалма, Сасско преклонилъ колѣна предъ Св. Евангеліемъ и святитель торжественно произнесъ стихи: „Посли Духъ Твой и созиждутся и обновиши лице земли. Обратися, Господи, доколѣ? И умалень буду на рабы твоя“. Въ этотъ трогательный моментъ молящіеся со всѣхъ сторонъ хлынули къ архіерейской кафедрѣ, а чехи, которыхъ тоже было много, кромѣ того, что заняли мѣста, вблизи архіерейской кафедры, помѣстились также на солеѣ, вблизи клиросовъ, чтобы яснѣе съ возвышенія видѣть дальнѣйшій порядокъ присоединенія. Послѣ молитвы, произнесенной Высокопреосвященнымъ Палладіемъ, — „Господи Боже Вседержителю едине святе“, Сасско, при возгласѣ владыки: „возстани и стани добръ; стани со страхомъ“, поднялся съ колѣнъ; но снова преклонилъ ихъ, когда слушалъ разрѣшительную молитву, положенную для присоединяемыхъ, которымъ по чину присоединенія дается разрѣшеніе не на исповѣди, а по воспослѣдованіи присоединенія. По окончаніи всего чина, Высокопреосвященный Палладій произнесъ прочувствованную рѣчь, обращенную къ присоединяемому.

По окончаніи рѣчи Владыки, самъ присоединяемый сказалъ отвѣтную рѣчь Владыкѣ на русскомъ языкѣ, а къ чехамъ — обратьямъ на родномъ. Принявъ поздравленіе отъ Владыки, присоединенный, съ свѣчею въ рукахъ, до конца Литургіи стоялъ

предъ иконою Спасителя на солеѣ, а по окончаніи Литургіи удостоился принятія Св. Таинъ. („Волянъ“).

— Въ г. Гдовѣ недавно происходила сессія петербургскаго окружнаго суда и въ появившемся въ печати отчетѣ о ней значится слѣдующее: „Въ числѣ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ въ мартовскую сессию с.-петербургскаго окружнаго суда, наибольшій интересъ возбудило дѣло о нѣкоемъ Смирницкомъ, искусно, разыгравшемъ роль Хлестакова. Обстоятельства, при которыхъ онъ дѣйствовалъ, какъ видно изъ обвинительнаго акта, были слѣдующія: 26 февраля 1887 г. въ гдовскомъ уѣздномъ полицейскомъ управленіи были получены свѣдѣнія, что какой-то молодой, лѣтъ 17-ти, человѣкъ, подъ видомъ чиновника с.-петербургской духовной консисторіи, производитъ въ Гдовскомъ уѣздѣ ревизію церквей, предъявляя при этомъ указъ консисторіи, которымъ ему будто-бы поручено обревизованіе церквей въ нѣсколькихъ уѣздахъ С.-Петербургской губерніи, съ правомъ взиманія съ каждой—по 3 руб. и подводы для проѣзда до слѣдующей церкви. Приглашенный въ полицейское управленіе, указанный выше молодой человѣкъ, оказавшійся сыномъ псаломщика, Степаномъ Смирницкимъ, на спросъ о его личности заявилъ, что онъ состоитъ въ должности чиновника особыхъ порученій при с.-петербургской духовной консисторіи и командированъ для обревизованія церквей уѣздовъ: Царскосельскаго, Шлиссельбургскаго, Лугскаго, Гдовскаго и села Ословья, Ямбургскаго, въ подтвержденіе чего предъявилъ указъ консисторіи отъ 11-го февраля 1887 г. за № 1756. Вслѣдствіе возникшихъ сомнѣній какъ въ личности Смирницкаго, такъ и въ правильности предъявленнаго имъ указа, гдовскимъ уѣзднымъ исправникомъ была послана въ консисторію телеграмма, до полученія отвѣта на которую надъ Смирницкимъ былъ учрежденъ негласный полицейскій надзоръ. Когда послѣ того полиціею были замѣчены попытки со стороны Смирницкаго бѣжать изъ г. Гдова, онъ снова былъ приглашенъ въ полицейское управленіе, гдѣ сознался въ поддѣлкѣ предъявленнаго имъ указа консисторіи и объяснилъ, что онъ успѣлъ по этому указу обревизовать болѣе 20 церквей, получая за каждую ревизію отъ причтовъ отъ 3-хъ до 6 рублей“.

На предварительномъ слѣдствіи и судебномъ разбирательствѣ все это подтвердилось. Семнадцатилѣтній юноша, мелкій писецъ, удачно разыгралъ роль ревизора духовнаго вѣдомства. Онъ ввелъ въ заблужденіе не какихъ-нибудь безграмотныхъ крестьянъ, способныхъ вѣрить всякой бумажѣ и привыкшихъ видѣть „началь-

ство“ въ каждомъ писарѣ или урядникѣ, а опытныхъ, зрѣлыхъ и призванныхъ просвѣщать народъ духовныхъ пастырей. Смирницкій успѣлъ обрѣзывать двадцать церквей и приходовъ прежде, нежели кому-либо пришло въ голову усомниться въ той роли, которую дерзко присвоилъ себѣ юноша, самый костюмъ котораго и совершенно незаконные и мелкіе поборы не могли не возбуждать подозрѣній. Двадцать пастырей, въ числѣ которыхъ, конечно, находились и благочинные, повѣрили возможности порученія ревизіи церквей какому-то молокососу-оборванцу, составляли акты о ревизіи и писали ихъ, — какъ обнаружилось на судѣ, — „подъ диктовку“ шаловливаго лица, не имѣвшаго на себѣ даже приличной одежды. Смирницкій, какъ оказывается, развѣзжалъ въ простомъ полушубкѣ и имѣлъ видъ оборванца. Ревизуемые не только безропотно снаряжали подводы для безпрепятственнаго передвиженія „ревизора“ изъ прихода въ приходъ и снабжали безъусаго „начальника“ указными, т. е. значащимися въ подложномъ указѣ 3 рублями, но и смазывали это путешествіе еще добавочными приношеніями, частью изъ приходскихъ суммъ, частью изъ собственнаго кармана. Неизвѣстно, долго-ли продолжалась-бы эта, по истинѣ комическая, „ревизія“, если-бы уѣздной полиціи не пришла, наконецъ, счастливая мысль, что на свѣтѣ существуютъ телеграфы и почты и что петербургская консисторія не такъ удалена отъ Гдова, какъ луна отъ земли. Когда во время судебного разбирательства возникъ весьма существенный вопросъ, какимъ образомъ само гдовское духовенство могло попасться на удочку подобнаго ревизора и не отнеслось за справками въ духовную консисторію, заинтересованныя лица заявили, „что хотя у нихъ и являлись сомнѣнія насчетъ личности ревизора „оборванца“, въ виду его молодости, но они, все-таки, думали, что, можетъ быть, онъ посланъ секретаремъ или столоначальникомъ консисторіи, чтобы „покориться и одѣться“, а потому и опасались высказать прямо свои сомнѣнія“.

Эти отвѣты и объясненія еще болѣе характерны, чѣмъ самое событіе..

На основаніи вердикта присяжныхъ судъ приговорилъ самозваннаго ревизора „къ заключенію въ монастырь на восемь мѣсяцевъ“. Такая кара объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что присяжные признали, что юный ревизоръ дѣйствовалъ „безъ полнаго разумѣнія“.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ВОСПИТАНІЯ СЛѢПЫХЪ ДѢТЕЙ.

Составилъ лишенный зрѣнія Г. Морисъ де-ла Сизеранъ, редакторъ двухъ французскихъ журналовъ для слѣпыхъ („Валентинъ Гади“ и „Луи Брайль“) учредитель и директоръ библиотеки для слѣпыхъ въ Парижѣ.

РАЗДАЕТСЯ ВЕЗПЛАТНО

Въ Канцеляріи Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ *)
С.-Петербургъ Казанская ул., д. № 5.

Не существуетъ ни одного слѣпаго ребенка, ни богатаго, ни бѣднаго, для котораго совѣтъ, излагаемый въ настоящемъ руководствѣ, не могли бы быть примѣнены. Дѣйствительно, всѣ слѣпые дѣти, которымъ дано счастье имѣть преданныхъ и разумныхъ родителей, воспитываются на основаніи этихъ началъ.

Послѣдуйте же, родители, примѣру многихъ другихъ: если вы это сдѣлаете, то дитя будетъ вамъ обязано своимъ счастьемъ; какъ доказано опытомъ, оно впоследствии достигнетъ возможности содержать себя честнымъ трудомъ. Если же вы этого не сдѣлаете, то вамъ это не простится, ваше дитя станетъ для всѣхъ тяжелымъ бременемъ, будетъ чувствовать себя несчастнымъ и ни къ чему не годнымъ, и наконецъ, когда оно узнаетъ, что многіе другіе слѣпые содержатъ себя собственнымъ трудомъ и находятъ въ работѣ пользу и утѣшеніе, ваше дитя будетъ васъ упрекать въ томъ, что вы недостаточно заботились объ его первоначальномъ воспитаніи, и такимъ образомъ стали прямыми виновниками его несчастной жизни.

1) Приучайте слѣпаго ребенка ходить самостоятельно въ томъ же возрастѣ, въ которомъ обучаютъ зрячихъ дѣтей ходить безъ помощи.

2) Не заставляйте слѣпаго ребенка сидѣть на одномъ мѣстѣ, а приучайте его, напротивъ, ходить сперва по комнатѣ, затѣмъ по всему дому, и наконецъ вокругъ дома и даже дальше.

3) При первой возможности учите слѣпаго ребенка одѣваться и раздѣваться безъ посторонней помощи, умывать руки и лицо, сморкаться и т. п. Все это слѣпой ребенокъ можетъ исполнять въ томъ же возрастѣ какъ зрячій, необходимо только указать ему, какъ онъ долженъ все это дѣлать.

4) Равнымъ образомъ приучайте слѣпаго ребенка кушать безъ помощи и указывайте ему, какъ онъ долженъ пользоваться ложкою, вилокъ, а впоследствии и ножомъ. При этомъ необходимо объяснять ему подробно, какъ все это дѣлается, потому что слѣпой, конечно, не можетъ, подобно зрячимъ дѣтямъ, подражать движеніямъ другихъ людей.

5) Слѣдите съ особымъ вниманіемъ за тѣмъ, какъ держитъ себя слѣпой ребенокъ, который, не видя какъ держатся другіе, легко принимаетъ дурныя привычки, и неловкія, уродливыя и даже смѣшныя движенія, отъ которыхъ впоследствии отучать его весьма трудно, и которыя могутъ отзываться вредно на послѣдующей

*) Это руководство составлено для родителей слѣпыхъ дѣтей, проживающихъ во Франціи, но оно настолько примѣнимо къ слѣпымъ дѣтямъ всѣхъ странъ, что Совѣтъ Маріинскаго Попечительства признанъ возможнымъ перевести его на русскій языкъ безъ всякихъ переѣнокъ, прибавивъ только въ концѣ свѣдѣнія о находящихся въ Россіи специальныхъ училищахъ для слѣпыхъ дѣтей.

Г. Морисъ де-ла Сизеранъ проживаетъ въ Парижѣ и посвящаетъ все свое время и состояніе на улучшеніе быта своихъ слѣпыхъ соотечественниковъ.

его жизни. Однимъ словомъ, требуйте, чтобы слѣпой ребенокъ держалъ себя совершенно такъ же какъ благовоспитанный зрячій ребенокъ. Слѣдите, напримѣръ, за тѣмъ, чтобы онъ не заносилъ пальцы въ глаза, не качалъ головою, чтобы у него не болтались руки и ноги, чтобы онъ не дѣлалъ странныхъ движеній и гримасъ, и чтобы, стоя или сидя, никогда не держалъ себя скорченными или сгорбленными.

6) Игра необходима для слѣпаго ребенка, но большею частью онъ будетъ вынужденъ играть одинъ, или съ однимъ только товарищемъ, такъ какъ можетъ участвовать лишь въ немногихъ играхъ своихъ зрячихъ сверстниковъ. Поэтому необходимо приучать его къ играмъ, главнымъ образомъ къ такимъ, которыя требуютъ упражненія слуха и осязанія. Прятки и жмурки вполне годны для слѣпаго, когда есть одно или два лица, которыя могутъ играть съ нимъ.

7) Такъ какъ слѣпой ребенокъ не можетъ двигаться на чистомъ воздухѣ такъ же легко, какъ зрячій дѣти, то заставляйте его по крайней мѣрѣ гулять какъ можно чаще. При томъ, въ виду того, что недугъ заставляетъ его поневолѣ быть неподвижнымъ или двигаться медленно, всякаго рода упражненія на чистомъ воздухѣ, какъ ямоу, такъ и лѣтомъ, полезны для слѣпаго ребенка.

8) Ребенокъ долженъ съ ранняго дѣтства стараться быть полезнымъ въ домѣ, и исполнять посильныя ему работы, напримѣръ чистить мебель, мыть окна, шелушить горохъ, чистить картофель и морковь, наматывать нитки, чистить орѣхи и миндаль, трепать конопель и даже носить воду. Въ дальнѣйшемъ возрастѣ слѣпой можетъ стирать бѣлье, чистить платья, мести полы, мыть посуду, бить масло, мѣсить тѣсто, вертѣть точило, донть коровъ, кормить животныхъ, стлать постели, служить за столомъ и исполнять многія другія домашнія работы.

9) Заставляйте слѣпаго ребенка заниматься легкими ручными работами, въ родѣ вязанія, плетенія, шитья и т. п. Даже еслибы его издѣлія въ началѣ оказались и не годными къ употребленію, то такія простыя работы все-таки приносятъ большую пользу ребенку, развивая гибкость его рукъ и пальцевъ.

10) Однимъ словомъ, имѣйте при воспитаніи слѣпаго ребенка въ виду, что ему придется жить среди зрячихъ, отъ которыхъ онъ долженъ по возможности менѣе отличаться своими движеніями, привычками и занятіями.

11) Бесѣдуйте чаще со слѣпымъ ребенкомъ, который, не имѣя возможности видѣть на лицѣ своихъ родителей выраженіе ихъ нѣжной любви къ нему, чувствуетъ болѣе другихъ дѣтей потребность часто слышать ихъ голосъ. Какъ только слѣпой ребенокъ достигаетъ того возраста, въ которомъ начинаетъ говорить, спрашивайте его чаще о томъ, что онъ слышитъ, что ощущаетъ вокругъ себя; дайте ему возможность обращаться къ вамъ съ вопросами во всякое время, и отвѣчайте всегда охотно и подробно на его дѣтскіе вопросы.

12) Если необходимо быть осторожнымъ во всякомъ разговорѣ, который ведется вообще въ присутствіи дѣтей, то эту осторожность слѣдуетъ усугубить по отношенію къ слѣпымъ дѣтямъ. Имъ доступны только немногія впечатлѣнія, на которыхъ они сосредоточиваютъ свои мысли, и поэтому они всегда слушаютъ очень внимательно. У нихъ и воспоминанія не такъ скоро изглаживаются какъ у зрячаго ребенка, принимающаго нерѣдко въ одно и то же время самую разнообразную впечатлѣнія. Поэтому, во многихъ случаяхъ слѣпой ребенокъ замѣчаетъ и припоминаетъ такія слова, которыя зрячій ребенокъ пропускаетъ безъ вниманія. Разговаривая со слѣпымъ ребенкомъ, не забывайте никогда, что онъ слѣдитъ за вашими словами не только со вниманіемъ, но даже съ жадностью, что онъ ничего не упускаетъ, и старается все понимать, и что всякій неосторожный разговоръ, веденный вами въ его присутствіи, сдѣлается предметомъ его размышленій на нѣсколько часовъ, а иногда и на нѣсколько дней.

13) Нравственное и религіозное образованіе слѣпаго ребенка можетъ быть начато въ томъ же возрастѣ, какъ и у зрячихъ дѣтей. У послѣднихъ оно не рѣдко начинается ранѣе обученія ихъ грамотѣ, такъ что въ это время они находятся въ одинаковыхъ почти условіяхъ со слѣпыми.

14) Для слѣпаго ребенка еще болѣе важно, нежели для зрячаго, быть всегда занятымъ, будь то игрою, или работою.

15) Не выражайте никогда передъ слѣпымъ ребенкомъ чувства жалости, ощущаемаго вами при видѣ его слѣпоты. Ваше сожалѣніе, не принося ему никакой пользы, можетъ только привести его въ уныніе. Онъ, большею частью, и не подумалъ бы жаловаться на свою судьбу, пока вы его не наведете на эту мысль.

Поощрите его, напротивъ того, къ труду и къ самостоятельности, и такимъ образомъ вы приготовите его къ жизни твердой, полезной. а нерѣдко даже пріятной для него самаго.

16) Необходимо постоянно развивать у слѣпца ребенка память, которая должна со временемъ оказать ему важныя услуги. Слепой чрезвычайно любитъ рассказы. Заставляйте его ввучивать наизусть и рассказывать лучшіе общезвѣстные историческіе и нравственныя рассказы. Пользуйтесь всякимъ случаемъ для прочтенія ему доступныхъ его пониманію книгъ.

17) Слепой ребенокъ распознаетъ вѣшніе предметы исключительно при помощи слуха и осязанія. Поэтому, для ознакомленія его съ какимъ-либо предметомъ, необходимо, чтобы онъ его ощупалъ со всѣхъ сторонъ, а также и измѣрялъ его, если идетъ дѣло о пространствахъ и величинахъ. Давайте ему въ руки тѣ предметы, съ которыми вы желаете его ознакомить. Пріучайте его различать осязаніемъ разныя монеты, матеріи, растенія и фрукты.

18) По достиженіи слѣпымъ ребенкомъ возраста, въ которомъ зрѣчія дѣти начинаютъ посѣщать обыкновенную школу, старайтесь помѣстить слѣпца вашего ребенка въ такую-же школу, учитель которой въ нѣсколько часовъ могъ-бы усвоить себѣ систему чтенія и писанія для слѣпыхъ, и просите учителя, чтобы онъ занимался нашимъ ребенкомъ по крайней мѣрѣ столько-же, сколько онъ посвящаетъ времени на зрячихъ его товарищей. Если помѣщеніе слѣпца ребенка въ обыкновенную школу окажется не возможнымъ, то слѣдуетъ начать обученіе дома, въ семьѣ, до тѣхъ поръ пока онъ можетъ быть принятъ въ специальное училище слѣпыхъ. Въ такія училища слѣпцы дѣти поступаютъ болѣею частью съ десятилѣтняго возраста, нѣкоторыя же училища принимаютъ ихъ и ранѣе, даже съ пятилѣтняго возраста *). Въ училищахъ слѣпыхъ родители всегда могутъ ознакомиться съ наиболѣе необходимыми учебными пособиями для слѣпыхъ, и заведывающія этими училищами лица, безъ сомнѣнія, съ полною готовностью во всякое время будутъ давать родителямъ необходимыя указанія относительно воспитанія и обученія слѣпыхъ дѣтей и пріобрѣтенія для нихъ учебныхъ пособій.

Въ настоящее время въ Россіи существуютъ слѣдующія училища для слѣпыхъ дѣтей.

I. Вѣдомства *Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ*: 1) въ С.-Петербургѣ на 55 дѣтей обоего пола (Спасская ул. 25); 2) въ Кіевѣ, на 40 дѣтей обоего пола; 3) въ Казани, на 20 дѣтей обоего пола; 4) въ Костромѣ на 30 дѣвочекъ; 5) въ Воронежѣ на 15 дѣтей; 6) въ Одессѣ на 10 мальчиковъ; 7) въ Харьковѣ на 15 мальчиковъ; 8) въ Ревелѣ, на 15 дѣтей обоего пола.

II. Вѣдомства *Императорскаго Человѣколюбиваго Общества*:

9) институтъ слѣпыхъ мальчиковъ въ С.-Петербургѣ (Мясная ул., 19); 10) Маріинскій институтъ слѣпыхъ дѣвцъ въ С.-Петербургѣ (Мясная ул., 19).

III. Вѣдомства *Министерства Народнаго Просвѣщенія*:

11) институтъ слѣпыхъ въ Варшавѣ.

IV. *Частныя учрежденія*:

12) учебно-воспитательное заведеніе для слѣпыхъ дѣтей въ Москвѣ; 13) пріютъ Принца Ольденбургскаго для слѣпыхъ дѣтей въ Москвѣ; 14) институтъ слѣпыхъ въ Ригѣ; 15) училище слѣпыхъ въ Гельсингфорсѣ; 16) училище слѣпыхъ въ Куопіо (въ Финляндіи).

Правила для пріема дѣтей въ училища слѣпыхъ вѣдомства Маріинскаго Попечительства.

Поступающіе въ училища для слѣпыхъ дѣтей мальчики и дѣвочки должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

1. Незаблѣпная слѣпота на оба глаза.
2. Возрастъ отъ 7 до 11 лѣтъ включительно.
3. Способность къ образованію и обученію.

*) Въ Россіи въ училища слѣпыхъ, вѣдомства Маріинскаго Попечительства, дѣти принимаются съ семилѣтняго возраста.

4. Отсутствие другихъ, кромя слѣпоты, тѣлесныхъ недуговъ и физическихъ недостатковъ.

5. Сообразно этому, при прошеніи на простой бумагѣ о приѣмѣ ребенка въ училище, представляются слѣдующіе документы: свидѣтельства: а) метрическое, б) о привітіи оспы и в) медицинское, объ условіяхъ, обозначенныхъ въ пунктахъ 1-мъ и 4-мъ.

6. Окончательному приѣму ребенка предшествуетъ періодъ успытанія (отъ 1 до 2 мѣсяцевъ). Если въ этотъ промежутокъ времени пребываніе его въ училищѣ окажется по какимъ нибудь обстоятельствомъ невозможнымъ, то онъ возвращается роднымъ или опекунамъ.

7. Родители или опекуны при поступленіи ребенка выдаютъ обязательство взять его изъ училища по окончаніи имъ курса, или, по требованію Попечительства, и ранѣе этого срока.

8. Попечительство имѣетъ право удалить изъ училища ребенка, пребываніе котораго окажется бесполезнымъ для его собственнаго развитія, или же вреднымъ для другихъ воспитанниковъ и воспитанницъ.

9. Годовая плата за каждаго питерна составляетъ 300 р., но Маріинское Попечительство (или мѣстное Отдѣленіе) можетъ уменьшать оную, сообразуясь съ нѣмощественнымъ положеніемъ родителей или опекаемыхъ.

Бѣднѣйшія дѣти принимаются бесплатно.

Заявленія о принятіи слѣпыхъ дѣтей въ училище могутъ быть подаваемы въ С.-Петербургѣ Предсѣдателю Совѣта Маріинскаго Попечительства Статсъ-Секретарю Гроту (Большая Конюшенная, д. № 1) или въ Канцелярію Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ (Казанская ул., домъ Опекунскаго Совѣта, въ помѣщеніи Собств. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи), а въ губерніяхъ—въ мѣстныя Отдѣленія и Комитеты Попечительства или къ его Уполномоченнымъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

Протоіерея В. Владиславлева:

ПРАЗДНОВАНИЕ

благополучно совершившагося двадцатипятилѣтія

ВЪ САНЪ ЕПИСКОПА

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО САВВЫ,

Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго.

Тверь. 1888. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Изданіе въ пользу Братства святаго Благочестиваго князя Михаила Ярославича Тверскаго.

НОВАЯ ГАЗЕТА

„ДРУГЪ ИСТИНЫ“

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ СЪ ПОЛОВИНЫ МЯСЯЦА МАРТА НАСТОЯЩАГО ГОДА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО по Субботамъ.

Редакція названной газеты поставляетъ себѣ задачей вести борьбу съ расколомъ старообрядчества и съ другими сектами. Соответственно этой задачѣ программа газеты слѣдующая:

1) Изъясненіе дневнаго Евангельскаго или апостольскаго чтенія, при чемъ особенное вниманіе будетъ обращено на то изреченіе, которое можетъ имѣть близкое нравственное приложеніе къ раскольникамъ и сектантамъ. 2) Руководственныя статьи, имѣющія своимъ предметомъ раскрытіе той или другой истины христіанскаго вѣроученія. Мысли этихъ статей всегда будутъ основываться на Словѣ Божіемъ, будутъ подтверждаемы ученіемъ Св. Отцевъ, ученіе которыхъ, по мѣрѣ надобности, будетъ излагаться ихъ собственными словами въ славянскомъ или русскомъ переводѣ. 3) Разсмотрѣнія и доказательства несостоятельности того или другаго раскольническаго или сектантскаго ученія. 4) Разныя извѣстія: а) объ особыхъ дѣйствіяхъ Промисла Божія, способствовавшаго обращенію въ православіе находившихся въ расколѣ и сектантствѣ; б) о различныхъ современныхъ событіяхъ въ средѣ раскола и секты, в) о дѣятеляхъ противъ раскола и секты; г) о лицахъ, имѣющихъ особенное значеніе въ расколѣ и сектахъ; д) рассказы объ особыхъ путяхъ Промисла Божія, замѣченныхъ самими обратившимися въ православіе. 5) Мелкія замѣтки о разныхъ событіяхъ, такъ или иначе касающихся раскола и секты, а равно о тѣхъ или другихъ сектантскихъ и раскольническихъ произведеніяхъ. 6) Краткія бібліографическія свѣдѣнія о новыхъ изданіяхъ противъ раскола и секты.

Газета будетъ выходить въ размѣрѣ не менѣе одного печатнаго листа. Сверхъ того въ мѣсяцы: октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль и мартъ при каждомъ номерѣ газеты отдѣльно будутъ прилагаться бесѣды, составленныя и произнесенныя о.о. собесѣдниками подъ руководствомъ Преосвященнѣйшаго Мисаила. Подписная цѣна газеты на годъ съ пересылкой ТРИ р. с., на полгода ДВА р. с. Подписка принимается въ редакціи: Москва, Таганка, д. Воскресенской церкви, кв. священника Н. А. Красновскаго; также у священника Введенской, въ Барашахъ, церкви Н. А. Покровскаго (кв. въ церкви. д.) и у священника Покровскаго собора В. Ф. Барбарина (д. собора, Москварѣцкая ул.).

Редакторы: священникъ *Н. Красновскій.*

„ *Н. Покровскій.*

Издатель—священникъ *В. Барбаринъ.*

Въ Харьковскую Епархіальную Книжную Лавку

(что въ колокольнѣ Кафедральнаго соора *),

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ КНИГИ:

Исторія Св. Земли 15 к., Городъ Псковъ и его окрестности 15 к., Гордый лѣсовикъ 15 к., Тонулъ да выплылъ 12 к., Богомольцы у св. Києвск. Лавры 20 к., то же 10 к., Покореніе царства Казанскаго 5 к., Архангельскіе китоловы 20 к., Крыловъ 10 к., Владиміръ Мономахъ 15 к., Валаамская обитель 8 к., Отшельникъ 5 коп., Климъ 5 к., Архангельскій край 20 коп., Бесѣда о флотѣ 25 коп., Капитанская дочь 15 к., Императрица Екатерина 2-я 15 к., Безъмянный 5 к., Знаменитый полководецъ Суворовъ 15 к., М. В. Ломоносовъ 15 коп., Механикъ самоучка Кулибинъ 1 к., Пожары въ Россіи 10 к., Преп. Несторъ 10 к., У всякаго свой конекъ 25 к., Новый Сусанинъ Осипъ Комисаровъ 10 к., О христіанскомъ воспитаніи дѣтей 20 к., Самоучитель закона Божія 15 к., О св. митропо-

* Иногородные адресуютъ въ Харьк. Епархіальный Книжный Комитетъ, прилагая на каждый рубль пересылочныхъ по 10 к.

литахъ Петръ и Алексіѣ 10 к., Церковь и государство 10 к., Причины невѣрія 10 к., О величїи Божіемъ на небѣ 10 к., Св. Іосифъ Обручникъ 10 коп., Два слова на Благовѣщеніе Пресв. Богородицы 5 к., Благословенное увѣщаніе ко св. причащенію 20 к., Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы 3 к., Воскресные рассказы въ 3-хъ выпускахъ 3 р. 50 к., Воскресеніе Христово 20 к., Изъ исторїи русской церкви 20 к., Іосифъ 25 к., Нѣсколько словъ о нищихъ 5 к., Общедоступное чтеніе во время говѣнія 15 коп., О подражанїи Іисусу Христу 40 коп., О покаяніи 6 к., О любви къ царю 10 к., Св. земля 2 р., Св. Павелъ Фивейскій 20 к., Савва освященный 20 к., Зосима и Марія 10 к., Св. прор. предт. и Крест. Іоаннъ 5 к., Священ. исторія В. З. выпускъ 1-й, съ 31 карт. 1 р. 50 к., Св. пророкъ Ілія 10 к., Толкованіе на притчу о мытарѣ 10 к., Цари израильскіе 1 р., Начальное чтеніе 30 к., Гуттенбергъ 15 к., Дѣтство Пушкина 15 к., Докторъ Джернеръ 20 к., Ломоносовъ 15 к., Карамзинъ 15 коп., Очеркъ жизни Пушкина 20 к., Александръ Благословенный 8 к., Бунтъ Степъки разина 15 к., Вел. князь Ярославъ 10 к., Вел. кн. Владиміръ 25 к., Иванъ Сусанинъ 10 к., Куликовская битва 10 к., Курсъ новой исторїи Соловьева 80 к., Краткій очеркъ царствованія Александра II-го 10 к., Московскій кремль 80 к., Мининъ и Пожарскій 20 к., Полтавскій бой 10 коп., Покореніе Казани 15 к., Почему сооруженъ храмъ Христа Спасителя 7 к., Русскіе вел. князья и царя 50 к., Достопримѣчательности московскаго кремля 8 коп., Смутное время 20 коп., Соломонія 40 к., Старина земли русской 15 коп., Холера 35 к., Царь Θεодоръ Іоанновичъ 5 к., Бѣлка и сурокъ 10 к., Будьте сострадательны 25 к., Гребенщикъ 20 коп., Дерево и его жизнь 15 к., Заразныя и повальные болѣзни 10 к., Изъ міра насѣкомыхъ 20 к., Исторія капли воды 10 к., Домашнія и дикія птицы 35 к., Лапы и когти 80 к., Летучія мыши 15 к., Лошадь 20 к., Наши обязанности къ животнымъ 1 р. 20 к., Овцы и овцеводство 15 к., Пчелы и пчеловодство 25 коп., Чѣмъ питается растеніе 15 к., Чѣмъ питается человѣкъ 10 к., Амурская область 5 коп., Енисейская губернія 5 к., Забайкальская область 5 к., Иностранцы Приморской области 5 к., Иркутская область 5 к., Китай 2 част. 30 к., Области сибирскихъ и оренбургскихъ киргизовъ 10 коп., Океаны 15 коп., Приорская область 5 к., Семирѣченская область 15 к., Томская губ. 6 коп., Якутская губ. 5 к., Японія 15 к., Семь чудесъ свѣта 50 к., Заблудившіеся цыплята 2 к., Любовь къ животнымъ 5 к., Маша 5 к., Перескащикъ 2 к., Св. Іоаннъ Креститель 4 к., Житіе св. Антонія и Θεодосія Печерскихъ 4 к., Вел. кн. Ярославъ Мудрый 4 к., Св. Фларетъ Милостивый 4 к., Святополкъ окаанный 4 к., Русская народная азбука 4 к., Рѣдкій примѣръ добродѣтели 3 к., Воспоминаніе объ отечественной 1812 г. войнѣ 12 к., Всѣмъ захочешь угодить, самъ безъ толку будешь жить 3 к., Миръ въ семьѣ лучше ссоры и пьянству худой конецъ 3 коп., Запри на ключъ истинное происшествіе 3 к., Судъ Божій 3 к., О сложенїи перстовъ для благословенія и крестнаго знаменія 3 к., Старый вязъ 3 к., Наставленіе матерямъ грудныхъ дѣтей 3 к., Груша или чрезъ младенца спасеніе 3 к., Кузнецъ преступникъ 3 коп., Великіе чудеса Божїи въ моряхъ и океанѣ 3 коп., Свѣтъ не безъ добрыхъ людей 3 к., Дядюшка Мартынъ 3 к., Чудесное спасеніе отъ самоубійства 3 к., Чистосердечная исповѣдь 3 к., Одно только нужно 3 к., Молитвы въ стихахъ 3 к., Житіе св. Зосима и Марія 3 к., Климента Великаго, архіеп. Болгарскаго 3 коп., Киррала и Меводія 3 коп., Алексія человѣка Божїа 3 к., Ученіе св. Ефрема Сирена о покаяніи 3 к., Страннопрїимство пустынника 1 к., Помните дѣти 5-ю заповѣдь 1 к., Въ добродѣтели наше счастье 1 к., Дивное видѣніе 1 к., Владиміръ христіанинъ 1 к., Избраніе вѣры 1 к., Св. князь труженникъ для родной земли 1 коп., Бесѣда на молитву Господню 1 к., Равно апостольная Ольга 1 к., Бесѣда на молитву Царю Небесный 1 к., Дорожите дѣти благословеніемъ родительскимъ 1 к., Крещеніе Руси 1 коп., Отечественскій завѣтъ прав. русскому воину 1 к., Первозванный апостоль Христосъ 1 к., Русскіе первоученики 1 к., Храните дѣти завѣтъ родительскій 1 к., Прежде самъ прости 1 к., Мученикъ за Царя 1 коп., Въ скорби къ Богу поскорѣе 1 коп., Въ одной кавкажѣ перевоз. ап. Христовъ, Равноап. Ольга, Избраніе вѣры, Русскіе Первоученики, Крещеніе Руси и Владиміръ христіанинъ 8 к., Іерейскій молитвословъ въ соф. 2 р., въ бум. 1 руб. 40 к., и только что напечатанный портретъ въ Бовѣ почившаго Харьковскаго архіепископа Мелетія съ его факсимиле, цѣна раскрашенному экземпляру 60 к., тушью 25 к.

ПОДПИСКА НА МАССОВЫЙ ЖУРНАЛ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ особымъ заглавнымъ листомъ для каждой части. Первая изъ частей составляется изъ церковнаго отдѣла, вторая двѣ части—изъ философскаго отдѣла, третья часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархii“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжечекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Врандировъ.